

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 4 (70). № 3

**Симферополь
2018**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4(70), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 7 июня 2018.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомяный Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора – главный редактор;

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцента (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлезов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь).

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 70х100 1/16. Усл. п. л. 11. Заказ № НП/203. Тираж 50 экз.

Подписной индекс объединенного каталога «Пресса России» 39924. Цена 220 руб. Дата выхода в свет 05.12.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7. <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 904

СИНХРОНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Антонов Е. Е.

*Институт археологии РАН
г. Москва, Российская федерация
E-mail: antonov.yegor@gmail.com*

Рассмотрена проблема археологической периодизации одного из наиболее полно изученных регионов крымской Поздней Скифии. В работе разбираются датировки строительных периодов восьми позднескифских поселений, исследованных раскопками. Они синхронизированы между собой, а также сопоставлены с историческими периодами. Первые позднескифские строительные остатки большинства поселений можно датировать только широко: второй половиной II в. до н. э. – 63 г. до н. э. Надежно, хоть и не во всех случаях, выделяется период от смерти Митридата VI до военной акции Аспурга. Следующий исторический период – до похода Плавтия Сильвана – чётко зафиксирован в стратиграфии двух поселений. Строительные остатки финального периода выделены на трёх памятниках. Полученная схема может быть использована для выявления общих тенденций в застройке поселений региона.

Ключевые слова: позднескифская археологическая культура, Северо-Западный Крым, синхронизация, хронология, периодизация.

Исследователи истории позднескифских поселений Северо-Западного Крыма неоднократно затрагивали проблему ее периодизации [6; 23; 28, с. 101–140; 47; 50; 51, с. 35–43, 116–135]. Но за последние годы накоплен большой объем новых материалов, а, кроме того, были сужены датировки различных категорий находок. Это позволяет уточнить существующие схемы. Наиболее перспективным путём представляется синхронизация выделенных строительных периодов отдельных поселений и сопоставление их с историческими событиями, известными по письменным источникам. Решению этих задач и посвящена настоящая статья.

Сведения письменных источников о поздних скифах Северо-Западного Крыма отрывочны. Они упоминают пять крупных событий, которые могли затронуть регион, и *гипотетически* делят его историю на шесть периодов:

1. от занятия поселений поздними скифами до походов Диофанта (до 114/113–111 гг. до н. э. [1, с. 70; 25, с. 210; 27, с. 88; 35, с. 37; 44, с. 134, 135]);
2. от походов Диофанта до вывода понтийских гарнизонов [25, с. 216; 44, с. 147, 148; 49, с. 128–129] (около 96 гг. до н. э. [44, с. 148] или до 89 г. до н. э. [46, с. 66]);
3. от вывода понтийских гарнизонов до смерти Митридата VI Евпатора [5, с. 65; 6; 29, с. 65–66] (до 63 г. до н. э.);
4. от смерти Митридата до военной акции Аспурга (до 16–23 гг. н. э.) [6; 20, с. 29–30; 25, с. 218; 41, с. 101; 42, с. 129; 43, с. 116, 117; 45, с. 217–218];
5. от акции Аспурга до похода Т. Плавтия Сильвана [14, с. 118; 20, с. 23–24; 25, с. 218–219; 28, с. 133–135; 43, с. 116; 51, с. 135] (до 63–66 гг. н. э. [20, с. 20; 22, с. 62; 23, с. 20]);
6. от похода Т. Плавтия Сильвана до запустения поселений региона.

Раскопками в Северо-Западном Крыму исследовались восемь позднескифских поселений¹. Рассмотрим периодизацию каждого из них.

Кара-Тобе. На Кара-Тобе напластования «додиофантовского» периода практически не сохранились [7, с. 210]. Самые ранние открытые слои и сооружения Кара-Тобе (период I) датируются по материалу последней четвертью II – первой половиной I вв. до н. э. [12, с. 90]. Они отложились при строительстве и функционировании небольшой крепости периода Диофантовых войн [9]. Несколько уточнить верхнюю хронологическую границу периода I позволяют, в первую очередь, нумизматические находки. Из Кара-Тобе происходит 6 монет времен Митридата VI Евпатора. Среди них – херсонесская монета, предположительно 110–100 гг. до н. э., три монеты чеканки Амиса 105–90 гг. до н. э., пантикапейская монета 90–80-х гг. до н. э. и синопская – 80–70-х гг. до н. э. [12, с. 91]. Таким образом, судя по нумизматическим находкам, понтийский гарнизон был выведен с Кара-Тобе не ранее 80–70-х гг. до н. э.

В слоях периода I обнаружены также амфорные клейма. Большая часть из них стоит на родосских сосудах и датируется 147–118 гг. до н. э., то есть временем до Диофантовых войн. Убедительно объяснить этот парадокс пока не удаётся [12, с. 94–95].

Первые конструкции, которые можно связывать с присутствием поздних скифов на Кара-Тобе, удастся датировать только стратиграфически: они перекрывают строительные остатки понтийской крепости, но при этом сами перекрыты слоем, содержащим фрагменты светлоглиняных амфор [11, с. 168, 170–172]. Светлоглиняные амфоры появляются в Северном Причерноморье с рубежа 60-х и 50-х гг. до н. э. [8, с. 137–139, 151–152], то есть наиболее вероятная дата первых зафиксированных позднескифских строительных остатков на Кара-Тобе – не ранее 80-70-х и не позднее рубежа 60-х и 50-х гг. до н. э.

Начало строительного периода II маркируется появлением светлоглиняных позднегераклейских амфор, что определяет его нижнюю дату – рубеж 60-х и 50-х гг. до н. э. [8, с. 137–139, 151–152]. Конец этого периода отмечен слоем разрушений и пожара, в котором, в частности, обнаружено более 20 наконечников стрел, наконечник дротика и два наконечника копий. В слое пожара также найдено большое количество развалов керамики. Это сосуды варианта С Ia (рубеж 60-х и 50-х гг. до н. э. – первая четверть I в. н. э.) и типа Син III (предположительно 40-е гг. I в. до н. э. – конец I в. н. э.). Также обнаружены амфоры варианта С Ib (10-ые гг. I в. н. э. – первая треть I в. н. э.) и Син IVa (конец I в. до н. э. – середина II в. н. э.) [6, с. 41–46; 8, с. 118]. Встречаются и сосуды варианта С IVZ [10; 24]. При этом в слое пожара нет светлоглиняных узкогорлых амфор самого раннего подварианта С IVa₁ (вторая четверть – начало последней четверти I в. н. э.) [6, с. 41–46; 8, с. 118]. Таким образом, формально дату разгрома и верхнюю хронологическую границу периода II можно определить по массовому материалу как конец первой четверти I в. н. э.

¹ Благодарю С. Ю. Внукова, С. Б. Ланцова и В. А. Кутайсова за возможность ознакомиться с полевыми отчетами.

Керамические комплексы периода III Кара-Тобе отличаются от предыдущих присутствием фрагментов амфор подварианта C IVA₁ (вторая – начало последней четверти I в. н. э.) и Син V (середина – вторая половина I в. н. э.), [10, с. 27, 33]. При этом в комплексах уже нет амфор варианта C Ia (бытует до конца первой четверти I в. н. э.), но еще не появилась, например, разновидность C IVA₂ (поступает с 60-х гг. I в. н. э.). То есть период III, очевидно, следует датировать второй четвертью – 60-ми гг. I в. н. э.

Четвертый период на Кара-Тобе маркируется появлением разновидностей амфор C IVA₂ (60-е гг. – конец I в. н. э.), C IVB₁ (80-е гг. I в. н. э. – начало II в. н. э.), Син II (последняя четверть I в. н. э. – после середины III в. н. э.) и Kx IC₁ (с последней четверти I в. н. э.¹) [10, с. 27, 31]. В слоях периода IV обнаружены также малочисленные фрагменты амфор подварианта C IVB₂² (появляется в начале II в. н. э. [13, с. 44]). Из более поздних разновидностей тары встречено по одному фрагменту сосудов вариантов C IVC и C IVD [10, с. 30]. Таким образом, верхнюю границу строительного периода IV следует датировать началом распространения подварианта C IVB₂, то есть первым десятилетием II в. н. э. [13, с. 44].

Керкинитида. Последний греческий период в истории Керкинитиды (период В) В. А. Кутайсов датировал широко – III–II вв. до н. э. Среди наиболее поздних находок сравнительно узкую дату дают лишь керамические клейма. Родосским сосудам принадлежат только два фабрикантских клейма [26, с. 30–32], которые относятся к пятой группе (145–109 гг. до н. э.) [24, с. 423].

В напластованиях позднескифского периода А также присутствуют родосские клейма V группы. Есть и эпонимные клейма подгрупп Vb и Vc, датирующиеся по последним разработкам соответственно 132–121 и 120–108 гг. до н. э. [24, с. 421]. Найдено и одно эпонимное клеймо VI группы (107–88/86 гг. до н. э.) [26, с. 29–30]. Отсутствие в греческих напластованиях узко датируемых эпонимных клейм, а в позднескифских слоях – клейм подгруппы Va позволяет предположить, что Керкинитида была занята поздними скифами в 20-е гг. II в. до н. э.

Гибель позднескифского поселения В. А. Кутайсов относил ко времени походов Диофанта [26, с. 159–160]. Но в описанном им материале, как отмечал С. Ю. Внуков [6], присутствуют фрагменты светлоглиняных амфор варианта C Ia (середина I в. до н. э. – первая четверть I в. н. э.) [8, с. 167] и сосудов типа Син III (середина I в. до н. э. – третья четверть I в. н. э.) [8, с. 167]. Узкогорлых светлоглиняных амфор, которые появляются со второй четверти I в. н. э. [8, с. 160–167], в слоях Керкинитиды нет. Это позволило предположить, что позднескифское поселение существовало здесь и после походов Диофанта – до первой четверти I в. н. э.

Некоторую ясность в этот вопрос вносят отчеты о раскопках в Керкинитиде. При раскопках дома IV (в помещении 8 и во дворе) были найдены фрагменты псевдокосских светлоглиняных амфор [19, с. 28, 30]. Это говорит о том, что дом IV существовал и в середине I в. до н. э. В остальных домах и полуземлянках Керкинитиды фрагменты светлоглиняной тары отсутствуют.

¹ Датировки даны по: [8, с. 167; 13, с. 44].

² Устное сообщение С. Ю. Внукова.

Чайка. По мнению Е. А. Поповой, греческое поселение на Чайке существует до третьей четверти II в. до н. э. На это, в частности, указывают родосские клейма подгруппы IVb и группы V, книдское клеймо VI группы [37, с. 24, 25, 27, 28]. Наиболее позднее эпонимное родосское клеймо относится к подгруппе Vb и датируется 132–121 гг. [24, с. 421]. Нужно отметить, что значительная часть этих находок происходит из слоев, перекрывших греческие строительные остатки, а сам материал единичен. Сохранность строительных остатков очень плохая, и поэтому их греческая атрибуция не может быть доказана.

Из наслоений позднескифского периода I происходят родосские эпонимные клейма подгрупп Vb, Vc и группы VI [38, с. 305]. Если проигнорировать единичные находки с не вполне ясным контекстом (см. выше), то можно прийти к выводу, что Чайку, как и Керкинитиду, поздние скифы занимают примерно в 20-х гг. II в. до н. э.

О верхней границе первого периода Чайки единого мнения нет. Е. А. Попова сначала проводила ее около середины I в. до н. э. [40, с. 99], но в последней статье этим временем датирует окончание периода II [38, с. 303]. Первое из этих двух мнений представляется более вероятным, поскольку именно в слоях периода II массово появляются фрагменты светлоглиняной тары, в частности, амфор типа С I [2, с. 68; 36, с. 41, 69].

Хронологическую границу между вторым и третьим периодами на Чайке четко установить не удастся. Не исключено, что на нее могут указывать находки в слоях периода III фрагменты сосудов типа С III [36, с. 51; 38, с. 304; 52, с. 35], появившихся в 20–15 гг. I в. до н. э. [8, с. 167]. Следовательно, период III начался не позднее этого времени. Наиболее поздней разновидностью тары, встречающейся на Чайке в заметном количестве, является вариант С IVZ [4, с. 60], который появляется в начале I в. н. э. и встречается на других памятниках в слоях разрушений Аспурговой войны [13, с. 38]. При этом на городище Чайка практически отсутствуют фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор¹ [38, с. 304], бытующих со второй четверти I в. н. э. [8, с. 167]. Это позволяет датировать верхнюю хронологическую границу периода III (и существования поселения) концом первой четверти I в. н. э. В «предместье» Чайки прослежены следы разгрома этого времени [39, с. 87, 92].

Калос Лимен. Дата занятия Калос Лимена поздними скифами также устанавливается по родосским клеймам. На верхних полах последнего греческого яруса В «4» были обнаружены родосские эпонимные клейма подгруппы IVb (152–146 гг. до н. э.), а также фабрикантские: групп III (198–161 гг. до н. э.), IV (160–146 гг. до н. э.) и IV/V (160–108 гг. до н. э.) [49, с. 29] (датировки по: [24, с. 420, 422]). Таким образом, самые поздние узко датируемые клейма в греческих напластованиях не «моложе» 146 г. до н. э.

Коллекция из нижнего позднескифского яруса («С» 1) несколько представительнее. Это родосские эпонимные клейма, которые по последним данным [24, с. 420–421] относятся к подгруппам IVa (160–153 гг. до н. э.), Va (145–133 гг. до н. э.), Vb (132–121 гг. до н. э.) и группе VI (107–88/86 гг.). Кроме того,

¹ Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор на Чайке буквально единичны [4, с. 60] и на общую датировку памятника не влияют.

здесь же найдены родосские фабрикантские клейма групп III (198–161 гг. до н. э.), IV/V (160–108 гг. до н. э.) и V (145–108 гг. до н. э.) [49, с. 30] (датировки по: [24, с. 422]). Очевидно, что этот набор отличается от «греческого» прежде всего наличием эпонимных клейм подгрупп Va и Vb. Видимо, 40–30-е гг. до н. э. и следует предположительно считать временем занятия Калос Лимена поздними скифами.

Следующий стратиграфический ярус – «С» 2 – В. Б. Уженцев связывал с пребыванием в Калос Лимене понтийского гарнизона, следы которого фиксируются только на территории цитадели городища. Узкую дату дают шесть монет и одно клеймо. Нумизматические находки представлены дихалком Амиса 120–111 гг. до н. э., двумя амисскими тетрахаками (111–105 гг. до н. э.), монетой Пафлагонии 111–105 гг. до н. э. (предположительно), а также двумя монетами, предположительно чекана Диоскуриады (105–90 гг. до н. э.). Также найдено книдское эпонимное клеймо с именем Дионисия подгруппы VIIA (115–88 гг. до н. э.) [49, с. 31]. Таким образом, судя по нумизматическим находкам и книдскому клейму, понтийский гарнизон ушёл из Калос Лимена не ранее 105–88 гг. до н. э.

В наслоениях ярусов С «1» и С «2» отсутствуют фрагменты светлоглиняной тары; они появляются только в следующем ярусе «С» 3 [49, с. 32]. При этом позднескифские конструкции яруса С «1» выявлены и в цитадели, и за ее пределами, а понтийские (яруса С «2») – только в цитадели. То есть часть позднескифских объектов яруса С «1», открытых вне цитадели, может быть отнесена ко времени до рубежа 60 и 50-х гг. I в. до н. э. (до появления светлоглиняных амфор [8, с. 167]).

Нижнюю хронологическую границу яруса «С» 3 В. Б. Уженцев определял как вторая четверть I в. до н. э. Основанием для такой даты выступали фрагменты светлоглиняных амфор С Ia [48, с. 161, рис. 4.1; 49, с. 32, 217, рис. 82.1] и С II [49, с. 32], найденные в нижних слоях яруса, и их устаревшая датировка [3, с. 199, 203]. Сейчас время появления светлоглиняной тары сужено до рубежа 60-х и 50-х гг. I в. до н. э. [8, с. 167].

Окончание яруса «С» 3 отмечено слоями разрушений, в которых, кроме указанных выше разновидностей тары, обнаружены амфоры с припухлым горлом [48, с. 161, рис. 4.2; 49, с. 217, рис. 82.2] и с воронковидным венчиком [48, с. 161, рис. 4.5; 49, с. 217, рис. 82.5]. Первые встречаются на других памятниках Северного Причерноморья в комплексах первой трети I в. н. э. [10, с. 43]. Амфоры с воронковидным венчиком, судя по находкам на Кара-Тобе, распространяются с последней четверти I в. до н. э. – начала I н. э. [10, с. 38, 47]. В слое разрушения обнаружен также кубок с орнаментом в технике «барботин», который датируется временем не ранее конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. [49, 32]. Однако В. Б. Уженцев не упоминает в этих комплексах находок фрагментов сосудов сравнительно редкого типа С III, который появляется в 20–15 гг. до н. э. [8, с. 167]. Тем не менее более поздняя дата упомянутых выше сосудов, с одной стороны, и отсутствие узкогорлых светлоглиняных амфор [49, с. 32] – с другой, позволяет датировать разрушения и окончание яруса «С» 3 первой четвертью I в. н. э. [8, с. 167].

Следующий ярус «С» 4 В. Б. Уженцев датирует второй – началом третьей четверти I в. н. э. В комплексах этого яруса встречаются амфоры разновидностей С Ia, С Ib, С II (?), С III¹ и С IVA₁ [49, с. 33]. Указанное сочетание разновидностей вызывает некоторые сомнения. Так, тип С II перестаёт бытовать на рубеже эр, подвариант С Ia – в первой четверти I в. н. э., а подвариант С IVA₁ появляется только во второй четверти I в. н. э. [8, с. 167]. Однако, учитывая верхнюю дату предыдущего яруса, а также время бытования подварианта С IVA₁, ярус «С» 4 можно формально и предположительно датировать второй и третьей четвертью I в. н. э. Примечательно, что окончание периода отмечено пожарами, а в напластованиях яруса были найдены наконечники дротика и копья [49, с. 33].

В комплексах последнего яруса – «С» 5 – найдены сосуды подварианта С IVB₂ [48, с. 165, рис. 7. 1–4; 48, с. 223, рис. 88. 1–4] и типа Син II [48, с. 165, рис. 7. 5–10; 48, с. 223, рис. 88. 5–10]. Такие синопские сосуды появляются с последней четверти I в. н.э. [8, с. 167], подвариант С IVB₂ датируется началом II – 40-и гг. II вв. н. э. [13, с. 44]. При этом в массовом материале яруса «С» 5 нет амфор варианта С IVC [49, с. 34], которые появляются во второй четверти II в. н. э. [8, с. 167], до 140 гг. [13, с. 44]. Вероятно, последней четвертью I в. н. э. – первой четвертью II в. н. э. и следует формально датировать рассматриваемый ярус.

Кульчук. Позднескифские дома второй половины II в. н. э. – рубежа 60-х и 50-х гг. I в. до н. э. на этом городище пока не выявлены. Предполагается, что новые жители поселения использовали оборонительные башни и стены греческих усадеб (в частности, башню № 2 усадьбы № 2, в которой найдены находки рубежа II и I вв. до н. э. [30, с. 7, 10]). Кроме того, в прибрежной полосе были открыты несколько конструкций этого времени, которые были построены из сырцовых кирпичей, установленных по кругу [15, с. 12–14; 16, с. 14–16].

К югу от башни № 2 Кульчука и в северо-восточном углу усадьбы № 2 выявлены участки позднескифской застройки, которую С. Б. Ланцов датирует рубежом эр – началом I в. н. э. Здесь, в частности, обнаружены фрагменты амфор типа С I, а также профилированные ручки светлоглиняных амфор (С III ?) [31, с. 15; 32, с. 41, 51, 52, 69, 70–71, 73, 74, 75 и др.] Верхняя дата существования открытых помещений по отсутствию фрагментов узкогорлой светлоглиняной тары ² определяется как конец первой четверти I в. н. э. Башня гибнет в пожаре, который связывается с походом Аспурга [30, с. 6, 10; 31, с. 13–16, 18; 32, с. 13–14; 33, с. 146; 34, с. 263].

Беляус. Периодизации Беляуса посвящена отдельная статья О. Д. Дашевской и А. С. Голенцова 2004 г. [18]. Эта периодизация не используется в полевых отчетах о раскопках Беляуса, поэтому проверить ее обоснованность затруднительно. Авторы статьи полагали, что поздние скифы занимают Беляус уже в начале II в. до н. э. Они

¹ Рисунки фрагментов этих сосудов из комплексов яруса С «4» не опубликованы, проверить их атрибуцию невозможно.

² В слое дёрна на Кульчуке найдены фрагменты «красноглиняной боспорской амфоры» II–III вв. н. э. и позднегераклеяского сосуда варианта С IVC [32, с. 10], но ни с какими строительными остатками они не связаны.

обосновали такую дату клеймами из золистых напластований двора, которые связывают с пребыванием поздних скифов: родосскими, херсонесскими, синопскими и книдскими. Родосские клейма авторы статьи характеризуют очень суммарно, отмечая лишь, что их больше всего – 27, из них 18 датируются 220–180 гг. до н. э.¹ Остальные клейма показывают широкий хронологический разброс – от последней четверти III в. до н. э. до конца II до н. э. [18, с. 35]. При этом связь золистых напластований двора со строительными остатками, которые атрибутированы как позднескифские, не очевидна. А сами строительные остатки крайне невыразительные [18, с. 35]; на каком основании они признаны позднескифскими, не ясно.

Седьмой период Беляуса датируется исследователями второй половиной II в. до н. э. Эта датировка также основана на клеймах, обнаруженных в «зольнике» двора. Как и в предыдущем случае, связь напластований со строительными остатками не доказана [18, с. 35–36].

При описании ранних скифских периодов VI и VII О. Д. Дашевская и А. С. Голенцов не упоминают находки светлоглиняной тары. Контекст соседних памятников указывает на вторую половину II в. до н. э. как на наиболее вероятное время занятия поздними скифами Северо-Западного Крыма. Поэтому эти периоды Беляуса, видимо, можно по аналогии также относить ко второй половине II в. до н. э. – рубежу 60-х и 50-х гг. I в. до н. э.

Восьмой период Беляуса авторы раскопок датируют I в. до н. э. Его начало связывается с разрушением памятника в результате походов Диофанта. Для определения нижней хронологической границы периода вновь используются клейма из «зольника» двора. Его верхняя граница никак не обоснована. В статье упоминается горло светлоглиняной амфоры [18, с. 35–37]. Это обстоятельство позволяет предположительно относить восьмой период ко времени после рубежа 60-х и 50-х гг. I в. до н. э.

Девятый период датируется так же, широко, как и предыдущий – всем I в. н. э. Основания для такой датировки не приводятся. Упоминаются и разрушения, связанные с походом Т. Плавтия Сильвана, но они не рассматриваются как основание для более дробной периодизации. Время окончания жизни на Беляусе авторы статьи также никак не обосновывают [18, с. 37].

Вопросы датировки и периодизации позднескифских строительных остатков на поселениях Тарпанчи и Южно-Донузлавском будут подробно освещены в статьях, которые сейчас готовятся автором к печати. Чтобы избежать повторений, здесь они лишь включены в общую таблицу (табл. 1).

Подведем итог. Позднескифские строительные остатки первого исторического периода – до Диофантовых войн – обоснованно выделены только на Калос Лимене. Понтийское присутствие (исторический период 2) зафиксировано только на Калос Лимене и Кара-Тобе. Строительные остатки исторического периода 3 (от вывода понтийских войск до смерти Митридата VI) – только на Кара-Тобе. На остальных поселениях самые ранние сооружения поздних скифов возможно датировать только

¹ Какая хронологическая схема использовалась, не указано, что само по себе ставит датировку клейм Беляуса под вопрос.

широко – временем от занятия региона новым населением до смерти Митридата VI. Это можно объяснить объективными причинами: часть позднескифских поселений продолжала существовать и во время оккупации Северо-Западного Крыма понтийскими войсками [44, с. 278–279].

Последующий период 4 – до военной акции Аспурга – отразился в строительной истории пяти поселений, исследованных раскопками. Исключения составляют Беляус и Южно-Донузлавское, где датировки строительных периодов практически не обоснованы, а также Тарпанчи, на котором строительные остатки указанного периода, видимо, не открыты.

Керкинитида, Кульчук и Чайка прекращают существование в конце первой четверти I в. н. э. Исторический период 5 – между походами Аспурга и Т. Плавтия Сильвана – чётко выделен только на Кара-Тобе и Калос Лимене. На Беляусе и Южно-Донузлавском проследить этот период не удаётся. Строительные остатки последнего периода 6 – от экспедиции Т. Плавтия Сильвана до окончания жизни на поселениях – выделяются на Калос Лимене, Тарпанчи и Кара-Тобе.

Синхронизация строительных периодов различных памятников представлена в таблице 1. Нужно подчеркнуть, что предложенная схема не может претендовать на окончательность и, стоит надеяться, будет уточнена в ходе дальнейших полевых и музейных исследований. Однако и в нынешнем виде она может быть использована для выявления общих тенденций и различий в планировках поселений, в их застройке и в оборонительных системах.

Таблица 1

Синхронизация строительных остатков позднескифских поселений Северо-Западного Крыма.

Исторические периоды	Период 1. До похода в Диофанта	Период 2. До вывода понтийских войск	Период 3. До смерти Митридата VI	Период 4. До военной акции Аспурга		Период 5. До похода Т. Плавтия Сильвана	Период 6. До запустения региона
Керкинитида	Период А (кроме дома IV)			Дом IV			
Чайка	Период I			Период II	Период III		
Кульчук	Отдельные конструкции, использование греческих укреплений (?)			Помещения в СВ углу усадьбы № 2 и к Ю от башни № 2			
Калос	Ярус «С» 1 в	Ярус		Ярус «С» 3		Ярус «С»	Ярус

Лимен	цитадели	«С» 2			4	«С» 5
	Ярус «С» 1 вне цитадели					
Кара-Тобе		Период I	Отдельные конструкции	Период II	Период III	Период IV
Южно-Донузлавское	Периоды II и (?) III			Периоды IV и V		
Беляус	Периоды VI (?) и VII			Период VIII (?)	Период IX (?)	
Тарпанчи	Использование греческих (?) укреплений, ров					Дом с контрфорсами

Список использованных источников и литературы

1. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 55–87.
Vinogradov Yu. G. Votivnaya nadpis' dochери tsarya Skilura iz Pantikapeya i problemy istorii Skifii i Bospora vo II v. do n. e. // VDI. – 1987. – № 1. – S. 55–87.
2. Внуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки) // СА. – 1984. – № 2. – С. 54–69.
Vnukov S. Yu. Skifskie sloi gorodishcha Chaika (opyt statisticheskoi obrabotki) // SA. – 1984. – № 2. – S. 54–69.
3. Внуков С. Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. – 1988. – № 3. – С. 198–206.
Vnukov S. Yu. Shirokogorlye svetloglinyanye amfory Severo-Zapadnogo Kryma // SA. – 1988. – № 3. – S. 198–206.
4. Внуков С. Ю. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1986. – № 6. – С. 45–60.
Vnukov S. Yu. Svetloglinyanye amfory gorodishcha Chaika bliz Evpatorii // Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya. – 1986. – № 6. – S. 45–60.
5. Внуков С. Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 60–67.
Vnukov S. Yu. Raskopki na Kara-Tobe u g. Saki // Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god. – Simferopol': Tavriya, 1994. – S. 60–67.
6. Внуков С. Ю. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Крымская археология. – 1997. – № 2. – С. 37–47.
Vnukov S. Yu. Noveye dannye ob istorii Severo-Zapadnogo Kryma (po rezul'tatam raskopok poslednikh let) // Krymskaya arkheologiya. – 1997. – № 2. – S. 37–47.
7. Внуков С. Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. – 1999. – Вып. VIII. – С. 207–211.

- Vnukov S. Yu. Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. // PIFK. – 1999. – Vyp. VIII. – S. 207–211.
8. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. – СПб.: Алетея, 2006. – 320 с.
- Vnukov S. Yu. Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II: Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli. – SPb.: Aleteya, 2006. – 320 s.
9. Внуков С. Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец 2 – 1 половина 1 в. до н. э.) // Древняя Таврика. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 67–80.
- Vnukov S. Yu. Tsentral'nyi stroitel'nyi kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets 2 – 1 polovina 1 v. do n.e.) // Drevnyaya Tavrika. – Simferopol': Universum, 2007. – S. 67–80.
10. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2013. – Т. 17. – С. 21–54.
- Vnukov S. Yu. Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe // DB. 2013. – T. 17. – S. 21–54.
11. Внуков С. Ю. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. // КСИА. 2015. № 237. С. 167–176.
- Vnukov S. Yu. Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyi Krym) v 2014 g. // KSIA. 2015. № 237. S. 167–176.
12. Внуков С. Ю. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. – 2016. Т. 20. – С. 90–121.
- Vnukov S. Yu. Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu // DB. – 2016. T. 20. – S. 90–121.
13. Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. – 2016. – № 2. – С. 36–47.
- Vnukov S. Yu. Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleiskikh) uzkogorlykh amfor // RA. – 2016. – № 2. – S. 36–47.
14. Внуков С. Ю., Коваленко С. А., Трейстер М. Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. – 1990. – № 2. – С. 100–119.
- Vnukov S. Yu., Kovalenko S. A., Treister M. Yu. Gipsovye slepki iz Kara-Tobe // VDI. – 1990. – № 2. – S. 100–119.
15. Голенцов А. С. Отчет о раскопках Кульчукского городища и Кульчукского могильника в 1990 г. // Архив ИА Крыма. Инв. Кн. 6. № 1446. П. 1811. – 1991.
- Golentsov A. S. Otchet o raskopkakh Kul'chukskogo gorodishcha i Kul'chukskogo mogil'nika v 1990 g. // Arkhiv IA Kryma. Inv. Kn. 6. №1446. P. 1811. – 1991.
16. Дашевская О. Д. Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р.1. Оп. 1. Кн. 8. № 4291. – 1970.
- Dashevskaya O. D. Otchet o rabote Krymskogo (Donuzlavskogo) otryada Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR i Evpatoriiskogo kraevedcheskogo muzeya za 1970 g. // Arkhiv IA RAN. F. 1. R.1. Op. 1. Kn. 8. №4291. – 1970.
17. Дашевская О. Д. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // МИА. – 1971. – № 177. – С. 151–155.
- Dashevskaya O. D. Skify na severo-zapadnom poberezh'e Kryma v svete novykh otkrytii // MIA. – 1971. – № 177. – S. 151–155.
18. Дашевская О. Д., Голенцов А. С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. – Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. – С. 26–41.
- Dashevskaya O. D., Golentsov A. S. K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus // Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. – Simferopol': Tsentr muzeinykh tekhnologii i etno-kul'turnogo turizma, 2004. – S. 26–41.
19. Драчук В. С., Кутайсов В. А. Отчет о раскопках Керкинитиды в 1980 году. // Архив ИА Крыма. Инв. Кн. Б. №164. П. 295. – 1981.
- Drachuk V. S., Kutaisov V. A. Otchet o raskopkakh Kerkinitidy v 1980 godu. // Arkhiv IA Kryma. Inv. Kn. B. №164. P. 295. – 1981.
20. Зубар В. М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. – 1988. – № 63. – С. 19–27.
- Zubar V. M. Pro pokhid Plavtiya Sil'vana v Krim // Arkheologiya. – 1988. – № 63. – S. 19–27.

21. Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.). К.: ИА НАНУ, 1998. – 199 с.
Zubar' V. M. Severnyi Pont i Rimskaia imperiia (seredina I v. do n. e. – pervaya polovina VI v.). K.: IA NANU, 1998. – 199 s.
22. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. – 1979. – № 2. – С. 55–76.
Kadeev V. I. Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. // VDI. – 1979. – № 2. – S. 55–76.
23. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков: Вища школа, 1981. – 143 с.
Kadeev V. I. Khersones Tavricheskii v pervykh vekakh nashei ery. – Khar'kov: Vishcha shkola, 1981. – 143 s.
24. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. – 2007. – Вып. XVIII. – 480 с.
Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) // BI. – 2007. – Vyp. XVIII. – 480 s.
25. Колтухов С. Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗНУ, 1993. – С. 206–222.
Koltukhov S. G. Zametki o voenno-politicheskoi istorii Krymskoi Skifii // Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma. – Zaporozh'e: ZNU, 1993. – S. 206–222.
26. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н. э. – К.: Наукова думка, 1990. – 176 с.
Kutaisov V. A. Antichnyi gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n.e. – K.: Naukova dumka, 1990. – 176 s.
27. Кутайсов В. А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. – 2003. – № 2. – С. 60–90.
Kutaisov V. A. Kerkinitida i Khersones v IV–II vv. do n.e. // VDI. – 2003. – № 2. – S. 60–90.
28. Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. – К.: Корвин Пресс, 2004. – 328 с.
Kutaisov V. A. Kerkinitida v antichnuyu epokhu. – K.: Korvin Press, 2004. – 328 s.
29. Ланцов С. Б. К вопросу о пребывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. – Керчь, 2001. – С. 63–66.
Lantsov S. B. K voprosu o prebyvanii voisk pontiiskogo tsarya Mitridata VI Evpatora v Tavrike // 175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. – Kerch', 2001. – S. 63–66.
30. Ланцов С. Б. Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городищах Кульчук и Беляус в 2007 году. – Архив ИА Крыма. – Симферополь, 2008.
Lantsov S. B. Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii na gorodishchakh Kul'chuk i Belyaus v 2007 godu. – Arkhiv IA Kryma. – Simferopol', 2008.
31. Ланцов С. Б. Отчет об археологических исследованиях Донузлавской археологической экспедиции в 2006 г. – Архив ИА Крыма. – Симферополь, 2008.
Lantsov S. B. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Donuzlavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2006 g. – Arkhiv IA Kryma. – Simferopol', 2008.
32. Ланцов С. Б. Отчет об исследованиях Донузлавской археологической экспедиции на городище Кульчук в 2008 году. – Архив ИА Крыма. – Симферополь – Черноморское, 2009.
Lantsov S. B. Otchet ob issledovaniyakh Donuzlavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii na gorodishche Kul'chuk v 2008 godu. – Arkhiv IA Kryma. – Simferopol' – Chernomorskoe, 2009.
33. Ланцов С. Б. Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н. э. – I в. н. э.) на хоре Херсонеса Таврического // СИМБОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.-К.: ИД Триумф-принт, 2010. – С. 142–151.
Lantsov S. B. Rezul'taty issledovaniya Kul'chuk'skogo gorodishcha (IV v. do n.e. – I v. n.e.) na khore Khersonesa Tavricheskogo // SIMBOLA. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveishie nakhodki i otkrytiya. – M.-K.: ID Triumf-print, 2010. – S. 142–151.
34. Ланцов С. Б. Основные результаты работ Донузлавской экспедиции в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2009 г. // АДУ 2009 г. – 2010. – С. 262–265.
Lantsov S. B. Osnovnye rezul'taty rabot Donuzlavskoi ekspeditsii v Sakskom i Chernomorskom raionakh Kryma v 2009 g. // ADU 2009 g. – 2010. – S. 262–265.

35. Молев Е. А. Властитель Понта. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1995. – 144 с.
Molev E. A. Vlastitel' Ponta. – Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, 1995. – 144 s.
36. Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 37–75.
Popova E. A. Yugo-zapadnyi kvartal skifskogo poseleniya u sanatoriya Chaika bliz Evpatorii // Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii. – М.: Izd-vo MGU, 1991. – S. 37–75.
37. Попова Е. А. Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму – М.: Б.и., 2007. – С. 4–130.
Popova E. A. Grecheskoe poselenie na gorodishche «Chaika» vo vtoroi polovine III–II v. do n.e. // Materialy issledovaniy gorodishcha «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu – М.: B.i., 2007. – S. 4–130.
38. Попова Е. А. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. // Stratum Plus. – 2017. – № 3. – С. 259–307.
Popova E. A. Gorodishche «Chaika» v Severo-Zapadnom Krymu vo II v. do n.e. – I v. n.e. // Stratum Plus. – 2017. – № 3. – S. 259–307.
39. Попова Е. А., Коваленко С. А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). – М.: Б.и., 2005. – 283 с.
Popova E. A., Kovalenko S. A. Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoi i pozdneskifskoi kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaikinskogo gorodishcha). – М.: B. i., 2005. – 283 s.
40. Попова Е. А., Пежемский Д. В., Беловинцева Н. И. Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования // Исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 76–112.
Popova E. A., Pezhemskii D. V., Belovintseva N. I. Gorodishche Chaika, nekropol' i kamenolomnya antichnoi epokhi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya // Istoricheskie issledovaniya. – 2015. – № 3. – S. 76–112.
41. Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н.э. // ВДИ. – 2001. – № 3. – С. 86–117.
Puzdrovskii A. E. Politicheskaya istoriya Krymskoi Skifii vo II v. do. n. e. – III v. n.e. // VDI. – 2001. – № 3. – S. 86–117.
42. Пуздровский О. Е. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перш. пол. III ст. н.е. // Археологія. – 1992. – № 2. – С. 125–135.
Puzdrovs'kii O. E. Krims'ka Skifiya v kintsii II st. do n.e. – persh. pol. III st. n.e. // Arkheologiya. – 1992. – № 2. – S. 125–135.
43. Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. – 1973. – № 2. – С. 110–120.
Raevskii D. S. K istorii greko-skifskikh otnoshenii (II v. do n.e. – II v n.e.) // VDI. – 1973. – № 2. – S. 110–120.
44. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. – М.: Наука, 1996. – 349 с.
Saprykin S. Yu. Pontiiskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. – М.: Nauka, 1996. – 349 s.
45. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. – М.: Наука, 2002. – 272 с.
Saprykin S. Yu. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh. – М.: Nauka, 2002. – 272 s.
46. Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. – 1977. – № 3. – С. 53–63.
Solomonik E. I. Sravnitel'nyi analiz svidetel'stva Strabona i dekreta v chest' Diofanta o skifskikh tsaryakh // VDI. – 1977. – № 3. – S. 53–63.
47. Уженцев В. Б. Позднескифские памятники Северо-Западного Крыма II век до н. э. – III в. н. э. // Пилигримы Крыма – Осень'99. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Т. 2. – Симферополь: Крымский архив, 2000. – С. 50–56.

Uzhentsev V. B. Pozdneskifskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryma II vek do n.e. – III v. n.e. // Piligrimy Kryma – Osen'99. Materialy IV Mezhdunar. nauch-prakt. konf. – T. 2. – Simferopol': Krymskii arkhiv, 2000. – S. 50–56.

48. Уженцев В. Б. Калос Лимен в I в. до н. э. – начале II в. н. э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Труды ГИМ. – 2001. – № 118. – С. 156–166.

Uzhentsev V. B. Kalos Limen v I v. do n.e. – nachale II v. n.e. (obshchii obzor po materialam raskopok 1988–1998 gg.) // Trudy GIM. – 2001. – № 118. – S. 156–166.

49. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. – Симферополь: Сонат, 2006. – 248 с.

Uzhentsev V. B. Elliny i varvary Prekrasnoi Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arkhologii Kryma. – Simferopol': Sonat, 2006. – 248 s.

50. Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей. – Л.: Наука, 1968. – С. 332–342.

Shcheglov A. N. Osnovnye etapy istorii Zapadnogo Kryma v antichnuyu epokhu // Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. Sbornik statei. – L.: Nauka, 1968. – S. 332–342.

51. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л.: Наука, 1978. – 159 с.

Shcheglov A. N. Severo-Zapadnyi Krym v antichnuyu epokhu. – L.: Nauka, 1978. – 159 s.

52. Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. – 1970. – № 124. – С. 31–38.

Yatsenko I. V. Issledovanie sooruzhenii skifskogo perioda na gorodishche Chaika v Evpatorii (1964–1967 gg.) // KSIA. – 1970. – № 124. – S. 31–38.

Antonov E. E. Archaeological periodization of the late Scythian history of the North-Western Crimea

The article deals with the problem of archaeological periodization of the history of eight Late Scythian settlements in the North-Western Crimea, investigated by excavations. Was examined dating of the sites' building periods. They are synchronized between themselves and compared with historical periods. The first Late Scythian remains of most settlements can be dated only broadly, from the second half of the 2d century BC to 63 BC. The period from the death of Mithradates VI to the military action of Aspurgus distinguished almost in all sites. The next historical period – before the T. Plautius Silvanus' expedition – is clearly recorded in the stratigraphy of only two settlements. The final period's building remains allocated on three sites. The resulting scheme allows to synchronize and compare buildings from different settlements, to highlight general trends and unique features of settlements.

Keywords: Late Scythian archaeological culture, the North-Western Crimea, synchronization, chronology, periodization

УДК [908:378.4 "38"](47)КРЫМ

**ПРАЗДНОВАНИЕ 20-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ
КРЫМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ИМ. М. В. ФРУНЗЕ В 1945 ГОДУ**

Грушецкая В. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: victorianage89@gmail.com*

На основе неопубликованных архивных данных представлена история подготовки празднования 20-летнего юбилея Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в октябре 1945 г. Материалы исследования отражают особенности формирования общественной идеи о целесообразности празднования данного юбилея, специфику и этапы планирования, а также фактические шаги и решения, предпринятые руководством вуза и правительственными органами по реализации различных мероприятий, связанных с этой памятной датой. Рассмотрены различные проблемы и трудности, с которыми столкнулись сотрудники и студенты института во время подготовки и проведения юбилея.

Ключевые слова: Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Симферополь, Я. А. Чубуков, праздничная дата, повседневная жизнь института.

Накануне 100-летия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского стоит оглянуться в прошлое и посмотреть на подготовку празднования 20-летнего юбилея Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (далее – КГПИ) в далеком послевоенном 1945 г., чтобы попытаться понять, о чем думали и мечтали люди тогда, как собирались отмечать это торжественное событие, с какими трудностями при этом сталкивались в повседневной жизни. Это важное для вуза событие сравнительно хорошо задокументировано, сохранились ценные архивные материалы за II–III квартал 1945 г. (постановления, письма, докладные записки, ходатайства и т. д.), которые были обнаружены сотрудниками Музея истории КФУ им. В. И. Вернадского в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) [11–21]. Дополнительные важные сведения о жизни КГПИ им. М. В. Фрунзе имеются в газете «Красный Крым» [1; 3; 8–10]. Важные факты и уникальные сведения о жизни и быте, общественно-научной деятельности преподавателей вуза (Г. К. Воблого, П. А. Двойченко, А. И. Маркевича, Н. В. Оглоблина, Е. Ф. Скворцова и др.), сохранившиеся в рукописных документах, их статьи в местных периодических изданиях, отражающих эпоху в целом и историю вуза в первые десятилетия его существования в частности, широко представлены в библиографическом указателе «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» А. А. Непомнящего [6, с. 210–212], они также содержатся в кратких справочнике и историческом очерке данного вуза за 1948 г. и 1960 г. соответственно [4; 2].

*Рис. 1. Нарком
просвещения РСФСР
В. П. Потемкин*

Юбилей в высшей школе обычно выступает средством идентификации и сплочения ученой корпорации вуза, которая концентрируется на главном свойстве любого праздника – его тесной связи с прошлым, где складывается единое символическое пространство в любой профессиональной среде: как в студенческой, так и в профессорско-преподавательской. В подобных исследованиях вуз представляется в целом как единый организм, некая единая социальная группа, испытывающая потребность в общих символах, идеях и смыслах, в которых особенно нуждались студенты и сотрудники КГПИ в 1945 г. Возможно, именно поэтому празднование 20-летия руководством института планировалось отметить рядом торжественных мероприятий, которые бы объединили сотрудников, остались бы в памяти организаторов и участников юбилея как важное историческое событие, отраженное в жизни и истории вуза.

Памятная дата, несомненно, сохраняет напоминание о существовании юбиляра. В этой связи празднование 20-летнего юбилея крымского вуза говорит нам о том, что даже после Второй мировой войны, принесшей разрушения и потери, трехлетней эвакуации 1941–1944 гг. и временного объединения с Дагестанским педагогическим и учительским институтом имени Сулеймана Стальского, дальнейшей реэвакуации из Махачкалы в Симферополь, КГПИ им. М. В. Фрунзе сохранился, он снова готов был начать новый, второй послевоенный 1945/1946 учебный год. У студентов снова появилась возможность получить высшее образование в родном крае, в свою очередь, крымский вуз соблюдал государственные интересы страны, создавая в процессе обучения и воспитания новых советских специалистов-педагогов [7, с. 117].

Согласно найденным документам, днем рождения института и датой празднования было определено 1 октября 1945 г.. Это было обусловлено тем, что отсчет создания института вели не со дня основания 14 октября 1918 г. Таврического университета как самостоятельного

*Рис. 2. Директор
Крымского
государственного
педагогического
института
Я. А. Чубуков*

высшего учебного заведения в г. Симферополе, а со дня реорганизации 1 октября 1925 г. Крымского университета им. М. В. Фрунзе (1921–1925 гг.) в Крымский государственный педагогический и учительский институт им. М. В. Фрунзе. Таким образом, в этот день педагогический факультет окончательно был преобразован в КГПИ, а Крымский университет был упразднен. Эти изменения были связаны с тем, что в первые годы советской власти был принят курс на перестройку многопрофильных университетов в узкопрофильные вузы. При этом перепрофилировались или закрывались некоторые факультеты, происходила смена профессорско-преподавательского состава, часть преподавателей была вынуждена уволиться и уехать из Крыма, в самом вузе менялись правила приема и технологии обучения [2, с. 15; 5, с. 86]. Послевоенным руководством института было принято решение, что праздник будет проходить именно в первые дни октября 1945 г., о чем прямо свидетельствует справка о Крымском педагогическом и учительском институте от 19 мая 1945 г., подготовленная и. о. начальника Управления высшей школы НКП РСФСР И. Т. Огородниковым [21, л. 40об].

Ценная архивная справка «О состоянии Крымского Педагогического и Учительского Института на 25/V 1945 года» дает исследователям наиболее полные сведения о структуре вуза, его вспомогательных учреждениях:

«Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе возобновил свою работу 1 октября 1944 г. в составе шести факультетов:

- Исторического
- Языка и литературы
- Географического
- Естественного
- Физико-математического
- Факультета иностранных языков.

[Учительский. – В. Г.] Институт имеет три отделения: историко-литературное, естественно-географическое, физико-математическое.

16 кафедр общих с учительским институтом:

Кафедра основ марксизма-ленинизма

- /- педагогики и психологии
- /- военной физической подготовки
- /- иностранных языков
- /- всеобщей истории
- /- истории СССР
- /- физической географии
- /- экономической географии
- /- русского языка
- /- литературы
- /- зоологии
- /- ботаники
- /- химии
- /- математики
- /- геометрии

-/- физики.

3. Научно-вспомогательные учреждения института:

1. Фундаментальная библиотека
2. Кабинеты при всех кафедрах
3. Химическая лаборатория.

В будущем году предполагается организовать ботанический сад, биологическую станцию, физкультурный зал, тир и астрономическую башню.

4. Обслуживающие учреждения

1. Студенческое общежитие
2. Амбулатория
3. Хлебный ларек
4. Подсобное хозяйство

5. Производственные мастерские (столярная и слесарная)» [20, л. 103].

Уже на самой ранней стадии подготовки к юбилейным мероприятиям весной 1945 г. было ясно, что самому институту этот праздник не осилить, поэтому все приготовления шли в тесном сотрудничестве с правительством в надежде на его финансовую и организационную поддержку. Непосредственный интерес правительства представляли органы государственной власти, в первую очередь, Народный комиссариат просвещения РСФСР, его комитеты и управления по высшей школе (далее – Наркомпрос РСФСР, руководителем которого с 1940 по 1946 гг. был академик Владимир Петрович Потемкин (рис. 1)), а также Совет Народных Комиссаров СССР.

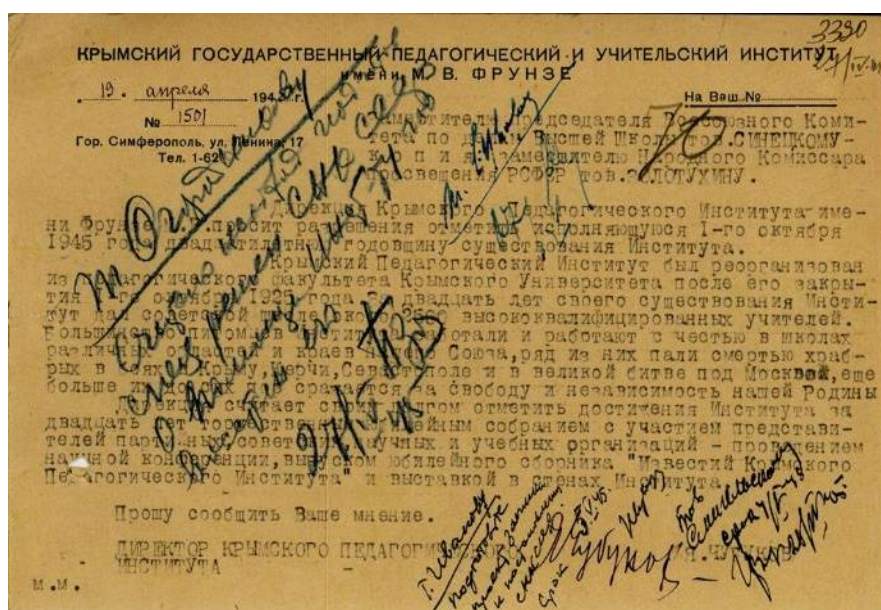

Рис. 3. Письмо Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении празднования 20-летнего юбилея

25

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Владимиру Петровичу ПОТЕМКИНУ.

В начале 1945/1946 учебного года /1 октября/ исполняется 20-летие Крымского Государственного Педагогического Института, который с первых дней своего существования носит почетное имя великого пролетарского полководца Михаила Васильевича ФРУНЗЕ - освободителя Крыма от белогвардейщины.

Крымский Педагогический Институт - старейшее высшее учебное заведение края - был реорганизован из Крымского государственного Университета 1 октября 1925 г. Институт высоко несет знамя советской науки, бережно сохраняя славные традиции Университета, в стенах которого работали академики: БАЙКОВ А.А., ВЕРНАДСКИЙ В.М., АНДРУСОВ Н.И., ОБРУЧЕВ В.А., ПАШАДИН Н.И., КРЫЛОВ Н.И., СУШКИН П.П., ИОФЕ А.Ф., ГРЕКОВ В.Д. и другие известные всему миру советские ученые. Как зеницу ока берегли работники Института и благодаря заботам партии и правительства, преумножили его богатое оборудование /фундаментальную библиотеку, физический институт, математический кабинет, химическую и биологическую лаборатории, геологический музей и друг./.

Располагая высококвалифицированным составом профессоров и преподавателей, используя свое богатейшее оборудование, Институт за свое 20-летнее существование дал советской школе более 2,5 тысяч полноценных учителей.

Большая часть питомцев Института работала и работает в средних школах во многих областях Советского Союза. Более 200 питомцев Института работают в Вузах и Научно-Исследовательских Институтах Ленинграда, Москвы, Томска, Иркутска, Краснодара и Симферополя.

Институт имеет все основания гордиться своими питомцами - крупными учеными нашей Родины. Среди которых академик КУРЧАТОВ и профессора доктора наук ДАНИЛЬЧЕНКО, ЛОЙЦАНСКИЙ, ОЧАН, ЦЕБЕВ, ЛЕБЕДИНСКИЙ, ПРОКОПЕНКО, ФРАНК, ЗАТКИНД и другие.

Около 120 окончивших Крымский Педагогический Институт с честью выполняют ответственную работу в руководящих партийных и советских органах нашей страны.

В стенах нашего Института оформились такие поэты-фронтовики, как АПОШАНСКИЙ В., СЕРМАН В. и поэты ШИПАЧЕВ и ГРУНИН.

Много питомцев Института пало смертью храбрых в боях за свободу нашей Великой Родины под Москвой и Ленинградом, Одессой и Сталинградом, Перекопом и Севастополем /доценты РАБИНОВИЧ А.Р., КАРАЧЕВСКИЙ, АКИМОВ, СТУДЕНКОВ, студент истфа-

Рис. 4а. Письмо директора Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении отметить 20-летие института

26

ка Сталинский стипендиат БОЧАРОВ, ПРОКОПЕНКО Л.С. - директор средней школы гор. Феодосии, ВОЛОШИНОВА А.А. - учительница средней школы гор. Симферополя и другие. Много наших воспитанников сейчас находятся в рядах Красной Армии, награждены высокими правительственными наградами за боевые подвиги.

С первых дней своего существования Институт вел большую научно-исследовательскую работу. За 20 лет его научными работниками было выполнено свыше 165 работ. Эти работы были посвящены и сыграли решающую роль в изучении природных богатств Крыма, в изучении строительных материалов, водоснабжении и орошении степей Крыма, в геолого-разведочных и гидрологических изысканиях в Крыму, в организации кормовой базы животноводства в борьбе с вредителями садов и спецкультур Крыма, в вопросах культурного строительства, в изучении колониальной политики царизма в Крыму, в освещении революционной борьбы в городах и деревнях Крыма в 1905 году и истории борьбы за диктатуру пролетариата, оказывая тем самым существенную помощь делу социалистического строительства в Крыму. Результаты этой большой работы докладывались на многочисленных научных конференциях Института и частично печатались в "Известиях Крымского Педагогического Института" /всего выпущено 11 сборников/.

Большую работу проводил Институт в помощь Крымской школе и учительству в деле изучения и обобщения опыта Крымских школ, публикуя результаты этого изучения в журнале "Опыт Крымской школы".

Сейчас все научные работники Института включились в научно-исследовательскую работу и работают над разработкой тем, имеющих важное значение в народном хозяйстве и культуре республики.

Несмотря на то, что немецко-фашистские захватчики нанесли огромный ущерб Институту: разграбили, сожгли и уничтожили богатейшее оборудование, накопленное и созданное в течение многих лет, учебные занятия все время шли и идут без перебоев, без всяких потерь во времени, согласно учебному плану-графику.

Благодаря энтузиазму и любви к делу профессорско-преподавательского состава Института, работающего в его стенах в течение многих лет, благодаря упорству и настойчивости студенчества, Институт закончит учебный год с вполне удовлетворительными показателями в отношении выполнения учебных планов и успеваемости.

Дирекция Института просит Вашего разрешения отметить 20-летнюю годовщину Педагогического Института скромным академическим торжеством, юбилейной выставкой, научной конференцией и юбилейным выпуском "Известий Крымского Педагогического Института". Мы просим ассигновать на эти мероприятия 70 тысяч рублей, согласно прилагаемой сметы. Скромное празднование 20-летия Института послужит, прежде всего, мощным стимулом для профессорско-преподавательского состава и студенчества для новых усилий, направленных к восстановлению нашего Вуза в довоенном виде, даст возможность подвести итоги научно-учебной и научно-исследовательской работы за 20 лет существования, почтить память тех,

Рис. 46. Письмо директора Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении отметить 20-летие института

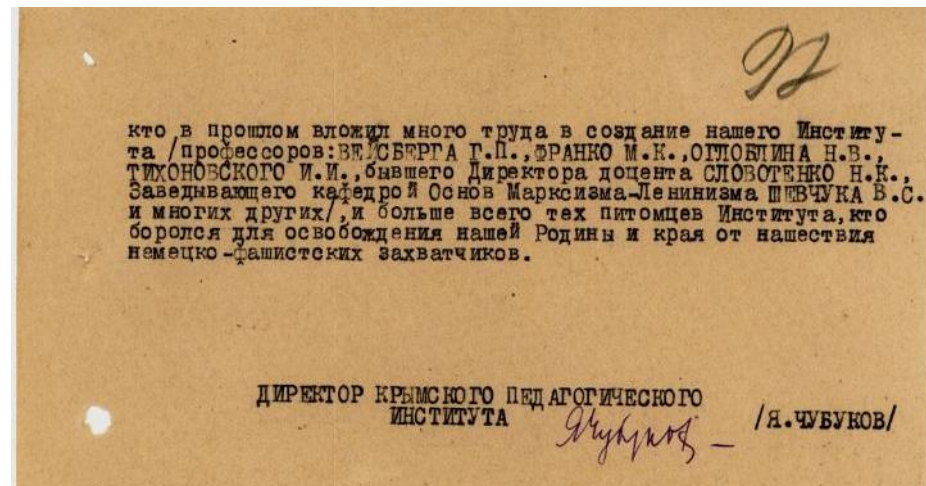

Рис. 4в. Письмо директора Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении отметить 20-летие института

Из письма № 1501 от 19 апреля 1945 г. директора КГПИ, к. и. н, доц. Якова Арсеньевича Чубукова (рис. 2) заместителю Председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы А. Я. Синецкому известно о коротком перечне мероприятий, которые планировал организовать вуз на 20-летний юбилей: «Дирекция считает своим долгом отметить достижения Института за двадцать лет торжественным юбилейным собранием с участием представителей партийных, советских, научных и учебных организаций – проведением научной конференции, выпуском юбилейного сборника “Известий Крымского Педагогического Института” и выставкой в стенах Института» [16, л. 70] (рис. 3). На данном документе также имеется виза с поручением сотруднику Наркомпроса т. Иванову подготовить в дальнейшем проект записки и постановления СНК СССР (срок выполнения – до 5 мая 1945 г.). Также из письма директора Крымского пединститута народному комиссару просвещения РСФСР акад. В. П. Потемкину следует, что «<...> несмотря на то, что немецко-фашистские захватчики нанесли огромный ущерб Институту: разграбили, сожгли и уничтожили богатейшее оборудование, накопленное и созданное в течение многих лет, учебные занятия все время шли и идут без перебоев, без всяких потерь во времени, согласно учебному плану-графику.

Благодаря энтузиазму и любви к делу профессорско-преподавательского состава Института, работающего в его стенах в течение многих лет, благодаря упорству и настойчивости студенчества, Институт закончит учебный год с вполне удовлетворительными показателями в отношении выполнения учебных планов и успеваемости.

Дирекция Института просит Вашего разрешения отметить 20-летнюю годовщину Педагогического Института скромным академическим торжеством, юбилейной выставкой, научной конференцией и юбилейным выпуском “Известий Крымского Педагогического Института”. Мы просим ассигновать на эти

мероприятия 70 тысяч рублей согласно прилагаемой смете. С скромное празднование 20-летия Института послужит, прежде всего, мощным стимулом для профессорско-преподавательского состава и студенчества для новых усилий, направленных на восстановление нашего вуза в довоенном виде, даст возможность подвести итоги научно-учебной и научно-исследовательской работы за 20 лет существования, почтить память тех, кто в прошлом вложил много труда в создание нашего Института <...>, и больше всего тех питомцев Института, кто боролся для освобождения нашей Родины и края от нашествия немецко-фашистских захватчиков <...> [12, л. 96–97] (рис. 4 а, б, в).

Смета Крымского государственного педагогического института по расходам, связанным с 20-летним юбилеем, исполняющимся в октябре 1945 г. (рис. 5 а, б), прилагаемая к указанному выше письму, содержит ряд важных сведений о планируемых мероприятиях:

Издание юбилейного сборника трудов научных работников института, в размере 15 печ. листов, тиражом 500 экз	14.000
Печатание программ, пригласительных билетов	1.000
Расходы по объявлению в газетах, по радио	1.000
Зарплата машинистке за печатание научных трудов, тезисов и т. п., всего 500 стр. х 5	1.000
Организация связи с окончившими институт (письма, телеграммы и т. п.)	200
Приглашение представителей НКП РСФСР и НКВШ и представителей родственных вузов – 10х500	5.000
Организация юбилейной выставки:	3.800
а) изготовление диаграмм	1.800
б) витрина для печатных работ	500
в) выставка научных экспонатов	500
г) фотовыставка	800
д) бумага, краска, тушь и т. п.	200
Аренда помещения Гостеатра для вечера	5.000
Премирование научных работников и сотрудников Института из следующего расчета:	
а) премирование месячным окладом 10 человек 10х1000	8.000
б) премирование путевками на курорты – 5х1000	4.000
в) премирование студентов отличников – 20х400	6.000
Организация ужина:	
Ужин для 700 чел. студ. из расчета 10х700	7.000
Ужин приглашаемых 100 ч. гостей	5.000
Ужин для научных работников и сотрудников – 120 чел.	6.000
Приведение в порядок здания, лозунги, плакаты, флаги с учетом потребности 100 метров ткани	3.000
ВСЕГО	70.000
ДИРЕКТОР КРЫМПЕДИНСТИТУТА	/Чубуков/
Бухгалтер	/Вронская/ [12, л. 98–98об.].

ПРАЗДНОВАНИЕ 20-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ КРЫМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ В 1945 ГОДУ

С М Е Т А	
Крымского Государственного Педагогического Института по рас- ходам, связанным с 20-тилетним юбилеем, исполняющимся в октябр 1945 года.	
1. Издание юбилейного сборника трудов научных работников института, в размере 15 печ. ли- стов, тиражом 500 экз.	14.000
2. Печатание программ, пригласительных биле- тов.	1.000
3. Расходы по объявлению в газетах, по радио	1.000
4. Зарплата машинистке за печатание научных трудов, тезисов и т.п., всего 500 стр. х 5	1.000
5. Организация связи с окончившими институт письма, телеграммы и т.п.	200
6. Приглашение представителей НКП РСФСР и КВШ и представителей родственных ву- зов - 10 х 500	5.000
7. Организация юбилейной выставки:	
а/Изготовление диаграмм	1.800
б/Витрина для печатных работ	500
в/Выставка научных экспонатов	500
г/Фотовыставка	800
д/Бумага, краска, тушь и т.п.	200
	3.800
8. Аренда помещения Гостеатра для вечера	5.000
9. Премирование научных работников и со- трудников Института из следующего рас- чета:	
а/Премирование месячным окладом 10 че- ловек 10 х 1000	8.000
б/Премирование путевками на курорты - 5 х 1000	4.000
в/Премирование студентов отличников - 20 х 400	6.000
10. Организация ужина:	
1. Ужин для 700 чел. студ. из расчета 10 х 700	7.000

Рис. 5а. Смета расходов на празднование юбилея КГПИ

2. Ужин приглашаемых 1004 гостей	5.000
3. Ужин для научных работников и сотрудников - 120 чел.	6.000
4. Приведение в порядок здания, лозунги, плакаты флаги с учетом потребности 100 метров ткани	3.000
	= = = = =
В С Е Г О	70.000
ДИРЕКТОР КРЫМПЕДИИСТИТУТА	<i>М. В. Фрунзе</i> /ЧУБУКОВ/
Б у х г а л т е р	/Вронская/

Рис. 5а. Смета расходов на празднование юбилея КГПИ

Уже в начале лета создается постановление Совнаркома КрАССР № 478 «О двадцатилетии Крымского Государственного Педагогического Института им. М. В. Фрунзе» от 9 июня 1945 г. (г. Симферополь), в котором сообщается:

«За 20 лет существования Крымский педагогический институт подготовил более 2500 высококвалифицированных учителей (рис. 6, 7) <....>. Институт дал свыше 120 ответственных работников советских и партийных организаций. Научными работниками Института выполнено более 165 научных работ, способствовавших быстрейшему росту народного хозяйства Крыма.

Учитывая большие заслуги Крымского педагогического института по подготовке высококвалифицированных кадров и за успехи в научно-исследовательской работе Совет Народных Комиссаров КрАССР постановляет:

1. Просить СНК СССР и ЦК ВКП(б):

а) разрешить Крымскому Государственному Педагогическому Институту им. М. В. Фрунзе провести в октябре месяце 1945 г. празднование двадцатилетнего юбилея;

б) выделить для проведения юбилейной научной конференции и выставки Института – 50.000 рублей;

в) выделить целевым назначением через Наркомторг Союза ССР для студентов и преподавателей Института промтоваров на 15 тыс. рублей.

2. Утвердить для проведения юбилея комиссию в составе:

1. Председатель комиссии – Филиппов В. И.

2. От обкома ВКП(б) – Чурсин П. А.

3. От Наркомпроса Крыма – Гавриленко Г. Б.

4. Директора Института – Чубуков Я. А.

5. Зам. директ. по научно-учебной части – Тодорский К. И.

6. Профессор Института – Скворцов Е. Ф.

7. Профессор Института – Войтонис Н. Ю.

Зам. Председателя Совнаркома крымской АССР – Седегов М. П.

Управляющий делами Совнаркома Крым. АССР – Жуков П.» [19, л. 69].

Согласно данному документу, для подготовки к 20-летию юбилею была образована специальная юбилейная комиссия. По традиции ее возглавили партийные деятели, например, П. Чурсин – секретарь Крымского ОК ВКП(б) по пропаганде и агитации. От КГПИ в комиссию вошли директор вуза, доцент Я. А. Чубуков, а также заместитель директора по научно-учебной части, доцент и заведующий кафедрой всеобщей истории К. И. Тодорский, профессор кафедры математики Е. Ф. Скворцов, профессор кафедры психологии и педагогики Н. Ю. Войтонис. Наркомпрос РСФСР требовал, чтобы данная комиссия согласовывала с ним праздничные мероприятия. Поэтому все контакты комиссии с данной инстанцией по поводу подготовки юбилея проходили через директора вуза, который лично докладывал о ходе приготовлений.

Следует сказать, что в проекте постановления СНК СССР № 402 «О мероприятиях по восстановлению и укреплению Крымского государственного педагогического и учительского института» от 9 июля 1945 г. в целом нет упоминаний о юбилейных мероприятиях вуза. В нем говорится, что СНК СССР постановил:

«Обязать Крымский облисполком:

а) выполнить распоряжение СНК СССР за № 1256-р о возвращении Крымскому педагогическому институту учебного здания по ул. Госпитальной, 29 и студенческого общежития № 1 по ул. Студенческой, 10;

в) отремонтировать до 1 сентября 1945 г. учебные здания пединститута по ул. Ленина, 15 и 17 и по Госпитальной, 29, и общежитие студентов института по Студенческой ул., 10;

г) изготовить до 1 сентября 1945 г. для института в системе местной промышленности и промкооперации 1000 стульев, 500 классных столов и 200 шкафов.

2. Обязать Исполком Симферопольского Городского Совета подвезти для института 600 кубм дров не позднее 1 ноября 1945 г.

3. Обязать Госплан СССР выделить фонды, а Наркомчермет СССР, Наркомхимпром СССР, Главснаблес при СНК СССР, Наркомстройматериалов СССР и Наркомкомплектпром СССР поставить в III квартале 1945 г. Крымскому государственному педагогическому институту для ремонтно-восстановительных работ строительные материалы, согласно приложению № 1.

4. Обязать Наркомат Среднего Машиностроения поставить Крымскому педагогическому институту в III квартале 1945 г. 2 грузовых трехтонных автомашины, одну легковую и один гусеничный трактор с прицепным сельскохозяйственными машинами.

5. Обязать Госплан СССР выделить, а Главнефтеснаб поставить Крымскому педагогическому институту 3 тонны автобензина <....>.

6. Обязать Наркомлегпром СССР поставить институту в III квартале 1945 г. мягкий инвентарь для оборудования студенческих общежитий, согласно приложению № 2.

8. Обязать Наркомбумпром СССР в III квартале 1945 г. поставить Крымскому педагогическому институту для издания ученых записок 1 тонну бумаги [18, л. 175–175об]» (рис. 8 а, б).

Тем не менее даже это постановление не спешили выполнять на местах. Из переписки заместителя Председателя СНК РСФСР В. П. Пронина с заместителем наркома просвещения РСФСР С. А. Новиковым (письмо № 733-СНК от 29 августа 1945 г.) видно, что «Исполнительный Комитет Крымского областного Совета депутатов трудящихся не принимает мер к выполнению постановления СНК РСФСР от 9 июля т. г. № 402 о помощи Крымскому педагогическому институту в подготовке к новому учебному году. Решение его, принятое 10 августа т. г., не обязывает местные организации оказать помощь в ремонте, в выделении строительных материалов, предоставлении квартир профессорско-преподавательскому составу.

Народный Комиссариат Просвещения РСФСР просит Вас обязать Крымский облисполком принять меры к выполнению постановления СНК РСФСР № 402 от 9/VII т. г. и оказать Крымскому педагогическому институту реальную помощь в подготовке к новому учебному году» [14, л. 185].

Несмотря на ограниченные возможности вуза, сложные бытовые условия в послевоенный период его восстановления идею празднования юбилея неоднократно подтверждал в своих письмах директор КГПИ. Так, Я. А. Чубуков в письме к заместителю народного комиссара просвещения РСФСР С. А. Новикову от 25 июля 1945 г. выразил надежду, что *«когда Вы [С. А. Новиков. – В. Г.] приедете к нам осенью на 20-летний юбилей института, то увидите, какую большую работу провел весь наш коллектив по возрождению института <....>»* [15, л. 211]. В письме заместителя наркома просвещения РСФСР С. А. Новикова к заместителю Председателя СНК РСФСР В. П. Пронину (исх. № 735-СНК от 29 августа 1945 г.) имеются сведения, что «Наркомпрос РСФСР ходатайствует о разрешении Крымскому Государственному педагогическому институту им. Фрунзе провести в октябре месяце 1945 года празднование двадцатилетнего юбилея и израсходовать на это пятьдесят тысяч рублей за счет сметы Наркомпроса РСФСР по республиканскому бюджету на 1945 год» [13, л. 183]. То есть был утвержден именно тот документ, который был представлен СНК КрАССР от 9 июня 1945 г., без учета письма директора КГПИ с наиболее полным перечнем и сметой планируемых мероприятий на 70 тыс. руб.

От государства юбилейная комиссия КГПИ ожидала в первую очередь финансовой помощи. Однако осенью 1945 г. вуз столкнулся с острой нехваткой средств. Из запрашиваемых 70 тыс. руб., чтобы юбилей не оказался под угрозой срыва, СНК согласился ассигновать КГПИ только 50 тыс. руб., где были учтены лишь некоторые позиции сметы. Эту сумму рекомендовалось потратить только на организационные расходы, связанные с конференцией и выставкой, а также отдельно было выделено 15 тыс. руб. на промтовары для студентов и

преподавателей. Отметим, что благодаря планируемой юбилейной выставке и научной конференции студенты, преподаватели и гости института получили возможность ознакомиться с достижениями вуза и постановкой учебного дела в нем.

Рис. 6. Выпуск студентов естественного факультета КГПИ 1947 г.

Исходя из перечня запланированных мероприятий известно, что 1 или 2 октября вечером по приглашению организаторов юбилея должен был состояться праздничный ужин для студентов, сотрудников и гостей КГПИ. Ввиду того, что финансирование юбилея было ограниченным, это мероприятие, возможно, не было реализованным. Также не было арендовано здание Крымгостеатра для вечера. Косвенным подтверждением данного факта является то, что в это время в здании планировался показ спектакля. Осенью 1945 г. в Крымгостеатре как раз открылся второй послевоенный сезон. Из интервью директора театра А. М. Ильвовского газете «Красный Крым» от 9 сентября известно, что на 1–2 октября 1945 г. планировалась новая постановка спектакля – героической комедии в стихах «Давным-давно» Александра Константиновича Гладкова (1912–1976), которую посвятили 200-летию со дня рождения полководца М. И. Кутузова. Газетная афиша за 30 сентября 1945 г. свидетельствует о том, что данный спектакль будет ставиться в театре 1–2 октября, причем начало мероприятия было определено на вторую половину дня, а именно на «7 час. 30 мин. вечера», то есть именно в то момент, когда организаторы юбилея хотели провести праздничное собрание для представителей и гостей вуза [1; 10].

Из указанных выше архивных документов известно, что к празднованию 20-летнего юбилея было решено выпустить сборник «Известий Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе», причем из проекта постановления СНК от 9 июля 1945 г. также видно, что была выделена бумага на печать «ученых записок». Отметим, что издание подобных трудов в юбилейном формате воспринималось руководством вуза и как дань благородной традиции, и как средство репрезентации учебного заведения, и как своеобразный отчет, подводящий итоги его 20-летней научной и образовательной деятельности. Но планируемый юбилейный XII том «Известий КПИ» был издан лишь в 1947 г., и он был приурочен уже не к 20-летию юбилею вуза, а к 30-летию Октябрьской социалистической революции. Тем самым в 1947 г. снова возобновилась традиция издания «Известий» как показателя разносторонней научно-исследовательской работы института, которая была прервана в 1941 г. началом Великой Отечественной войны и эвакуацией института в Дагестан [4, с. 18–19].

Преподаватели после возвращения КГПИ из Дагестана должны были решать ряд первоочередных и важных задач: в кратчайший срок восстановить материальную, учебно-производственную базу; одновременно продолжать в этих нелегких условиях качественно обучать студентов основам будущей профессии, воспитывать советскую молодежь, «которой предстоит решать сложные задачи мирного периода, задачи восстановления и дальнейшего подъема экономики и культуры нашей великой Родины»; а также проводить научно-исследовательскую работу на высоком идейном и научно-теоретическом уровне [4, с. 16; 8].

Рис. 7. Выпуск студентов исторического факультета КГПИ 1948 г.

«17 сентября 1945 г. начались занятия в крымских вузах. Более 300 студентов пришли на первые лекции», – сообщил директор Крымского педагогического института доц. Я. А. Чубуков. – На первые курсы естественного факультета и факультета иностранных языков явились все студенты. Несколько хуже явка на других факультетах, на которые зачислено много студентов из дальних мест – Алтайского края, Архангельской, Вологодской, Смоленской областей. Некоторые студенты этих факультетов не успели еще приехать. 1 октября начнутся занятия в учительском институте, на первый курс которого принято 120 студентов» [9]. В мирное послевоенное время общественная жизнь института оказывала доминирующее влияние на духовную жизнь студентов и преподавательского коллектива. Студенчество было организованным, дисциплинированным, трудилось с энтузиазмом. Преподавателей и сотрудников КГПИ отличали чувство долга, ответственность, творческая инициатива, самоотверженность, они скромно и добросовестно трудились на благо вуза. В статье «Новый учебный год в вузах», размещенной в газете «Красный Крым» за сентябрь 1945 г., также сообщается: «Успешная организация учебно-педагогического процесса немыслима без укрепления материальной базы наших институтов. Советское правительство создает все условия для развертывания плодотворной работы высшей школы. Государственный бюджет на 1945 г. предусматривает дальнейший рост ассигнований вузам. Задача заключается в том, чтобы максимально использовать эти средства и ассигнования. Сделано уже немало. Организованы подсобные хозяйства, студенческие столовые, проведен ремонт учебных и вспомогательных помещений <...>. Практика показывает, что состояние хозяйственных дел во многом зависит от инициативы самих руководителей вузов <...>».

Решение всего сложного и многообразного круга вопросов, связанных с началом учебного года, должно быть найдено с помощью партийных, комсомольских и профсоюзных организаций вузов. Они обязаны принять действенные меры для всемерного улучшения учебной и политико-воспитательной работы в институтах и проявлять постоянную заботу о бытовых условиях, в которых живут и учатся студенты» [8]. Из очерка по истории крымского вуза за 1960 г. следует, что к началу 1945/1946 учебного года самые первоочередные восстановительные работы в КГПИ были завершены, начало функционировать большое общежитие по ул. Студенческой, летом, в отпускной период, профессора, преподаватели и сотрудники работали на стройках, они оборудовали учебные кабинеты, библиотеку, с большим подъемом участвовали во всех начинаниях, улучшающих условия для учебной и научной деятельности [2, с. 60–61].

Однако сказать, что бытовые условия студентов и преподавателей были сложными в это время, – значит, приукрасить действительность. Из переписки директора КПИ Я. А. Чубукова с начальником Управления высшей школы Наркомпроса РСФСР М. Н. Орловым за апрель 1945 г. следует, что учебный процесс еще в 1944/1945 учебном году протекал в очень сложных бытовых условиях, где «учебные корпуса Крымпединститута и общежития студентов не были обеспечены необходимой мебелью. Студенты занимались, сидя на камнях, без столов, в аудиториях, кабинетах и библиотеках не было шкафов, стеллажей и т. д.»

[11, л. 37]. Из «Справки о состоянии Крымского Педагогического и Учительского Института» от 25 мая 1945 г., подготовленной директором вуза Я. А. Чубуковым, известно также, что:

<...>

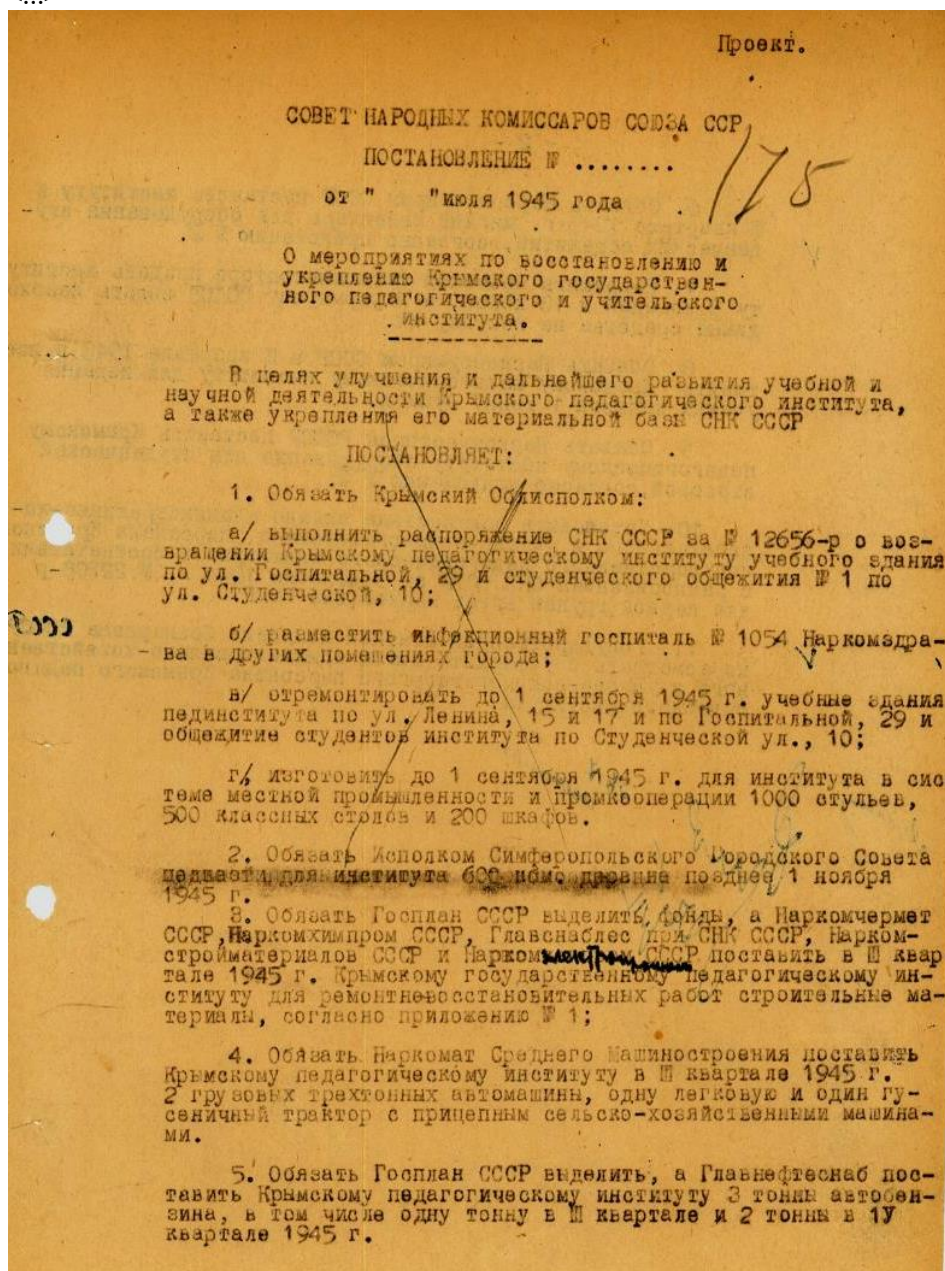

Рис. 8 а. Проект постановления Совнаркома СССР № 402 от 9 июля 1945 г.

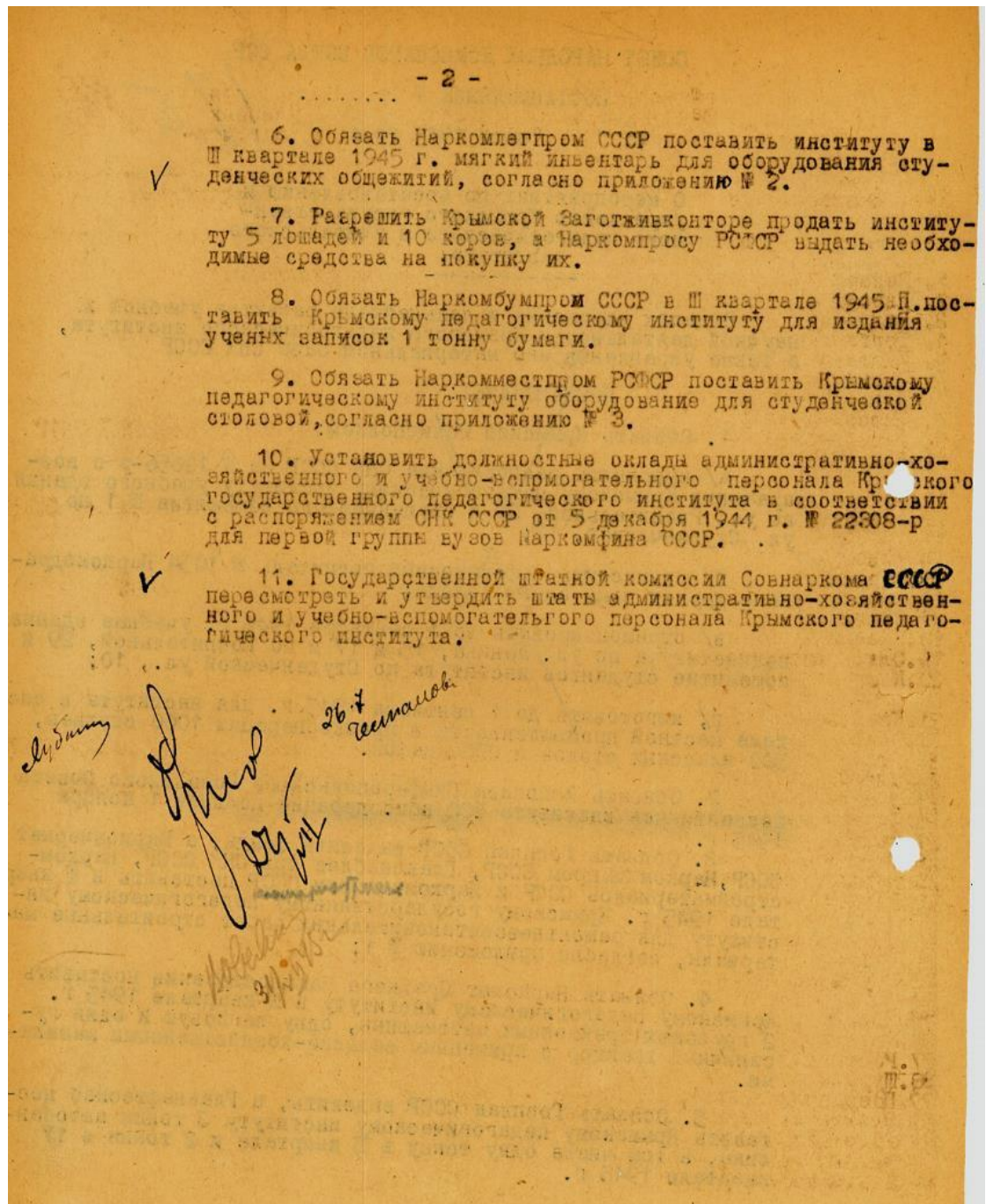

Рис. 8 б. Проект постановления Совнаркома СССР № 402 от 9 июля 1945 г.

«14. Из 6-ти учебных корпусов и 3-х зданий общежития, которыми располагал Институт до эвакуации, в настоящее время использует два учебных корпуса и одно здание общежития. Два здания (общежитие и физический институт) до сих пор занимает госпиталь Наркомздрава № 5411, остальные находятся в разрушенном и полуразрушенном состоянии.

<...>

16. Ввиду позднего ассигнования средств на капитальное строительство Наркомпросом РСФСР, Институт в этом году не был включен в государственный план восстановительных работ и оказался в весьма тяжелом положении. Дирекцией были предприняты меры на месте. По договоренности с Приморской Армией, мы получили помощь строительными рабочими, транспортом. Кроме этого, готовится бригада студентов, которая в период каникул включится в строительные работы Института.

17. Для восстановления учебных помещений и общежития студентов, нам необходимы строительные материалы:

- 1) лесоматериалы – 200 куб. м.
- 2) цемента – 2 тонны
- 3) алебаstra – 2 тонны
- 4) стекла – 1000 м
- 5) гвоздей разных – 100 кг
- 6) олифы – 500 кг
- 7) красок – 200 кг
- 8) электрошнура – 2000 м
- 9) электропатронов – 250 шт.
- 10) выключателей – 150 шт.
- 11) электроламп – 200 шт.

18. Для оборудования учебных помещений и общежития, необходимо:

- 1) стульев – 800 шт.
- 2) столов – 200 шт.
- 3) шкафов – 50 шт.

19. Для нормальной учебной и научно-исследовательской работы Института необходимо на приобретение учебного оборудования через Главснабпрос Наркомпроса РСФСР и Техучпром дополнительное ассигнование в сумме 350 тыс. руб.

20. Институту Командованием Отдельной Приморской Армией предоставлено две автомашины, но без горючего. Для подвозки строительных материалов, завоза топлива на июнь и июль месяцы нам крайне необходимо 5 тонн бензина и 500 кг автола.

21. В целях бытового улучшения студентов и помощи в одежде профессорско-преподавательского состава минимум требуется:

- 1) хлопчатобумажной ткани – 4 тыс. м
- 2) драп или сукно – 200 м
- 3) шевиот или шерсть – 150 м
- 4) бельевого материала – 1000 м
- 5) дамской обуви – 30 пар

В ОБЩЕЖИТИИ ПЕДИНСТИТУТА

В темном коридоре одного из общежитий пединститута (Студенческая, 12) ощупью нахожу дверь комнаты, где живут инвалиды Отечественной войны.

— Закрывай, сквозит; — кричит мне товарищ.

Я зажигаю спичку. Он в пальто лежит на кровати и слушает писк испорченного репродуктора.

Неожиданно распаивается дверь. Бонтилка гаснет.

— Опять фанера вылетела; — говорит он и подходит к окну, чтобы чем-нибудь заткнуть дырку.

Полтора месяца, как я сплю без подушки, а мой товарищ — без одеяла. Комендант все обещает их выдать. А на вопрос, когда нам сменят грязные простыни, отвечает: «Когда сошьют новые».

Действительно, на складе лежит бязь, но из нее ничего не делают.

В надвигающейся зиме у нас не готовятся. Дров не привезли, окна не застеклили.

В общежитии грязно. У входа в каждую комнату — куча мусора. По вечерам часто не бывает света.

Наконец, о столовой. Мы прикреплены к столовой, находящейся в Профсоюзном переулке. Это от нас далеко. На то, чтобы пообедать, уходит несколько часов.

Только раз, перед началом занятий, у нас был директор. Стоило бы ему еще зайти, чтобы послушать наши жалобы.

А. КРАЕВСКИЙ,

студент пединститута, инвалид
Отечественной войны.

Рис. 9. В общежитии пединститута // Красный Крым. 1945. 4 нояб. № 218

6) мужской обуви – 20 пар» [20, л. 106–107].

Из Письма заместителю Председателя СНК СССР А. Н. Косыгину от народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина № 703-СНК от 16 августа 1945 г. следует, что накануне нового 1945/1946 учебного года также острой оставалась проблема с помещениями вуза. «До эвакуации КГПИ в 1941 г. вуз размещался в 6 учебных корпусах и имел 3 студенческих общежития на 900 человек. Отступая из Крыма, фашисты взорвали одно студенческое общежитие на 400 человек и 3 учебных корпуса института по Студенческой ул., дом № 12. Кроме того, разграбили, сожгли и уничтожили богатейшее учебно-лабораторное оборудование, часть библиотеки, мебель, подсобные мастерские и оборудование студенческого общежития.

<....> до сих пор институт не имеет приспособленного здания и размещается в 2 учебных корпусах по ул. Ленина, 15 и 17, не удовлетворяющих потребности института по своей площади. Институт располагает только одним студенческим общежитием на 100 мест.

Рис. 10. Комната в студенческом общежитии КГПИ (1947 г.)

Несмотря на распоряжение Совнаркома СССР от 12 июня 1944 года за № 12656-р о немедленном освобождении студенческого общежития по Студенческой ул., 10 и учебного корпуса по Студенческой ул., 11, занятых инфекционным госпиталем № 5411 Наркомздрава СССР, указанные помещения до сих пор не освобождены. Учебное здание и общежитие не оборудованы мебелью, в общежитии нет постельного белья» [18, л. 174–174об]. О крайне тяжелых бытовых условиях студентов, проживающих в общежитии вуза, свидетельствуют докладная записка наркомпросу В. П. Потемкину от директора КГПИ Я. А. Чубукова от 11

апреля 1945 г. и заметка студента А. Краевского в газете Красный Крым «В общежитии Пединститута» за ноябрь 1945 г. В докладной записке директора говорится, что «количество студентов в будущем учебном году [1945/1946 гг. – В. Г.] достигнет цифры 800 человек. Для размещения студентов потребуется дополнительное помещение: как учебное, так и под общежитие. <....> студенчество поставлено в крайне тяжелые бытовые условия. Скверные жилищные условия, отсутствие постельного белья в общежитии, недостаток обуви и теплой одежды приводят к массовому заболеванию среди студентов. <....> В целях улучшения бытового положения студенчества требуется не менее 300 комплектов постельного белья и 700 американских подарков. Отсутствие автотранспорта в текущем учебном году не позволило произвести заготовку топлива, что привело к массовому заболеванию студентов и профессорско-преподавательского состава, а также к плохой посещаемости учебных занятий студентами» [17, л. 179об–180]. В газетной заметке студент КПИ описывает помещение общежития вуза, расположенное по ул. Студенческой, 12, которое осенью 1945 г. продолжало оставаться в плачевном состоянии: «В темном коридоре одного из общежитий Пединститута <....> ощупью нахожу дверь комнаты, где живут инвалиды Отечественной войны. “Закрывай, сквозит”, – кричит мне товарищ. Я зажигаю спичку. Он в пальто лежит на кровати <....> Неожиданно распаивается дверь. Коптилка гаснет. “Опять фанера вылетел”», – говорит он и подходит к окну, чтобы чем-нибудь заткнуть дырку. “Полтора месяца, как я сплю без подушки, а мой товарищ – без одеяла. На вопрос, когда сменят грязные простыни, [Комендант – В. Г.] отвечает: “Когда сошьют новые”. Действительно, на складе лежит бязь, но из нее ничего не делают. К надвигающейся зиме у нас не готовятся. Дров не привезли, окна не застеклили. В общежитии грязно <....> По вечерам часто не бывает света» [3] (рис. 9). Отметим, что при размещении студентов учитывались их личные запросы, соблюдался факультетский и курсовой принцип, как правило, студентов-земляков поселяли вместе, однако в комнатах общежития обычно проживало от 4 до 12 человек [4, с. 56] (рис. 10).

Таким образом, с началом создания Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе 1 октября 1925 г. было связано планирование и дальнейшее празднование 20-летнего юбилея, которое собирались отмечать в начале октября 1945 г. Готовились к этому мероприятию заблаговременно, как минимум за полгода, о чем свидетельствует ряд архивных документов, связанных с ходатайствами вуза, с перепиской руководства института с Наркомпросом и СНК о разрешении празднования юбилея, о финансировании и поддержке его организации.

20-летие КГПИ, согласно смете, не отмечалось пышно, были запланированы официальные торжества (выставка и конференция), которые включали в себя также ряд мероприятий, нереализованных, возможно, из-за ограниченного финансирования и отсутствия этих пунктов программы в постановлении СНК КрАССР от 9 июня 1945 г. (ужин для студентов, преподавателей и гостей вуза (18 тыс. руб.), издание юбилейного сборника «Известий» (14 тыс. руб.), премирование научных работников и сотрудников месячным окладом, путевками, премии студентам-отличникам (18 тыс. руб.) и т. д.).

Вероятнее всего, непосредственное празднование 20-летнего юбилея, практически совпавшее с началом нового 1945/1946 учебного года, не было ярко отражено в источниках, так как руководство института в это время принимало первоочередные меры по обеспечению нормальной работы вуза. Ему приходилось постоянно отстаивать свои здания, бороться за их возвращение и восстановление, заниматься решением проблемы поставок различных стройматериалов, мягкого инвентаря, топлива. Ведь нередко учебные занятия оказывались под угрозой срыва из-за нехватки дров, холодных помещений в учебных корпусах и общежитиях, вследствие чего хронически болели студенты и преподаватели, снижалась явка обучающихся, ухудшалась их общая подготовка. Несмотря на сложные условия жизни, студенты и сотрудники института всеми силами пытались наладить свой быт в стенах вуза и общежития, разнообразить досуг, приобщиться к общему делу – восстановлению и дальнейшему подъему и развитию института.

Список использованных источников и литературы

1. Героическая комедия «Давным-давно» // Красный Крым. – Симферополь, 1945. – 30 сент. – № 193.
Geroicheskaya komediya «Davnym-davno» // Krasnyi Krym. – Simferopol, 1945. – 30 sent. № 193.
2. Загородских Ф. С. История Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе (1918–1959) / Ф. С. Загородских, В. Л. Зайцев, С. А. Секиринский. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – 126 с. (Известия Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Специальный выпуск).
Zagorodskikh F. S. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze (1918–1959) / F. S. Zagorodskikh, V. L. Zaitsev, S. A. Sekirinskii. – Simferopol': Krymizdat, 1960. – 126 s. (Izvestiya Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze. Spetsial'nyi vypusk).
3. Краевский А. В общежитии Пединститута // Красный Крым. – Симферополь, 1945. – 4 нояб. – № 218.
Kraevskii A. V obshchezhitii Pedinstituta // Krasnyi Krym. – Simferopol, 1945. – 4 noyab. – № 218.
4. Крымский государственный педагогический и учительский институт им. М. В. Фрунзе: справочник для поступающих в институт. – Симферополь: Крымиздат, 1948. – 100 с.
Krymskii gosudarstvennyi pedagogicheskii i uchitel'skii institut im. M. V. Frunze: spravochnik dlya postupyayushchikh v institut. – Simferopol: Krymizdat, 1948. – 100 s.
5. Непомнящий А. А. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А. Н. Деревицкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». – 2018. – № 52. – С. 82–88.
Nepomnyashchiiy A. A. K istorii professorskoj korporacii Tavricheskogo universiteta: A. N. Derevickij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya». – 2018. – № 52. – S. 82–88.
6. Непомнящий А. А. Рукописные крымоведческие библиографии 20–30-х гг. XX в. как источник для подготовки фундаментального библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. науч. ст. и матер. / Российская нац. б-ка. – СПб.; М.: Старая Басманная, 2017. – С. 210–218.
Nepomnyashchiiy A. A. Rukopisnye krymovedcheskie bibliografii 20–30-h gg. XX v. kak istochnik dlja podgotovki fundamental'nogo bibliograficheskogo ukazatelja «Istoriya i etnografija narodov Kryma: bibliografija i arhivy (1921–1945)» // Bibliografija. Arheografija. Istochnikovedenie: sb. nauch. st. i mater. / Rossijskaja nac. b-ka. – SPb.; M.: Staraja Basmannaja, 2017. – S. 210–218.
7. Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.

**ПРАЗДНОВАНИЕ 20-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ КРЫМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ В 1945 ГОДУ**

Nepomnyashchiy A. A. «Ja sobirajus' privat-docentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. Je. Grinevich v Krymu (1919–1921) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.

8. Новый учебный год в вузах // Красный Крым. – Симферополь, 1945. – 18 сент. – № 184.

Novyi uchebnyi god v vuzakh // Krasnyi Krym. – Simferopol, 1945. – 18 sent. – № 184.

9. Первый день занятий в вузах Симферополя // Красный Крым. – Симферополь, 1945. – 19 сент. – № 185.

Pervyi den' zanyatii v vuzakh Simferopol'ya // Krasnyi Krym. – Simferopol, 1945. – 19 sent. – № 185.

10. Перед открытием театрального сезона: беседа с директором Крымгостеатра им. Горького А. М. Ильвовским // Красный Крым. – Симферополь, 1945. – 9 сент. – № 178.

Pered otkrytiem teatral'nogo sezona: beseda s direktorom Krymgosteatra im. Gor'kogo A. M. Il'vovskim // Krasnyi Krym. – Simferopol, 1945. – 9 sent. – № 178.

11. Письмо директора Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о необходимости выделения мебели. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 37.

Pis'mo direktora Krymskogo pedinstituta v Narkompros RSFSR o neobkhodimosti vydeleniya mebeli. – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (dalee – GARF). f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 37.

12. Письмо директора Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении отметить 20-летие института с приложением сметы расходов. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 95–98об.

Pis'mo direktora Krymskogo pedinstituta v Narkompros RSFSR o razreshenii otmetit' 20-letie instituta s prilozheniem smety raskhodov. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 95–98ob.

13. Письмо заместителя наркома просвещения РСФСР в Совнарком РСФСР. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 183.

Pis'mo zamestitelya narkoma prosveshcheniya RSFSR v Sovnarkom RSFSR. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 183.

14. Письмо заместителя наркома просвещения РСФСР об оказании Крымскому институту помощи в подготовке к новому учебному году. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 185.

Pis'mo zamestitelya narkoma prosveshcheniya RSFSR ob okazanii Krymskomu institutu pomoshchi v podgotovke k novomu uchebnomu godu. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 185.

15. Письмо Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о необходимости решения финансовых вопросов на ремонт зданий, приобретение лабораторного оборудования и т.д. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 211–211об.

Pis'mo Krymskogo pedinstituta v Narkompros RSFSR o neobkhodimosti resheniya finansovykh voprosov na remont zdaniy, priobretenie laboratornogo oborudovaniya i t.d. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 211–211ob.

16. Письмо Крымского пединститута в Наркомпрос РСФСР о разрешении празднования 20-летнего юбилея. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 70.

Pis'mo Krymskogo pedinstituta v Narkompros RSFSR o razreshenii prazdnovaniya 20-letnego yubileya. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 70.

17. Письмо Крымского пединститута наркому просвещения РСФСР о необходимости оказания помощи институту. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 179–180.

Pis'mo Krymskogo pedinstituta narkomu prosveshcheniya RSFSR o neobkhodimosti okazaniya pomoshchi institutu. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 179–180.

18. Письмо наркома просвещения РСФСР в Совнарком РСФСР о необходимости предоставления зданий Крымскому пединституту с приложенным проектом постановления Совнаркома СССР. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 174–175об.

Pis'mo narkoma prosveshcheniya RSFSR v Sovnarkom RSFSR o neobkhodimosti predstavleniya zdaniy Krymskomu pedinstitutu s prilozhennym proektom postanovleniya Sovnarkoma SSSR. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 174–175ob.

19. Постановление Совнаркома Крымской АССР № 478 о праздновании двадцатилетнего юбилея Крымского пединститута. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 69.

Postanovlenie Sovnarkoma Krymskoi ASSR № 478 o prazdnovanii dvadtsatiletnego yubileya Krymskogo pedinstituta. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 69.

20. Справка о состоянии Крымского пединститута. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 103–107.

Spravka o sostoyanii Krymskogo pedinstituta. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 103–107.

21. Справка, составленная Наркомпросом РСФСР, о состоянии Крымского пединститута. – ГАРФ, ф. А-2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 70, д. 4784, л. 39–40об.

Spravka, sostavlenaya Narkomprosom RSFSR, o sostoyanii Krymskogo pedinstituta. – GARF, f. A-2306 «Narkomat – Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR», op. 70, d. 4784, l. 39–40ob.

Grushetskaia V. A. The celebration of the 20th anniversary of M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute in 1945.

Based on unpublished archival data the history of preparation for the celebration of the 20th anniversary of M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute in October 1945 was represented. The features of the formation of public ideas on the expediency of celebrating this event, specificity and planning stages, as well as actual steps and decisions, taken by the leadership of the university, and government agencies, on the implementation of various activities, connected with this memorable date, were reflected in the materials of investigation. The various problems and difficulties, which staff and students of the institute have faced during the preparation and celebration, were considered.

Keywords: M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, Simferopol, Ya. A. Chubukov, festive date, everyday life of the institute.

УДК 947. 065 (571)

СИБИРСКАЯ СЛУЖБА БОЯРИНА Ю. Я. СУЛЕШЕВА

Каменецкий И. П.

*Институт истории Сибирского отделения РАН,
г. Новосибирск.
E-mail: kameneckiiivan@mail.ru*

Предпринята попытка свести воедино и обобщить имеющиеся сведения о начальной карьере и сибирской службе выходца из Крыма – боярина и князя Ю. Я. Сулешева. В ней показано, что несмотря на своё «иноземное» происхождение, благодаря родственным связям с московским двором и личным качествам Ю. Сулешев в период Смуты занял высокое положение в русском обществе. Во время нахождения на воеводстве в Тобольске им был осуществлён ряд важных мер по «обновлению» и обустройству Сибири. Сделан вывод, что «уложения» Сулешева носили не случайный, бессистемный характер, а явились первой успешной попыткой реформирования хозяйственной, финансовой и социальной системы колонизируемой Сибири, определившей во многом её дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Ю. Сулешев, Крымское ханство, Московское государство, смута, Сибирь, Тобольский разряд, государева пашня, служилые люди, ясачный режим, государева прибыль.

Жизненный путь и служебная деятельность видного российского администратора, князя и боярина Юрия Яншеевича Сулешёва уже нашли отражение в исторической литературе [15, с. 133–140; 4, с. 265–273]. Но в освещении фактов его биографии, выявлении и оценке результатов сибирской службы существует ещё немало спорных и нерешённых вопросов. Главным из них является определение полноты и эффективности проведения в жизнь его «уложений» и их влияния на последующее развитие сибирского региона.

Юрий Яншеевич Сулешев (ок. 1584–1643) был сыном знатного выходца из крымских татар. Его отец князь Сулешьбика Джиган-шах мирза был послом в России, перешедшим на русскую службу при царе Фёodore Ивановиче. Сыновья Юрий и Василий крестились, женились и были приняты на службу при Борисе Годунове. Очевидно, Ю. Сулешов был женат дважды, поскольку, по одним данным, его женой была кабардинская княжна Мария Мамстрюковна Черкасская, по другим – дочь окольного М. М. Кривого Салтыкова Марфа Михайловна Салтыкова, которая доводилась племянницей матери будущего государя Марфе Романовой [13, с. 135; 4, с. 266].

Возвышение будущего сибирского наместника по службе произошло в последние годы правления Б. Годунова, когда он стал стольником с небольшим жалованием в 150 руб. Первое упоминание о его службах относится к январю 1605 г., когда он был послан с жалованием царём Борисом к воеводам под Новгород Северский. По мнению М. О. Акишина и А. П. Павлова, в сентябре 1606 г. он участвовал в сражении с войском И. Болотникова под Калугой, где правительственные войска потерпели поражение [6, с. 156].

В его начальной карьере и судьбе в период Смуты отразились противоречия и метания, характерные для многих представителей русской знати, прозванных в народе «перелётами». Ю. Сулешев, как и другие его современники, вначале

поддерживал Василия Шуйского, затем присягал Лжедмитрию II в Калуге, некоторое время служил польскому королевичу Владиславу. На заключительном этапе входил в состав I и II земских ополчений, был в числе воевод – сподвижников князя Д. М. Трубецкого. В последующем принимал непосредственное участие в ликвидации последствий Смутного времени, что немало способствовало продвижению его по службе

Несмотря на молодость и «иноземное» происхождение, благодаря своим организаторским способностям и родственным связям Ю. Сулешев сумел сделать неплохую карьеру и успешно местничать с представителями старого московского боярства. В разгар смуты среди московских стольников он прочно занимал третье место, уступая лишь князю И. М. Катыреву-Ростовскому и князю И. М. Черкасскому, близким родственникам царя Михаила Романова. На земском соборе 1613 г. Сулешев выступал активным сторонником выдвижения на престол 16-летнего Михаила Романова. Поэтому при венчании его на царствование 11–13 июля был первым среди десяти присутствующих на церемонии стольников [15, с. 133].

В начальные годы правления молодого царя в условиях возникновения частых местнических конфликтов Ю. Сулешеву как «иноземцу» пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить и упрочить своё положение при дворе и избежать «отеческого бесчестья». Ему удалось отстоять своё право находиться при царе в качестве рынды в белом платье при встрече кизылбашского (персидского) посла Амир-бека 18 сентября 1613 г., несмотря на то, что на это место также претендовал влиятельный боярин И. П. Шереметев [15, с. 133]. Осенью 1614 г. вместе с царём он ходил на богомолье в Москву в Троице-Сергиев посад. В 1615 г. в результате нового местнического спора за него вынужден был заступиться сам государь. В ответ на замечание боярина Г. Ромодановского, что Ю. Сулешёв поддерживает связи с Крымом, в частности с дядей Сулешева Ахмет-пашей, молодой царь заявил, что «Ахмет-паша служит крымскому царю, а князь Юрий служит государю» [17, с. 251–252]. 2 февраля 1615 г. Сулешев был пожалован в бояре с окладом 500 руб. [15, с. 312; 5, с. 140]. С. В. Бахрушин ошибочно считает, что боярином он стал в 1613 г. [4, с. 266].

По сведениям «Русского биографического словаря» Сулешов не принимал значительного участия в военных действиях при разгроме остатков войск воровских казаков и армии польского королевича, «никаких талантов не проявил», что не вполне соответствует действительности [15, с. 136]. 3 апреля 1613 г. он был послан с воеводой М. П. Барятинским с конной ратью (1969 чел.) на Алатырь для организации заслона, ведения разведки и «поиска» над «воровскими людьми» Ивана Заруцкого [13, с. 266–276]. По данным С. М. Соловьёва, в 1616 г. с князем А. М. Львовым он участвовал в сборе войск для подавления выступления казанских татар и черемисов, захвативших дорогу от Казани к Нижнему Новгороду. 6 января 1616 г. вместе с князем С. Прозоровским был направлен с армией (6 тыс. чел.) из Москвы в Дорогобуж, где 8 марта разгромил полковника Вишля, а в мае разбил полк Чаплинского. За проведение этих успешных операций был награждён царём «золотыми». Однако развить успех русскому войску не удалось. По одним

сведениям, Сулешев получил приказ идти к Москве, оставив при этом в Дорогобуже, Вязьме и Можайске воевод и ратных людей, по другим – отошёл к Москве «без повеления царева» и оставил указанные города без прикрытия, чем воспользовался Владислав, занявший их вновь [17, с. 95; 4, с. 266]. Неудачный исход похода против поляков вызвали царский гнев и насмешки в обществе. Но вскоре Сулешев сумел реабилитировать себя. 1 октября 1618 г. он вместе с братом Василием принял активное участие в обороне Москвы от войск Владислава, стремившего вернуть утраченную власть, в результате чего были отбиты все его «приступы». Его заслуги в борьбе с поляками были учтены новым правительством. 21 августа 1619 г. Ю. Сулешев с братом получили жалованную грамоту на вотчины в Муромском и Нижегородском уездах за то, что «стояли крепко и мужественно, и на боях и на приступах билися, не щадя голов своих» [15, с. 134].

Последующая служба Сулешева была связана с выполнением важных административных дел. В 1619 г. он возглавил Сыскной приказ, созданный для сыска и возвращения в посад и тягло беглых. В 1621–1623 гг. ему был поручен приказ по проверке старых жалованных грамот и разбору дворян и детей боярских в Рязани и Шацке [6, с. 165]. Находясь на этом посту, Сулешев, очевидно, нажил себе немало врагов и недоброжелателей, чьё родство и заслуги были подвергнуты сомнению. Очевидно, это обстоятельство, а также его родственные связи с кланом Салтыковых, противниками патриарха Филарета, привели его к опале и почётной ссылке первым воеводой в Тобольск, являвшегося центром самого обширного разряда в России. Известно, что в Тобольск направлялись, как правило, родственники царствующего государя, имеющие богатый военный и административный опыт и его назначение не было тому исключением.

В январе, по другим данным в мае 1623 г., согласно официальной версии, Сулешев был послан в Сибирь с характерной для того времени лаконичной формулировкой: «для обновления и для заводу». Товарищем воеводы был назначен знакомый ему по прежней службе Ф. К. Смердов – Плещеев, дьяками Г. Мартемьянов и Н. Леонтьев, служившие ранее в Поместном приказе и Приказе Казанского дворца, а также письменные головы Г. Зловидов и Н. Беглецов [6, с. 165; 4, с. 267]. Вместе с Сулешевым на воеводство в Верхотурье был направлен и соратник по военным походам М. С. Языков, ставший позднее его душеприказчиком. Двумя годами ранее в Тобольск был отправлен властный и деятельный архиепископ Киприан, активно ратовавший за восстановление испорченных нравов сибиряков и установление истинного благочестия.

Таким образом, в команду нового воеводы вошли лица, имеющие немалый административный и делопроизводственный опыт управления в московских приказах и уже зарекомендовавших себя на службе. Сам Сулешев был наделён широкими полномочиями, позволяющими ему, в отличие от других уездных воевод, действовать самостоятельно – «по своему вымотру».

Сменив на воеводстве М. М. Годунова, Ю. Сулешев энергично принялся за весьма сложные и во многом запутанные дела своих предшественников на огромной территории, простирающейся от Урала до берегов Енисея. Первым шагом на пути «обновления» Сибири стала проведённая им перепись русского и ясачного

населения, а также пахотных земель, не подлежащая до него строгому учёту. С этой целью им были направлены в уезды Западной Сибири дети боярские и подьячие, которым было указано «приведчи к крестному целованью, всяких земель писать и дозировать, и ясачных людей и посадских и пашенных крестьян и всяких людей описывать» [4, с. 268; 14, с. 350]. Результатом этого обследования стало составление «дозорных» и «переписных» книг Тобольского, Верхотурского, Туринского, Пелымского, Тарского, Томского уездов, архиепископского двора, которые явились, по существу, первыми статистическими описаниями русских владений в Западной Сибири. Они во многом явились основой для составления «уложений» Сулешева, ставших своеобразной программой действий нового наместника.

Наиболее важным мероприятием тобольского воеводы стали аграрные преобразования, целью которых было расширение государственной пашни и экономия государственных расходов на содержание сибирских служилых людей. Согласно «уложению» Ю. Сулешева сибирские крестьяне должны были на каждую десятину своей пахоты возделывать $\frac{1}{4}$ десятины на государевом поле. С целью увеличения пашни основывались новые слободы на плодородных участках. В 1624 г. по указанию Сулешёва были построены на р. Нице две новых слободы – Чубарова и Красная. Их устройство было поручено туринскому сыну боярскому М. Егонскому. В соответствии с воеводским распоряжением каждый новоприборный крестьянин получал для обзаведения хозяйством значительную «подмогу»: пять руб. денег, двух лошадей, корову, двух овец, десять кур, свинью. Для посева им выдавалось по одной четверти ржи и пол-осмины овса, до первого урожая ежемесячно выделялось пол-осмины ржи и пол-осмины овса. Пашенные люди должны были за это каждый распахать на государя две десятины под озимую рожь и столько же под яровые культуры, семена для посева предоставлялись из казны [8, с. 88, 359–360].

Уложением также предписывалось выделить крестьянам место, «где пригоже устроити церковь, ...кладбище и слободу, крестьянам под дворы, и под огороды, и под гуменники и животине на выпуск, чтоб вода и лес было близко...» [8, с. 363]. Благодаря значительной государственной поддержке в 1625 г. в Чубаровой слободе было посеяно 20 четвертей ржи, Красной – 60 [8, с. 364]. О большой заботе Ю. Сулешева об устройстве на р. Нице слобод свидетельствует и то, что в течение года им было послано туринскому воеводе С. Д. Апухтину 8 отписок, контролирующих исполнение своего распоряжения [1, с. 90].

При устройстве пашни Сулешевым учитывались и другие нужды, и запросы крестьян. В 1623 г. он получил челобитную от тобольских подгородних крестьян об удалённости их деревень от полей десятинной пашни, что вызывало немалые затруднения в обработке собственных участков. В связи с чем они просили освободить их от десятинной пашни, обязуясь взамен уплачивать в казну каждый пятый сноп со своих полей, т. е. 20 % урожая. После изучения обстановки на месте их ходатайство было удовлетворено. Обосновывая экономическую целесообразность своего решения перед Москвой разрядный воевода писал: «А выдельный хлеб иметь с них государю будет прибыльнее, а крестьянам легче, потому что они все станут пахать на себя» [11, с. 87–88]. Практика уплаты выдельного хлеба вместо десятинной пашни вполне оправдала себя. Поступление в

государеву житницу хлеба при новом порядке выросло в 2,5 раза по сравнению с урожайными годами, в связи с чем Сулешов распорядился распространить этот опыт и в других районах Сибири.

Тобольский воевода немало содействовал в заведении пашни другим сибирским воеводам. Получив отписку от кузнецкого воеводы Е. Баскакова о наличии пашенных мест вблизи острога, он направил для заведения пашни семена и 13 пашенных крестьян, составивших ядро земледельческого населения в предгорьях Алтая. В 1627 г. на кузнецкой пашне было собрано уже свыше 111 четвертей ржи и ярицы¹. В это же время были направлены беглые ссыльные крестьяне в государеву пашню Тары (23 чел.) и Томска.

Значительные изменения произошли в государственном обеспечении служилых людей, составлявших основную массу русского населения Сибири. «Уложения» Сулешева уравнивали в окладах жалования стрельцов и казаков, кроме того, им впервые была осуществлена дифференциация окладов служилых людей «пашенных» и «непашенных» городов. Служилые земледельцы пашенных городов в зависимости от количества и качества у них земли лишались полностью или частично хлебного жалования. При наличии у них превышения установленной в уезде нормы размера пашни они платили «выдельный хлеб» – «десятый сноп». В целях поощрения хлебопашества, по его указанию, служилых людей, бравших землю вместо хлебного жалования, не переводили на жительство в другие районы Сибири, им отдавали предпочтение при назначении на ближние службы [9, с. 104; 7, с. 201–202].

Сокращение денежного и хлебного окладов гарнизонов пашенных городов Тобольского разряда привело к значительной экономии государственных средств, но вызвало, в свою очередь, недовольство служилых людей, особенно Тары, Тюмени и Верхотурья.

При Сулешеве был проведён в жизнь ряд мер, направленных на увеличение приходной части бюджета сибирских городов. Прежде всего, был усилен контроль над уплатой таможенных пошлин. С целью уменьшения зависимости таможенных голов от воевод их стали назначать из других городов и снабжать специальными наказами о порядке сбора пошлин. Со всех посадских людей, и даже с тех, которые прежде «жили на льготе и оброка в государеву казну никакова не платили», стал регулярно взиматься денежный оброк по установленному правилу: «Оброчные деньги платить, верстаясь меж собою по животам своим к промыслам своим беспереводно». В 1624 г. в качестве оброка с тобольского посада было получено 71 руб. 80 алтын 2 денги [14, с. 356; 3, с. 59].

Сулешев также предпринимал шаги по улучшению торговли и борьбе с контрабандой. В связи с тем, что морской путь в Мангазею был закрыт для торговли, по настоянию воеводы был разрешён путь «через Камень» (с Печоры на низовья Оби), что позволило увеличить сбор таможенных пошлин и обезопасить торговое движение [4, с. 257]. При нём были организованы большие экспедиции на Ямыш-озеро за солью, приобретшие вскоре регулярный характер. Так, в 1626 г. из

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Кн. 6. Л. 292–293; Стб. 204. Л. 101.

Тобольска «по соль» было направлено 16 дощаников и 7 ладей с 604 служилыми людьми. Добытой соли хватило не только на жалование служилым людям, но и на продажу, «да и за продажей соли осталось в остатке» [9, с. 117].

В правление Сулешева были сделаны первые шаги по освоению промышленных месторождений Сибири. В частности, предприняты попытки наладить железоделательное и оружейное производство в Кузнецке и в Томске, где были построены большие государевы кузницы. Но высокие затраты, большие транспортные расходы и открытие более дешёвых и доступных руд на Урале побудили правительство отказаться от эксплуатации местных руд [16, с. 125–128]. По его «розсмотру» на верхнем Иртыше была открыта «слюда белая», используемая для «окончин» при строительстве зданий в сибирских городах и острогах [4, с. 271].

Особое значение Сулешев придавал ясачным делам и соблюдению ясачного режима, при котором служилые люди должны были действовать «не жесточью, а ласкою». В результате переписи ясачных «иноземцев» они были освобождены от недоимок за прошлые годы. Стараниями воеводы было прибрано вновь 454 человека, стоимость ясака с которых определялась в 2016 руб. 22,5 коп., для всех их был установлен нормированный размер ясака [4, с. 271]. В 1625 г. тюменские служилые татары подали воеводе челобитную, в которой просили отставить их от ямской гоньбы и переложить её на ясачных татар Ленской волости. Сулешев удовлетворил их просьбу, обязал нести эту повинность коренным жителям указанной волости со сложением с них уплаты ясачного хлеба. В этом же году он направил отписку туринскому воеводе А. Д. Апухтину по вопросу о «тесноте» ясачным людям от присылаемых к ним толмачей, которые, по его словам, «вместе воруют с воеводами» [1, с. 90].

Годы, проведённые Сулешевым в Сибири, были относительно мирным временем. Русские землепроходцы сумели закрепиться в предгорьях Алтая и основаться на берегах Енисея. Но дальнейшее продвижение на юг и восток встречало упорное сопротивление калмыцких и киргизских народов. Недавно возведённые Кузнецкий и Енисейский остроги испытывали острый недостаток вооружённых сил, необходимый для обороны русских владений и дальнейшего продвижения в «новые земли». Тобольские воеводы вынуждены были проявлять заботу о пополнении местных гарнизонов и своевременно реагировать на вызовы воинственных кочевников.

В 1623 г. с учётом ходатайства управлявшего Енисейским острогом небезызвестного сына боярского П. Хмелевского, Сулешев немедленно набрал в Тобольске служилых людей и направил их в Енисейск на «вечное житье» [2, с. 37]. В следующем году по просьбе кузнецкого воеводы Е. Баскакова распоряжением Сулешева были прибраны в Тобольске и направлены в Кузнецк 20 гулящих и 11 «черкас» в конную и пешую казачью службу¹. В 1625 г. в Мангазею по «рассмотрению» Сулешева было переселено из Тобольска 50 новоприборных стрельцов с семьями, в результате численность гарнизона достигла 65 человек [2, с. 122].

¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 458. Л. 1–12 об., 82–83.

В ответ на нападение киргизов на Томск и подгородных крестьян 12 июля 1624 г. Сулешеву указом из Москвы было предписано направить из Тобольска в Томск 200 служилых людей и юртовских татар во главе с головами П. Хмелевским и П. Рыхлевским. Отряд должен был соединиться с томичами и следовать в Киргизскую землю с уговорами их правителей прекратить враждебные действия, принуждению их к уплате ясака, используя при этом военную силу как крайнюю меру. Но правительство ещё не располагало к этому времени сведениями о значительном военном потенциале Киргизской земли, численность воинов которой многократно превышала небольшие контингенты русских крепостей, поэтому поход в киргизы мог обернуться большим поражением. Чтобы избежать этого, осмотрительный воевода отписал в Москву, что «в Киргизы... служилых людей послать нельзя... и уговорить де тех киргизов, призывая добром и ласкою под... царскую высокую руку нельзя» [8, с. 679–680]. Его довод был услышан, поход «в Киргизы» объединёнными силами служилых людей состоялся спустя десять лет под командованием А. Просовецкого, завершившийся поражением русского войска.

Находясь на воеводстве в Тобольске, Сулешев проявил себя не только энергичным и деятельным, но и строгим, справедливым администратором. Он первым из сибирских наместников начал борьбу со злоупотреблениями местных воевод. В 1624 г. им была принята мирская челобитная «ото всего города» Пелыма на притеснения жителей воеводой И. М. Вельяминовым. По указанию Сулешева в Пелым были направлены сын боярский И. Шульгин и подъячий Т. Васильев с наказом провести предварительное расследование – «считать воеводу». Все челобитные на И. Вельяминова с жалобами на захват им служилой и крестьянской пашни, увеличение размера десятинной пашни, введение отработок в пользу своего хозяйства, поборы, взятки пушшиной и другое были направлены в Москву. Действия Сулешова получили поддержку государя, который распорядился провести «повальный сыск» в отношении воеводы и вскоре он был заменён другим. При этом инициаторы челобитных – пелымские стрельцы – были поощрены: повышены в чине [3, с. 207, 236].

В 1625 г. Сулешев направил с ревизией в Мангазею П. Хмелевского «обыскать про мангазейских прежних воевод», в частности про Дмитрия Погожева, обвинённого в ряде злоупотреблений. Хмелевский сумел доказать «налоги и насилие ...многое» Д. Погожева, но и сам оказался замешан во многих неблагоприятных делах: незаконной торговлей вином, скупкой пушнины, отказе от уплаты таможенной пошлины своих товаров, за что и сам подвергся сыску [4, с. 168–169]. В правление Сулешева была вскрыта также значительная недостача казны у томских воевод И. Шеховского и М. Радилова: 388 руб. деньгами и более 1000 четей хлеба, о чём он сообщил в Москву, увеличив, тем самым, число своих недоброжелателей [15, с. 137].

Немалую заботу разрядный воевода совместно с архиепископом Киприаном проявлял об укреплении нравственного состояния сибирского общества и становлению первых учреждений государственного призрения. Несмотря на большой денежный сбор от питейных заведений, в Тобольске был закрыт

кружечный двор. В Таре и других сибирских городах, где служилые люди проигрывали в зернь свои «животишки», оружие и от той зерни чинились «татьба и воровство великие» был запрещён зерновой откуп [15, с. 137]. По челобитью казаков, служивших в Сибири со времён «Сибирского взятия» в Тобольске на средства государства была основана богадельня «для отставных старых и увечных воинов» [10, с. 230].

В «Русском биографическом словаре» приведены сведения о попытке покушения на Сулешева тюменских служилых людей под руководством атамана пеших казаков Приезжего-Рязанова. По свидетельству В. Егорова, казаки хотели подстеречь воеводу по пути из Москвы в Тобольск, «животы» его разграбить, а самого убить. Заговор был раскрыт благодаря атаману конных казаков Ивану Воинову [15, с. 138]. Но, как показали современные исследователи, данные о «заговоре» были явно преувеличены. Недовольство казаков проявилось лишь в назначении Сулешевым атаманом И. Воинова по его челобитной, вопреки мнению тюменского войска, подвергнутого сомнению приведённые в челобитной Ивана сведения о верной службе его самого, отца и обвинивших к тому же его мать в колдовстве. Челобитная казаков, недовольных назначением И. Воинова, была рассмотрена в Москве, где угрозы в адрес Сулешева не сочли серьёзными, а назначение атаманом воеводой было утверждено [3, с. 95–96].

Претворение в практику «уложений» Сулешева не прошло без последствий. Регулятивные и ограничительные меры тобольского наместника вызвали сопротивление служилых и крестьянских миров, корыстолюбивых воевод, породили немало челобитных, но они не привели к острым социальным конфликтам, происходившим при воеводе-реформаторе П. Годунове и других сибирских администраторах. По верному замечанию историков, несмотря на значительное мирское сопротивление, «сулешевская реформа ... набирала силу и постепенно стала основой социальной и финансовой политики на востоке страны» [3, с. 204–205]. Её результатом стала не только значительная прибыль казне деньгами в 2156 руб. и хлебом в 3748 четвертей ржи и овса, но и приведение в порядок многих запущенных сибирских дел. В ходе осуществления сулешевских преобразований был получен успешный опыт функционирования системы разрядного управления, её взаимодействия с местным обществом, растущего влияния воеводского аппарата на решение сложных задач начального этапа присоединения и освоения Сибири.

Прибыльная административно-хозяйственная деятельность Сулешева не осталась незамеченной. В награду за то, что «всякими делы сибирскую землю, по своему вымотру, обновил и во всём устроил» он получил у государева стола кубок серебряный «золочён», шубу «атлос золотной на соболах, пугвицы серебрянны, золочёны», прибавку к жалованию в размере 50 руб. к своему 500 руб. окладу, ему также были даны вотчины 524 четей в Рязани, Нижнем Новгороде и Ростове [14, с. 349–357; 6, с. 166]. Значительное вознаграждение получили «за службу и прибыль» подведомственные Тобольску воеводы и их товарищи: Ф. Смердов – Плещеев (Тобольск), М. Барятинский, М. Языков (Верхотурье), И. Безобразов, Ф. Шишкин (Сургут), И. Сунбулов, П. Чирков (Тара), С. Апухтин (Туринск),

Е. Баскаков (Кузнецк); письменные головы Г. Зловидов, М. Беглецов, дьяки Г. Мартемьянов, Н. Леонтьев [12, с. 75–76, 88–89, 96–97],

Исследователи уже отмечали, что после возвращения из Тобольска Сулешев считался даже среди недругов признанным специалистом по сибирским вопросам и продолжал влиять на их решение. Его предложение о сокращении воеводского аппарата в ряде сибирских городов было принято и реализовано правительством. Будучи руководителем Разбойного приказа, он выступал за замену смертной казни ссылкой на поселение в Сибирь. Не вызывает сомнения, что опыт управления и хозяйствования сибирской «окраиной» учитывался правительством при назначении его вновь главой московских приказов, на воеводстве в Великом Новгороде, мобилизации ратных людей под Смоленском и выполнении других ответственных государственных поручений [15, с. 139–140].

Рассматривая и сравнивая результаты реформ тобольских воевод Ю. Сулешева и П. Годунова, блестящий знаток Сибири С. В. Бахрушин, на наш взгляд, несколько принизил значимость деятельности первого, допустив при этом некоторое противоречие в оценке проекта П. Годунова. Критически воспринимая мероприятия последнего, учёный в то же время дал им незаслуженно высокую оценку: «Это была большая деловая программа, практическая и цельная, какую редко можно найти у администраторов середины XVII столетия. По сравнению с реформами Сулешева мероприятия Годунова менее случайны, ... носят более органический характер». В то же время автор тут же заявлял: «Сравнивая её с программой Сулешева, легко увидеть, что Годунов шёл по его стопам и руководствовался, действительно, его примером...» [4, с. 288].

Изложенные нами результаты административной деятельности Сулешева в Сибири свидетельствуют об эффективности и целенаправленности мер, осуществлённых им за более короткий период, в иных, более сложных условиях, чем сорок лет спустя. В отличие от своих предшественников и во многом несостоявшихся проектов Годунова, проведённые в жизнь уложения Сулешева носили не случайный, бессистемный характер, а были успешной попыткой реформирования хозяйственной, финансовой и социальной системы колонизируемой Сибири, определившей во многом направление её дальнейшего развития.

Список использованных источников и литературы

1. Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг (в двух томах). Том.1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993.– 250 с.
Aktovye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI – XVIII vekov v fondah G.F. Millera. Opisi kopijnyh knig (v dvuh tomah). Tom.1. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1993.– 250 s.
2. Александров В. А. Русское население Сибири XVI- начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. – 304 с.
Aleksandrov V. A. Russkoe naselenie Sibiri XVI – nachala XVIII v. (Enisejskij kraj). M.: Nauka, 1964. – 304 s
3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в.– Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991.– 401 с.
Aleksandrov V. A., Pokrovskij N. N. Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.– Novosibirsk: Nauka. Sib.otd-nie, 1991.– 401 s.

4. Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири. Т. III. Часть первая. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 376 с.
- Bahrushin S. V. Voevody Tobol'skogo razryada v XVII v. // Bahrushin S. V. Nauchnye trudy. Izbrannye raboty po istorii Sibiri. T. III. Chast' pervaya. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. – 376 s.
5. Беляков А. В. Крымские выходцы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 137–157.
- Belyakov A. V. Krymskie vyhodcy v Rossii: sluzhba i pravovoj status // Zolotoordynskoe obozrenie. 2016. № 1. S. 137–157.
6. Власть в Сибири XVI – начало XX века. Межархивный справочник. Новосибирск: АНО МАСС-Медиа-Центр, 2002. – 296 с.
- Vlast' v Sibiri XVI – nachalo XX veka: Mezharhivnyj spravochnik. Novosibirsk: MASS-Media-Centr, 2002.
7. Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. – 298 с.
- Kopylov A. N. Russkie na Enisee v XVII. Zemledelie, promyshlennost' i trgovye svyazi Enisejskogo uezda. Novosibirsk: Nauka, 1965. – 298 s.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное Т. 2. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 796 с.
- Miller G.F. Istoriya Sibiri. Izd.2-e, dopolnennoe T. 2. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. – 796 s.
9. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири в.- Новосибирск: Наука., 1988. – 256 с.
- Nikitin N. I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoj Sibiri v.- Novosibirsk: Nauka., 1988. – 256 s.
10. Оглоблин Н. Н. обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) Часть третья. М.: Университетская типография. 1900. – 394 с.
- Ogloblin N. N. obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) Chast' tret'ya. M.: Universitetskaya tipografiya. 1900. – 394 s.
11. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Изд-во «Наука», 1972. – 392 с.
- Preobrazhenskij A. A. Ural i Zapadnaya Sibir' v konce XVI-nachale XVIII v. M.: Izd-vo «Nauka», 1972. – 392 s.
12. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / составитель М. О. Акишин. Новосибирск: Издательство СО РАН, «филиал Гео», 2000. – 400 с.
- Pribyl'nye dela sibirskih voevod i tamozhennyh golov XVII – nachala XVIII v. / sostavitel' M.O. Akishin. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, «filial Geo», 2000. – 400 s.
13. Разрядные книги. 1598–1638 гг. Составители: В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. – 400 с.
- Razryadnye knigi. 1598–1638 gg. Sostaviteli: V. I. Buganov, L. F. Kuz'mina. M.: Institut istorii SSSR AN SSSSR., 1974. – 400 s.
14. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. Том восьмой. СПб.: Издательство тип. Ф. Г. Елковского и Ко., 1884, – 700 с.
- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoj arheograficheskoy komissiej. Tom vos'moj. SPb.: Izdatel'stvo tip. F. G. Elkovskogo i Ko., 1884, – 700 s.
15. Русский биографический словарь: Смеловский-Суворина.– Т. 20. / Изд под наблюдением председателя ИРГО А. А. Половцева.-СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», 1912. – 600 с.
- Russkij biograficheskij slovar': Smelovskij- Suvorina.– T. 20. / Izd pod nablyudeniem predsedatelya IRGO A. A. Polovceva.– SPb.: tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1912. – 600 s.
16. Сергеев В. И. Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. / Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма) Сборник статей памяти чл. корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 125–147.
- Sergeev V. I. Zhelezodelatel'noe proizvodstvo v Tomske i Kuznecke v pervoj treti XVII v. / Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri. (Period feodalizma) Sbornik statej pamyati chl. korr. AN SSSR Viktora Ivanovicha Shunkova. M.: Izd-vo «Nauka», 1973. S. 125–147.

17. Соловьёв С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. Т. 9–10. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1990.–718 с.

Solov'yov S. M. Sochineniya. V 18 kn. Кн. 5. Т. 9–10. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. М.: Mysl', 1990.– 718 s.

Kamenetskiy I. P. Siberian service of the boyar Yu.Ya. Suleshev

The work attempts to bring together and summarize available information about the initial career and Siberian service of the boyar and Prince Yu. Ya. Suleshev who hailed from Crimea. The paper indicates that despite his «foreign» origin, thanks to the family ties with the Moscow Court and personal qualities Yu. Suleshev managed to hold high position in Russian society during the Time of Troubles. While being in office of voivode in Tobolsk he carried out a number of important measures aimed at the «renovation» and development of Siberia. It was inferred that Suleshev's «codes» were not of an accidental unsystematic character, but appeared the first successful attempt to reform the economic, financial and social system of the colonized Siberia and largely determined its further development.

Keywords: Yu. Suleshev, the Crimean Khanate, Muscovy, the Time of Troubles, Siberia, Tobolskij razryad, the sovereign's arable land, service class, yasak regime, the sovereign's profit.

УДК 94(47).084.6

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

Куренков Г. А.

*Российский государственный архив социально-политической истории,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kuren62@mail.ru*

Анализируются основы системы защиты государственной тайны в СССР, созданной к началу Великой Отечественной войны. Автором излагаются факты и описаны проводимые советским государством мероприятия по защите военной и государственной тайны перед Великой Отечественной войной. Также представлены примеры взаимодействия органов политической и государственной власти по защите информации. Описаны принципы и критерии защиты государственной тайны, выработанные в предвоенные годы и в дальнейшем проверенные практикой Великой Отечественной войны. Выводы позволяют установить, что система защиты государственной тайны в СССР стала частью обеспечения безопасности страны в целом.

Ключевые слова: защита информации, военная тайна, государственная и партийная тайна, секретность, Великая Отечественная война.

Как уже не раз отмечалось автором статьи, открытая историография по данной теме практически отсутствует, так как в советский период, да и в настоящее время, многие документы по данной теме носили и носят гриф секретности, поэтому они были или являются малодоступными для исследователей. Практически только намечается ее серьезное осмысление с исторической и правовой точек зрения. Проблема секретности и защиты государственной тайны рассматривается и с точки зрения теории и практики защиты информации, и в современном аспекте (см. список источников и литературы). Это объясняет, почему проблема защиты информации в целом и защиты военной и государственной тайны в частности не была разработана открытым порядком. В постсоветский период эта тема вызвала интерес и было положено начало ее разработки. Автор статьи является фактически единственным, кто пытается осветить этот вопрос в комплексном виде, применяя междисциплинарный подход к изучению темы в ее ретроспективной составляющей. Все это приводит к определённым трудностям, так как изучение этого вопроса только начинается и его историография только складывается. В архивах имеются некоторые комплексы документов, относящиеся к теме и которые в настоящее время можно использовать, но они немногочисленны или до настоящего времени не рассекречены. Данная статья, возможно, положит начало дальнейшему изучению данного вопроса и в этом, наряду с другими аспектами, мы видим ее новизну и актуальность.

В период своего функционирования в СССР существовали два основных понимания тайны: государственная и партийная (в партийных комитетах ее еще называли политической), причем в партийных органах было трудно разграничить

два этих понятия. В аппарате ВКП(б) партийная тайна в основном вбирала в себя все секреты государства и понималась как единое целое, поэтому стоит говорить и о таком виде тайны, как партийно-государственная. Например информация о помощи братским коммунистическим партиям являлась не только партийным, но и государственным секретом, так как ее разглашение не могло не задеть интересы государства на международной арене. Особенно это было актуально в предвоенный и военный периоды. В этом аспекте процесс управления деятельностью по защите государственной, военной, экономической и политической тайны выступает как элемент государственной политики. Она была связана с общей системой защиты информации и обеспечения секретности в стране. В действительности секретность связывалась, в первую очередь, с защитой государственной тайны, которая в этот период вбирала в себя все виды тайн и сведений, не подлежащих разглашению.

Защита секретной информации в государстве в целом прежде всего возлагается на специальные органы государственной безопасности, проводящие определенную государственную политику в этой области. Несмотря на то, что охрана государственных секретов является одной из прерогатив государства, специфичным являлось то, что при сложившейся системе государственного устройства в Советской России – Советском Союзе, основные решения по защите информации принимались и утверждались сначала на высшем партийном, а лишь затем проводились в жизнь на государственном уровне. То есть большевистской партией осуществлялось управление не только через партийный аппарат, но и посредством его, а также через государственные структуры. В данной статье автор рассматривает партийно-государственную политику в области защиты государственной тайны и специфику механизма в решении задач по обеспечению режима секретности в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Усложнение задач, решаемых государством, и буквально борьба за существование объективно приводит СССР к разделению тайн на внешние и внутренние, которые защищают и от иностранных разведок и от собственных граждан. Обеспечение защиты информации на практике происходит в условиях угрозы как определенного предполагаемого, так и случайного воздействия самых разных факторов, то есть некоторые из них заранее неизвестны и способны снизить эффективность или даже обойти предусмотренные меры защиты. Поэтому оценка эффективности защиты информации в целом и государственной тайны в частности должна обязательно учитывать как объективные обстоятельства, так и вероятностные факторы. СССР, проводя в жизнь государственную политику в области защиты информации, обязан было взять на себя формирование продуманного механизма защиты различных видов информации и тайн в межвоенное двадцатилетие.

Абсолютную систему защиты (то есть идеально надежную) создать нельзя, но в любом случае защита информации должна быть комплексной и адаптируемой к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Система защиты информации должна быть именно системой, а не простым набором случайных средств и организационных мероприятий. Системный подход к защите информации должен применяться от начала и до конца процесса защиты. Именно такой подход и плюс

централизация данной деятельности в масштабах всего государства был принят за основу в СССР во всех как государственных, так и партийных органах и именно в этом мы видим элемент целенаправленной государственной политики.

Процесс защиты информации предполагает ее ограничение в распространении. В рассматриваемый период организационные меры защиты информации были основными. Организационные меры защиты – это меры административного и процедурного характера, регламентирующие процессы функционирования, а также порядок взаимодействия структур системы защиты информации, чтобы в наибольшей степени затруднить или исключить возможность реализации угроз безопасности или снизить размер потерь в случае их реализации. Организационные меры также направлены на исполнение существующих нормативных актов и режимно-секретных мероприятий. Для эффективного применения организационные меры должны быть поддержаны физическими и техническими средствами. Существовал ряд направлений деятельности в осуществлении организационных мероприятий по защите информации. К ним, к примеру, относились: организация секретного делопроизводства и закрытого хранения документов, установление порядка доступа к секретной информации, партийно-государственный контроль за соблюдением конспирации, условий хранения и использованием секретных документов и информации, ограничение распространения и цензурирование информации на предмет выявления сведений, составляющих государственную тайну, организация защиты информации техническими средствами, создание нормативной базы по обеспечению режима секретности и секретному делопроизводству.

Так, к 1930-м г. был принят ряд общесоюзных государственных и партийных инструкций, регламентирующих вопросы организации защиты информации. В 1930-х – 1940-х г. такая работа продолжилась как на государственном, так и партийном уровнях. Особенно это касалось военного ведомства. Так, приказом Наркома по военным и морским делам СССР № 70 от 25 сентября 1930 г. было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА». В 1937 г. были изданы приказы наркома обороны СССР № 0043 «Об основах и организации скрытного управления войсками» и № 0105 «О мероприятиях по зашифровке наименований войсковых частей и сохранению в тайне дислокационных сведений». Приказом наркома обороны СССР № 150 от 4 сентября 1939 г. было введено в действие «Наставление по секретному делопроизводству в РККА», приказом № 0130 от 20 июня 1940 г. – «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений КА», а перед самой войной – приказом наркома обороны № 095 от 5 марта 1941 г. «Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР». Постановлением СНК СССР от 17 июня 1939 г. № 884-145с «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР» закреплялся уже фактически существующий порядок перевозки секретной и совершенно секретной корреспонденции ЦК ВКП (б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, НКО, НКВМФ и НКВД от Москвы до республиканских, краевых, областных центров и обратно через фельдъегерскую связь НКВД. Перевозка секретной,

совершенно секретной корреспонденции от всех ведомств (за исключением перечисленных) и драгоценных металлов осуществлялась от центра до районов и обратно через специально созданную Специальную связь Наркомата связи. 2 января 1940 г. постановлением СНК СССР была утверждена общегосударственная «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Данный документ регламентировал почти весь комплекс работ по соблюдению режима секретности и работе с секретными документами в учреждениях и на предприятиях страны [6, с. 149–150].

В партийных структурах в 1940–1941 гг. в соответствии с постановлениями Политбюро, Оргбюро, Секретариата и инструкциями ЦК (таких как «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний бюро и Пленумов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик», «Инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик», утвержденной ЦК ВКП (б) 28 июня 1940 г.) регламентировалась постановка секретного делопроизводства в партийных структурах на местах. Перед самой войной была создана комиссия по разработке правил охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати. 30 мая 1941 г. на заседании Секретариата ЦК был представлен проект правил. Секретариат поручил Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) направить и запросить по проекту отзывы наркоматов Обороны, Военно-морского флота, Иностранных дел, Внутренних дел и Государственной безопасности и к 10 июня 1941 г. представить проект в Секретариат ЦК с учетом, внесенных поправок [13, д. 93. л. 1].

В целом следует отметить, что принятые еще в конце 1920-х г. секретные партийные инструкции действовали вплоть до Великой Отечественной войны, а государственные – до принятия постановления СНК СССР от 2 января 1940 г., а система государственных режимно-секретных органов и особых секторов партийных комитетов просуществовала без изменений значительно дольше. До Великой Отечественной войны также составлялись Перечни сведений, не подлежащих разглашению и опубликованию в печати для работы органов цензуры, вводившиеся в действие в 1918, 1919, 1923, 1926, 1927, 1931, 1933, 1936, 1940 гг. Основными критериями при определении оправданности, целесообразности и степени секретности являлись, в первую очередь, наличие внешних факторов угроз и элементов воздействия. Именно исходя из этих факторов уже в первых перечнях сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию, основная часть засекреченных сведений была военного, экономического и внешнеполитического характера. Перед Великой Отечественной войной усилилась работа по проверке соблюдения секретности и расследованию фактов разглашения секретных сведений, в первую очередь, по военным делам.

Одной из сторон проведения государственной политики по защите информации было взаимодействие деятельности по защите государственной тайны между структурами государственного и партийного аппаратов, которые замыкались на ЦК ВКП(б), и органами государственной безопасности. В СССР существовал и специальный орган, осуществляющий поддержку и ведение защиты информации техническими средствами, а также осуществляющий контроль за ведением

секретного делопроизводства в общегосударственном масштабе как в государственных, так и партийных органах. Это был Специальный отдел ВЧК, созданный еще в 1921 г. Он просуществовал до приказа НКВД СССР от 9 августа 1938 г., когда на его базе был образован 9-й (шифровальный) Спецотдел 1-го Управления НКВД СССР, которое возглавил капитан государственной безопасности А. Д. Баламутов. О взаимодействии структур говорит тот факт, что, к примеру, «Сводка важнейших изъятий, задержаний, конфискации, вычерков и исправлений, произведенных органами Главлита и отдела военной цензуры» за № 1/730/с от 11 марта 1941 г. направлялась для использования в работе сразу в 8 адресов: 1-й в дело; 2-й и 3-й – Заместителям Председателя СНК СССР Мехлису, Землячке; 4-й – начальнику управления агитации пропаганды ЦК ВКП (б) Александрову; 5-й – зам. начальника управления агитации пропаганды ЦК ВКП(б) Пузину; 6-й – в Управление кадров ЦК ВКП(б) Щербакову; 7-й – в V отдел НКГБ Копытуеву; 8-й – во II отдел НКГБ Федорову; 9-й – начальнику Главлита РСФСР Н. Садчикову [3, д. 26, л. 11]. В результате к началу Великой Отечественной войны в СССР в области обеспечения секретности, охраны государственной тайны сложилась система взаимодействия высших партийных органов с государственным аппаратом и, в частности, службами государственной безопасности. Если рассматривать секретность как проявление государственной политики на тот исторический момент, то она была вполне оправдана. Факт проведения мероприятий по защите информации в масштабах страны говорил и о проведении государственной политики, и об озабоченности большевиков проблемой защиты государственной и политической тайны, когда явно ощущалась угроза и перспектива войны.

Хотя в СССР к 1941 г. не было как такового закона о государственной тайне, но на практике к этому времени были выработаны и основные принципы защиты информации в целом и критерии отнесения сведений к государственной тайне. В области защиты информации это: законность, обоснованность и разумная достаточность, своевременность, системность, комплексность, непрерывность и преемственность, персональная ответственность, специализация и разделение функций сотрудников, минимизация полномочий, взаимодействие и координация действий, гибкость в противодействии изменяющимся внешним условиям, техническая реализуемость и совершенствование, обеспечение современного уровня развития науки и техники, обучение кадров, обязательность контроля. Законность – это соответствие сведений, подлежащих засекречиванию, существующему на тот момент законодательству. Обоснованность предполагает установление путем экспертной оценки целесообразности засекречивания конкретных сведений, вероятных экономических и иных последствий, исходя из интересов государства, общества, личности, а своевременность означает установление ограничений на распространение сведений с момента их получения (разработки) или заблаговременно, предполагает упреждающий характер мер безопасности информации. Системность включает учет всех взаимосвязанных, взаимодействующих и изменяющихся элементов, условий и факторов, значимых для понимания и решения задач обеспечения защиты информации. Комплексность

означает согласованное применение разнородных сил и средств при построении системы защиты, позволяющей перекрывать все существующие каналы угроз. Непрерывность предполагает не разовое и не просто совокупность мероприятий, а непрерывный и целенаправленный процесс, принятие соответствующих мер на всех этапах защиты. Преемственность и совершенствование означает постоянное совершенствование на основе преемственности мер и кадрового состава, нормативных требований по защите, достигнутого отечественного и зарубежного опыта в этой области. Под персональной ответственностью понимается ответственность каждого сотрудника в пределах его полномочий. В соответствии с этим принципом распределение обязанностей строилось таким образом, чтобы в случае любого нарушения круг виновников был четко известен или сведен к минимуму. Разделение функций предполагало, что ни один сотрудник не имеет полномочий, позволяющих ему единолично принимать решения по защите информации, разделению операций и ответственности. Минимизация полномочий определяла доступ в соответствии с необходимостью и только в том случае и объеме, в каком это необходимо для выполнения должностных обязанностей. Особое значение имело взаимодействие всех заинтересованных ведомств и организаций, координация усилий государственных и партийных органов и обязательность контроля в целях своевременного выявления и пресечения угроз и попыток завладения секретной информацией. Все это мы видим в конкретных фактах и проводимых мероприятиях. Это – проведение единой политики, организация и координация работ по защите информации в оборонной, экономической, политической, научно-технической и других сферах деятельности, исключение или существенное затруднение добывания информации разведывательными или техническими средствами разведки, предотвращение ее утечки по различным каналам, несанкционированного доступа к ней, предупреждение преднамеренных воздействий, принятие в пределах компетенции нормативно-правовых актов, регулирующих отношения и правила работы в области защиты информации, общая организация сил и средств защиты информации и средств контроля партии и государства, эффективности ее защиты, контроль за проведением работ по защите информации в органах государственного управления, предприятиях, организациях и учреждениях, а также в партийном аппарате.

За период 1918–1941 гг. были выработаны также и меры противодействия угрозам безопасности, применимым к защите государственной тайны. К ним относятся: правовые, морально-этические, технологические, организационные (административные и процедурные), физические, технические. Фактически страна встретила войну, уже будучи теоретически и практически готовой к схватке с противником в этой области, были отработаны меры противодействия иностранным разведкам, охотящимся за нашими секретами, чему и служит система защиты информации как элемент контрразведывательной деятельности. Все это стало возможно лишь при проведении целенаправленной государственной политики. Создание такой системы для Советского государства было нелегкой, затратной, дорогостоящей но, как показали дальнейшие события, необходимой мерой.

Таким образом, в решении вопросов защиты государственной тайны перед Великой Отечественной войной мы видим и политическое решение, и государственное регулирование, и целенаправленное проведение государственной политики со стороны Коммунистической партии и Советского государства, что к началу войны имело особо важное значение. Деятельность по защите информации в Советском Союзе носила постоянный и целенаправленный характер, иначе она не приносила бы результатов. Все это, как и вся контрразведывательная деятельность в целом, явилось одним из факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Прделанная до войны работа дала возможность перестроиться на «военные рельсы» в этом направлении в кратчайшие сроки. И в дальнейшем, в военные годы, данная деятельность, естественно, продолжалась, претерпевая определенные изменения, обусловленные спецификой и условиями военного времени. В целом преследовалась одна цель – не дать противнику полезную для него информацию. Как иллюстрацию вышеописанного можно привести признание начальника штаба 4-й армии вермахта генерала Гюнтера Блюментрита, сделанное им уже во время войны: «Нам было очень трудно составить ясное представление об оснащении Красной Армии... Гитлер отказывался верить, что советское промышленное производство может быть равным немецкому. У нас было мало сведений относительно русских танков. Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность. Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение. О боевой мощи русской армии мы тоже не имели точных данных. Те из нас, кто воевал в России во время Первой мировой войны, считали, что она велика, а те, кто не знал нового противника, склонны были недооценивать ее». [8, с. 165].

В широком смысле организация защиты информации за весь период 1920-х – 1940-х г. протекала в рамках напряженной международной обстановки. Но можно вполне определенно констатировать, что, конечно, в советское время, особенно в сталинский период, общество было закрытым. Это усложняло работу иностранных разведок, что имело особое значение в связи с приходом к власти нацистов в Германии и милитаристов в Японии. В общем, работа по обеспечению режима секретности была направлена на обеспечение внешней безопасности страны. Навыки по обеспечению секретности, полученные партийным и государственным аппаратом, пригодились, к примеру, и в дальнейшем при создании советской атомной бомбы, ракетно-ядерного щита и при организации других мероприятий советского государства в оборонной и внешнеполитической области.

Список использованных источников и литературы

1. Бормотова А. Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Выпуск 107. – С. 27–30.
Bormotova A. R. Cenzura pechatnyh organov Kurskoj oblasti v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. Vypusk 107.– S. 27–30.

2. Верютин В. Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне. Вестник Тамбовского Государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 4 (84). – 2010. – С. 313–323.

Verjutin V. N. Obshchestvennye otnosheniya, vznikajushhie v sfere otnesenija svedenij k gosudarstvennoj tajne. Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Vypusk 4 (84), 2010.– S. 313–323.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).– Ф. Р-9425.– Оп.1.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF).– F. R-9425.– Op.1.

4. Дианов С. А. Пермский обллит накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 годы) Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014.– № 1.– С. 21–33.

Dianov S. A. Permskij obllit nakanune i vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny (1939–1945 gody) Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorija. Filosofija. Pravo. 2014.– № 1.– S. 21–33.

5. Зеленов М. В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.). Ленинградский юридический журнал. 2012.– Выпуск 1.– С. 143–159.

Zelenov M. V. Voennaja i gosudarstvennaja tajna v RSFSR i SSSR i ih pravovoe obespechenie (1917–1991 gg.). Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2012.– Vypusk 1.– S. 143–159.

6. Куренков Г. А. От конспирации к секретности. Защита партийно – государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б). 1918–1941 гг. / [Текст]. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО – XXI, 2015. – 252 с.

Kurenkov G. A. Ot konspiratsii k sekretnosti. Zashchita partiino – gosudarstvennoi tainy v RKP(b) – VKP(b). 1918–1941 gg. / [Tekst]. (Seriya «AIRO – monografiya»).– M.; AIRO – KhKhI, 2015.– 252 s.

7. Малышева Е. М. Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вестник Адыгейского государственного университета. 2006.– Выпуск 1.– С. 38–45

Malysheva E. M. Organy NKVD-NKGB v politicheskoi sisteme SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006.– Vypusk 1.– S. 38–45

8. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. – Второе издание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.– 704 с.

Medinskii V. R. Voina. Mify SSSR. 1939–1945. – Vtoroe izdanie. M.: OLMA Media Grupp, 2014.– 704 s.

9. Парамонов В. Н. «Секретность в советском обществе в 1920 – 1940-х гг. Вестник СамГУ.– 2012. 2/2 (93).– С. 125–133.

Paramonov V. N. «Sekretnost' v sovetskom obshhestve v 1920–1940-h gg. Vestnik SamGU.– 2012. 2/2 (93).– S. 125–133.

10. Петровичева Е. М., Тряхов И. С. Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края). Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 1 (Том 4) История. 2015.– С. 49–59.

Petrovicheva E. M., Trjahov I. S. Cenzura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (po materialam Vladimirskogo kraja). Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. № 1 (Tom 4) Istorija. 2015.– S. 49–59.

11. Печковский П. В. Цензура в печати, как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России. Вестник Брянского госуниверситета. № 3.– 2015.– История.– С. 116–121.

Pechkovskij P. V. Cenzura v pečati, kak jelement gosudarstvennoj politiki v oblasti informacionnoj bezopasnosti Sovetskoj Rossii. Vestnik Brjanskogo gosuniversiteta. № 3.– 2015. Istorija.– S. 116–121.

12. Похил К. Ф. Особенности информационного взаимодействия структур НКВД – НКГБ СССР и органов власти в 1941–1945 годы. Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 1 (45).– 2013.– С. 73–75.

Pohil K. F. Osobennosti informacionnogo vzaimodejstvija struktur NKVD – NKGB SSSR i organov vlasti v 1941 – 1945 gody. Vestnik Saratovskeogo gosudarstvennogo social'no – jekonomicheskogo universiteta. № 1 (45).– 2013.– S. 73–75.

13. Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ).– Ф. 17.– Оп. 116.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no – politicheskoi istorii (RGASPI).– F. 17.– Op. 116.

14. Соколова О. С. Институт государственной тайны в российском законодательстве / О. С. Соколова // Современное право. 2003.– № 11.– С. 14–17.

Sokolova O. S. Institut gosudarstvennoj tajny v rossijskom zakonodatel'stve / O. S. Sokolova. // Sovremennoe pravo. 2003.– № 11.– S. 14–17.

15. Устинков А. В. Государственная тайна как функция государства по отношению к обществу и личности // «Право и безопасность» – № 1 (10) – Март 2004.

Ustinkov A. V. Gosudarstvennaja tajna kak funkciya gosudarstva po otnosheniju k obshhestvu i lichnosti. Zhurnal «Pravo i bezopasnost» № 1 (10) Mart 2004.

16. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. / В. С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 432 с.

Hristoforov V. S. Organy gosbezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg. / V. S. Hristoforov. – M.: Izdatel'stvo Glavnogo arhivnogo upravlenija goroda Moskvy, 2011. – 432 s.

Kurenkov G. A. Protection of state secrets in the USSR as a part of the security system of the country before the Great Patriotic War

In article it is analyzed bases of system of protection of the state secret in the USSR created by the beginning of the Great Patriotic War. The author states the facts and the events held by the Soviet state and problems on protection of a military and state secret before the Great Patriotic War are described. The author has also presented a wide range and examples of interaction of bodies political and the government on information security. The author describes the principles and criteria of protection of the state secret elaborated in pre-war years and further checked by practice of the Great Patriotic War. The conclusions drawn in article allow to establish, the system of protection of the state secret in the USSR became a part of safety of the country in general

Keywords: Information security, military secret, state and party secret, secrecy, Great Patriotic War.

УДК 93/94

ВЛИЯНИЕ КОНФРОНТАЦИИ СССР И США НА СОВЕТСКИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Ликсутов А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: afazia.rec@yandex.ru*

Проанализирован начальный этап холодной войны, вскрыты геополитические, экономические и идеологические факторы, повлиявшие на её начало. Начало геополитического противостояния двух сверхдержав по-прежнему остается актуальной темой для исследования. Особый акцент был сделан на аспекте влияния международной напряженности на политический и идеологический дискурс СССР во второй половине 1940-х гг. Идеологема капиталистического окружения получила новый толчок к развитию после окончания ВОВ и перехода к конфронтации с бывшими союзниками. Данная идеологема служила целям мобилизации общества в условиях начавшейся холодной войны и давала возможность снизить уровень социального напряжения в СССР, возникшего в связи с послевоенными трудностями. Однако по причине распространения коммунистической идеологии и советского влияния претерпела определенные изменения, актуальные для будущего противостояния военно-политических блоков холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, США, СССР, политический дискурс, идеология.

XX век стал веком борьбы идеологий, выражением которой стали великие социальные потрясения, мировые войны и революции. Вторая половина XX века отмечена противостоянием двух сверхдержав – СССР и США. Холодная война – явление, которое коренным образом повлияло на международные отношения, внутреннюю политику и на многие социальные аспекты жизни соперничающих государств. Изучение холодной войны остается важнейшей темой для исторического исследования XX века как для анализа событий той эпохи, так и для анализа социальной динамики последующих периодов.

Конец Второй мировой войны и становление СССР как мировой державы повлекли за собой определенные последствия, отразившиеся на внешней политике СССР и его дипломатических отношениях с другими государствами. Послевоенное устройство мира привело к обострению отношений и конфронтации с бывшими союзниками, которая вылилась в конфликт, известный как холодная война. Причины этого явления неоднозначны, и вопрос о том, кто же первым ступил на путь конфронтации, остается открытым в историографии.

Изучение истории геополитического противостояния двух сверхдержав привлекает внимание множества исследователей. В эпоху 1990-х гг. были открыты архивы, которые пролили свет на международные отношения второй половины XX века. Очень важный пласт источников содержит так называемая «Коллекция 89» (Российский государственный архив новейшей истории) и архив И. В. Сталина,

содержащийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

С момента открытия архивов появились многочисленные публикации, сборники документов, статьи, монографии и обобщающие работы. Следует выделить работы В. О. Печатнова, М. М. Наринского и А. М. Филитова, В. М. Зубока и К. В. Плешакова, Р. Пайпса, исследовавших начальный период холодной войны и его причины. Представляют интерес работы Ю. Н. Жукова и Р. Г. Пихоя, чье внимание привлекли механизмы функционирования власти в эпоху холодной войны, И. В. Быстровой, А. Б. Безбородова, изучающих развитие ВПК в означенный период. В рамках данного исследования особый интерес представляют работы В. С. Лельчука, А. В. Фатеева и В. Ф. Зима, посвященные влиянию внешнеполитической ситуации на развитие общества.

Однако на данный момент ощущается нехватка исторических исследований, посвященных влиянию международных событий на внутреннюю пропаганду и политический дискурс того или иного государства.

Целью данного исследования является анализ предпосылок начала холодной войны и их влияние на советский внутренний политический дискурс. Объектом исследования стало геополитическое противостояние двух сверхдержав, предметом – анализ влияния объективных факторов холодной войны на советский политический дискурс.

В конце войны перед СССР встали многие экономические проблемы. Страна перенесла во время войны большие потери человеческих ресурсов; промышленность, прочно ставшую на военные рельсы, в мирных условиях необходимо было реорганизовать. Возросшие потребности советской промышленности требовали поиска новых источников природных ресурсов, и эта проблема вплотную подводила к необходимости конкуренции за источники нефти с бывшими союзниками, смыкая данную проблему с геополитической сферой.

В этом ключе интересен такой источник, как запись беседы министра иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом США У. Б. Смитом о советско-американских отношениях: «Американцы все больше спрашивают себя, каковы цели СССР и как далеко он стремится идти. В его поведении много загадочного, и это внушает тревогу. Посол, как военный, вполне понимает, что нам нужна безопасность, что нам нужны дружественные правительства в соседних странах, что нам нужна нефть и что мы имеем не меньше прав на иранскую нефть, чем Англия и США» [1, с. 196]. Итак, очевидно, что цели и потребности Советского Союза для США были вполне понятны, но, как повествует нам документ, посол оговаривается на этот счет: «...Можно, однако, одобрять наши цели, но осуждать наши методы. Мы могли бы получить иранскую нефть, не прибегая к таким сильным средствам, как нарушение договора, вмешательство во внутренние дела и т. п.» [1, с. 196]. Данный эпизод вскользь повествует о совместной советско-англо-американской оккупации Ирана с целью использования нефтяных ресурсов. После восстановления суверенитета Ирана в 1942 году Советский Союз продолжал держать там свои войска до мая 1946 года и был вынужден вывести их только под давлением бывших союзников, так как не хотел терять нефтяные резервы. Однако нужно указать на то,

что англо-американские части находились там значительно дольше в связи с деятельностью Англо-Иранской нефтяной компании.

Геополитические и экономические факторы тесно переплетались с советской идеологией. Резкое неприятие капитализма на идеологическом уровне также стало одним из факторов обострения отношений между СССР и США. Глубинное противоречие между капиталистической и социалистической моделями является одной из причин холодной войны. На время войны данное противоречие было вытеснено как не соответствующее структуре момента, однако после ее окончания оно вновь стало актуальным фактором влияния на внешнюю политику Советского Союза. Кроме того, не стоит забывать о глубинных различиях в политических устремлениях СССР и США. «Притязания заокеанской демократии служить эталоном для всего мира неизбежно должны были столкнуться с мессианскими устремлениями советского коммунистического режима, также претендовавшего на то, чтобы быть образцом для подражания. Это столкновение наложило на традиционное несовпадение геополитических интересов сверхдержав» [13, с. 7].

Началом холодной войны в отечественной историографии принято считать Фултонскую речь Черчилля 5 марта 1946 года. С этого момента эскалация противостояния вышла из-под спуда недавних союзнических отношений. В своей речи Черчилль декларировал непримиримые противоречия между Востоком и Западом.

Советская газета «Правда», по понятным причинам опустившая положительные отклики на эту речь, привела её негативные оценки: «Сенатор-республиканец (штат Вермонт) заявил: “Я не готов вступить в военный союз с кем-либо. Англия, США и Россия должны работать совместно для обеспечения действенности Организации Объединённых Наций”. Сенатор-республиканец Брюстер (из штата Мэн) заявил, что США не могут “принять наследство английской колониальной политики”; сенатор-демократ Джонсон (от штата Колорадо): “Я вполне уверен, что США в настоящее время не готовы вступить в военный союз, который наложил бы на нас обязанности поддерживать внешнюю политику Англии”. Сенатор-демократ Тибдингс (от штата Мериленд): “Я хотел бы, чтобы мы могли получить то, что я считал, мы имели: союз пяти держав для утверждения мира”» [7, с. 4]. Однако в реальности большинство американцев поддерживало тезисы Черчилля. Исходя из данных социологического опроса, проведенного 24 июля 1946 г., 60 респондентов из ста утверждали, что основной целью советской внешней политики является доминирование, 26 – защита, 14 – затруднились с ответом [11, с. 155].

Открытое противостояние предвлялось взаимным сбором информации о будущем сопернике. Так, 22 февраля 1946 г. временно поверенный в делах США в СССР Д. Кеннан направил в Вашингтон секретный документ, вошедший в историю как длинная телеграмма Кеннана. В этом документе Д. Кеннан характеризует особенности мировоззрения советского руководства и наиболее вероятные направления советской внешней политики. Кеннан писал: «...Мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут модус вивенди, что является желательным и необходимым

подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти» [6, с. 16].

«Постулаты “длинной” телеграммы стремительно становились новой ортодоксией в официальном Вашингтоне» [8, с. 133], почти такой же догмой, как и советский классовый подход во внешней политике. Этому были свои причины, которые заключались в новом курсе в отношениях с СССР. Свое конкретное выражение этот курс и получил в «длинной» телеграмме. Данный документ иллюстрирует уже наметившийся развал военного союза и возможное столкновение СССР и США, так как в ней декларировались непреодолимые противоречия и невозможность какого-либо мирного разрешения конфликта. Кроме того, стоит сказать, что для Трумэнского внешнеполитического курса привлекательность длинной телеграммы Кеннана заключалась в ее концептуальных положениях, которые кардинально меняли Рузвельтовский внешнеполитический курс: «имманентная агрессивность советской системы (вместо рационального поведения великой державы), несправимость советского поведения (вместо эластичности мотивов СССР) и как следствие – ставка на “слом” или “размягчение” этой системы под действием превосходящей силы (вместо ее постепенной интеграции в мировое сообщество)» [8, с. 132].

Уже в сентябре 1946 г. в истории советской дипломатии появилась своя «длинная телеграмма». Речь идёт об аналитическом обзоре «Внешняя политика США в послевоенный период», подготовленном послом СССР в США Н. Новиковым 27 сентября 1946 г. Данный обзор содержал перечень фактов, подтверждающих тезис о стремлении США к мировому господству: принятие Закона о формировании армии мирного времени не на добровольческих началах, а на основе всеобщей воинской повинности; создание США глобальной системы военных баз; договоренность с Англией о частичном разделе мира на базе взаимных уступок. Из всех вышеперечисленных аргументов делался вывод: «Подготовка США к будущей войне проводится с расчётом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству» [5, с. 320–321].

Эпоха правления президента Трумэна связана с переориентировкой курса внешней политики в отношении СССР, что отразилось и в американских СМИ. «Уже с весны 1946 г. на страницах газет и журналов, в радиозэфире Советский Союз перестал изображаться союзником, а превратился в конкурента, имевшего давние противоречия с Вашингтоном» [12, с. 49]. По свидетельству Эллиота Рузвельта (сына Франклина Рузвельта), данному 18 ноября 1946 г., «... идёт борьба между линиями в политике США, и сообразно с этими линиями группируются разные общественные силы. Одна линия требует, чтобы Америка заключила тесный блок с Англией против СССР. Другая линия требует, чтобы Америка проводила свою политику, ориентируясь на прочную дружбу с СССР» [2, с. 333]. Одновременно с этим Э. Рузвельт подчеркивает, что «политика демократов, по сути дела, переменялась и стала мало чем отличаться от политики республиканцев» [2, с. 333]. Можно заключить, что антисоветская тенденция во внешнеполитическом курсе

США лишь углубилась и закрепились, когда в 1947 г. в Америке была принята доктрина Трумэна. От благожелательных отзывов времен Рузвельта ничего не осталось и от Советского Союза «...уже не ждали ничего, кроме провокаций и лжи» [12, с. 49].

Обострение международных отношений не способствовало демонтажу системы «осажденной крепости» в СССР. Внешний враг необходим для подобной системы как стабилизирующий фактор. Враждебным внешним окружением оправдывались и внутренние послевоенные трудности, и жесткий политический режим, который при наличии «врага» становился необходим. Поэтому, кроме внешних геополитических причин начала холодной войны, это обуславливалось и самой внутренней системой, существовавшей в Советском Союзе. Сама идеологема была озвучена на X съезде РКП(б) в связи с неуспехом революционного движения в Европе. Однако и после войны сохранила свое значение. «Психология враждебного окружения была частью советской ментальности, характерной чертой мышления не только народа, но и вождей. Обстановка холодной войны, изменившая международный климат и опрокинувшая надежды на мирное сотрудничество, активно работала на закрепление этой психологии» [3, с. 132]. Идеологема «осажденной крепости» в обстановке холодной войны получила новое развитие. Общественное мнение было уже соответственным образом подготовлено к восприятию новой военной угрозы. Речь Черчилля в Фултоне послужила катализатором нарастания напряженности. Призыв к сплочению англичан и американцев против «красной угрозы» послужил толчком к новой мобилизации в идеологической сфере в СССР. Нужно отметить, что советское руководство после окончания войны не торопилось обострять отношения с бывшими союзниками. Возможность противостояния рассматривалась, однако само оно не ставилось непосредственной целью. Это обуславливалось сложным экономическим положением, в котором оказался СССР после войны – Советский Союз не мог позволить себе новое военное столкновение. В 1946 году «генералиссимус Сталин в ответе на вопрос корреспондента “Сандей Таймс” заявил, что он не думает, чтобы Англия и Америка могли создать для Советского Союза капиталистическое окружение, если бы даже они этого захотели, чего он, однако, не может утверждать» [10, л. 144].

В интервью газете «Правда» Сталин в ответ на упрек об экспансионизме Советского Союза замечает: «Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?» [4]. Следует также подчеркнуть, что в ответе явственно прозвучал намек на возросшее могущество Советского Союза. Кроме того, недоверие вчерашним союзникам обуславливалось и антисоветским настроением в правящих кругах руководства США.

Тем не менее послевоенная логика развития внешнеполитических отношений СССР с бывшими союзниками вела к возобновлению конфронтации в силу

комплекса экономических, геополитических и идеологических противоречий. Но, как уже отмечалось, расстановка сил на мировой арене несколько изменилась. Это четко осознавали не только западные, но и советские руководители: «Ни фашистским агрессорам, ни их мюнхенским покровителям не удалось создать капиталистического окружения для СССР. Зато в ходе войны создалась могущественная антифашистская коалиция, в которой ведущую роль играл Советский Союз» [10, л. 152]. Примечательно, что советская пропаганда уже в 1946 году, еще до речи в Фултоне, ставит рядом фашистских агрессоров и неких «мюнхенских покровителей». Очевидно, что здесь имеются в виду те из западных политиков, которые пытались предотвратить войну уступками в пользу Германии.

После окончания войны СССР стремился установить в соседних государствах лояльные СССР правительства и данные государства входили в зону влияния СССР и являлись своего рода буферной зоной, ограждающей Советский Союз от возможного нападения в будущем, что было попыткой решить проблему так называемого капиталистического окружения, которая являлась политическим выражением психологии «осажденной крепости»: «Советский Союз вышел из войны сильным и могучим как никогда... Он имеет право рассчитывать, что его справедливая политика уважения прав и независимости всех народов найдет дружественный отклик во всех странах... Если бы империалистические группировки двух стран – Англии и США – пытались создать капиталистическое окружение для СССР и его друзей, то еще неизвестно, кто оказался бы “окружающим”, а кто “окруженным”...» [10, л. 155]. Однако уже в 1948 году позиция по этому вопросу корректируется: «В итоге войны международное значение и авторитет Советского Союза неизмеримо возросли. Вокруг нашей страны объединились и все более сплачиваются все демократические прогрессивные силы мира. Однако капиталистическое окружение продолжает существовать, причем в лице таких капиталистических стран, как США, Великобритания и др. А так как капиталистическое окружение существует, то существует и опасность вооруженной интервенции против СССР» [9, л. 100]. Западные страны в массовом сознании воспринимались монолитно, как единое враждебное политическое и идеологическое пространство, окружающее Советский Союз, однако Англия и США выдвигаются на первый план и позиционируются как вероятные противники.

Подводя итог, нужно сказать, что после краткого периода примирения и сотрудничества с западными державами во время войны, идеологема капиталистического окружения под влиянием объективных геополитических причин вновь стала действующим фактором, влияющим на политическое и социальное пространство СССР. Получив новый толчок к развитию, она стала одной из центральных в советском политическом дискурсе и в пропаганде, озвучивалась на самом высоком государственном уровне. Однако данная идеологема претерпела определенные изменения. Успех коммунистического движения в послевоенной Европе и установление дружественных правительств в сопредельных государствах давали зримые доказательства расширения зоны советского влияния, появления новых союзников и возможности преодоления этого

окружения. Эти процессы впоследствии перейдут в новое качество – в противостояние военно-политических блоков (НАТО и ОВД) в контексте холодной войны.

Этому способствовали как внешние причины (борьба за ресурсы и развернувшаяся в западных странах антисоветская кампания), так и внутренние идеологические причины. Можно сказать, что с 1946 года бывшие союзники по Второй мировой войне стали стремительно отдаляться друг от друга и надеждам на мирное послевоенное сотрудничество держав не было суждено сбыться.

Список использованных источников и литературы

1. Запись беседы министра иностранных дел СССР М.М. Литвинова с послом США У. Б. Смитом о советско-американских отношениях. – Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. – М.: МФД, 2004. – 716 с.
Zapis' besedy ministra inostrannykh del SSSR M. M. Litvinova s poslom SShA U. B. Smitom o sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh. – Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1945-1948 / Pod red. G. N. Sevost'yanova; sost. V. V. Aldoshin, Yu. V. Ivanov, V. M. Semenov. – М.: MFD, 2004. – 716 s.
2. Запись беседы председателя правления ВOKC В. С. Кеменова с сыном президента США Элиотом Рувельтом о взглядах в руководстве США по вопросам внешней политики. – Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. – М.: МФД, 2004. – 716 с.
Zapis' besedy predsedatelya pravleniya VOKS V. S. Kemenova s synom prezidenta SShA Eliotom Ruzvel'tom o vzglyadakh v rukovodstve SShA po voprosam vneshnei politiki. – Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1945–1948 / Pod red. G. N. Sevost'yanova; sost. V. V. Aldoshin, Yu. V. Ivanov, V. M. Semenov. – М.: MFD, 2004. – 716 s.
3. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общества, политика и повседневность. 1945–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestva, politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg. – М.: ROSSPEN, 1999. – 229 s.
4. Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 года) http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php
Interv'yu I. V. Stalina gazete «Pravda» o rechi Cherchillya v Fultone (14 marta 1946 goda) http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php
5. Материал посла СССР в США Н. В. Новикова для выступлений о внешней политике. – Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. – М.: МФД, 2004. – 716 с.
Material posla SSSR v SShA N. V. Novikova dlya vystuplenii o vneshnei politike. – Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1945–1948 / Pod red. G. N. Sevost'yanova; sost. V. V. Aldoshin, Yu. V. Ivanov, V. M. Semenov. – М.: MFD, 2004. – 716 s.
6. Нежинский Л. Н. Чельшев И. А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 3–27.
Nezhinskii L. N. Chel'shev I. A. O doktrinal'nykh osnovakh sovetskoi vneshnei politiki v gody kholodnoi voiny // Otechestvennaya istoriya. – 1995. – № 1. – S. 3–27.
7. Отклики на речь Черчилля // Правда. – 1946. – 8.03. – С. 4.
Otkliki na rech' Cherchillya // Pravda. – 1946. – 8.03. – S. 4.
8. Печатнов В. О. От союза к «холодной» войне. Советско-американские отношения в 1945–1947. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 184 с.
Pechatnov V. O. Ot soyuza k «kholodnoi» voine. Sovetsko-amerikanskie otnosheniya v 1945–1947. – М.: MGIMO-Universitet, 2006. – 184 s.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 599. Оп. 1. Д. 6.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 599. Op. 1. D. 6.

10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 599. Op. 1. D. 1.
11. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. – М.: Академический Проект, 2005. – 864 с.
Rukavishnikov V. O. Kholodnaya voina, kholodnyi mir. – M.: Akademicheskii Proekt, 2005. – 864 s.
12. Ситникова Е. Л. Роль СМИ в процессе эволюции образа СССР в США в годы президентства Г. Трумэна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 48–52.
Sitnikova E. L. Rol' SMI v protsesse evolyutsii obraza SSSR v SShA v gody prezidentstva G. Trumena // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 3. – S. 48–52.
13. Фатеев А. В. Как создавался образ врага: у истоков холодной войны // Независимая газета. Приложение «История». – 1996. – № 3. – С. 7–10.
Fateev A. V. Kak sozdavalsya obraz vraga: u istokov kholodnoi voiny // Nezavisimaya gazeta. Prilozhenie «Istoriya». – 1996. – № 3. – S. 7–10.

Liksutov A. A. The Impact of Confrontation between the USSR and the USA in the Soviet Ideological Discourse in the Second Half of 1940s

This article analyses the initial phase of the Cold War and determines geopolitical, economic and ideological factors that led to the beginning of the War. The outset of geopolitical confrontation between two superpowers still remains a relevant topic for research. Special emphasis was placed on the aspect of the influence of international tension on political and ideological discourse of the USSR in the latter half of 1940s. The ideologeme of capitalist encirclement was given a fresh impetus after the end of the Second World War and the transition to confrontation with the former allies. This ideologeme served the objectives of social mobilization in the context of the Cold War and gave the opportunity to reduce the level of social tension in the USSR due to post-war difficulties. However, with regard to the spread of communist ideology and Soviet influence, the ideologeme has undergone certain changes, relevant to the future confrontation between military-political blocks during the Cold War.

Keywords: the Cold War, the USA, the USSR, political discourse, ideology.

УДК 94(470)''1917/1920''(045)

**НАЧАЛО ИЗДАНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ КНИГ О ГЕНЕРАЛЕ
П. Н. ВРАНГЕЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.**

Лукшин А. Ф.

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: blb1@mail.ru*

Рассматриваются первые научно-популярные и публицистические произведения о генерале П. Н. Врангеле, опубликованные в России в первой половине 1990-х гг. в книжном формате. Раскрывается научная и общественная актуальность изучения этой темы в связи с широким распространением в современной России научно-популярных произведений о жизни и деятельности военно-политических руководителей и военачальников Белого движения, их влиянии на ход и результаты Гражданской войны в России. Характеризуются факторы появления научно-популярных и публицистических произведений о генерале П. Н. Врангеле в первой половине 1990-х гг. Анализируются, с одной стороны, научное изучение его биографии на основе ранее неизвестных архивных документов, с другой – главные публицистические черты, присущие этим произведениям. Выясняется связь между содержанием этих произведений и общественно-политической обстановкой в России и запросами общества в первой половине 1990-х гг. Делается вывод о сильном влиянии общественной позиции и политических взглядов авторов на содержание научно-популярных и публицистических произведений о генерале П. Н. Врангеле.

Ключевые слова. Гражданская война в России, Белое движение, биография, историческая публицистика, историография, П. Н. Врангель, В. Г. Бортневский.

Возникновение в обществе массового интереса к истории антибольшевистской борьбы в конце 1980-х гг., когда Россия оказалась в ситуации острого экономического и социально-политического кризиса, стимулировало историков к написанию, а издателей – к изданию биографических очерков о военно-политических руководителях Белого движения. Среди них сразу выделились очерки большого объема, которые были написаны в научно-популярном стиле, содержали признаки публицистики и были изданы в книжном формате.

В настоящей статье рассматриваются первые научно-популярные и публицистические произведения о генерале П. Н. Врангеле, которые были написаны и изданы в 1990–1996 гг. в виде книг и брошюр.

Самым первым научно-популярным очерком книжного формата стала брошюра преподавателя Историко-архивного института С. В. Карпенко «Крах последнего белого диктатора», выпущенная издательством «Знание» в 1990 г. тиражом 68 тыс. экземпляров [8].

Из интервью, которое было взято автором статьи у С. В. Карпенко, выяснилось, как брошюра получила свое название. Редакция издательства «Знание», по рекомендации уже известного тогда историка О. В. Хлевнюка, предложила С. В. Карпенко написать научно-популярную брошюру о Врангеле и Крымском

периоде Белого движения. При этом редакция попросила не употреблять в названии типичных для советской историографии слов «крах», «крушение» и «агония». С. В. Карпенко сдал в редакцию текст с названием «Врангель в Таврии: 1920 год». Но когда он получил верстку, то обнаружил, что редакция изменила название на «Конец последнего белого диктатора». И ему стоило большого труда убедить редактора убрать слово «конец», и редактор заменил его словом «крах» [10].

В брошюре рассматриваются вопросы внутренней политики Врангеля и его правительства: аграрная реформа, регулирование внутренней и внешней торговли, совершенствование государственного аппарата. При этом постоянно раскрываются взгляды и действия самого Врангеля, его успехи и неудачи. Тем самым читателю дается возможность самому судить о качествах Врангеля как политика [8, с. 9, 18, 21, 23, 25, 26, 30, 39, 43, 55, 58, 59, 61, 62, 64].

С. В. Карпенко показывает генерала Врангеля как сильного человека и прагматичного политика, который оказался способен учесть неудачный опыт генерала А. И. Деникина и извлечь уроки из поражений Белого движения на юге России в 1919 г. Он сумел на деле приступить к передаче крестьянам части помещичьей земли и провел реформы в области регулирования хозяйственной жизни. В брошюре ярко показано, как переживал Врангель, когда начатые им реформы проводились медленно и с ошибками, а потому не приносили того результата, которого он добивался.

Ярким публицистическим моментом в брошюре является раскрытие причин неудач реформ Врангеля общедоступным языком, понятным массовому читателю. К моменту выхода брошюры уже несколько лет проводились реформы, и их результаты вызвали недовольство населения. Историк на основе опыта Врангеля показал всю трудность проведения реформ в условиях экономического, социального и политического кризиса. Он стремился привлечь к неудачному реформаторскому опыту Врангеля внимание общества и на его примере показать, как сложно проводить реформы в условиях острого системного кризиса.

В 1993 г. тиражом 200 тыс. экземпляров вышла в свет первая книга серии «Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах», которая называлась «Генерал Корнилов». В предисловии составитель и научный редактор серии С. В. Карпенко постарался убедить читателей в том, что при знакомстве с личностями и деятельностью руководителей Белого движения, как и рядовых его участников, необходимо стремиться проникнуть в их мировоззрение и мироощущение. И понять, как они воспринимали происходящие трагические события революции и Гражданской войны, как оценивали их, а также какими чувствами и мыслями руководствовались, когда принимали какие-то решения и совершали какие-то поступки [5].

Между тем, с брошюрой «Крах последнего белого диктатора» ознакомились потомки Врангеля, проживавшие в США. По словам С. В. Карпенко, в 1994 г., когда он готовил «Записки» Врангеля к переизданию в серии «Белое дело», к директору и главному редактору издательства «Голос» П. Ф. Алешкину, известному писателю и издателю, обратилась представитель детей Врангеля. Она передала их категорические возражения против того, чтобы «Записки» их отца переиздавались с

комментариями «советского историка Карпенко». В качестве причины она указала на отрицательное мнение семьи Врангелей о брошюре «Крах последнего белого диктатора» и ее авторе: «Такой пасквиль мог написать только Берия» [10].

Однако после того как старший сын генерала, Петр Петрович Врангель, ознакомился с подготовленными комментариями, он и другие дети дали согласие на их публикацию [10]. В результате обе книги «Записок» были переизданы в серии «Белое дело» с комментариями С. В. Карпенко [6; 7].

Тем временем, в 1993 г., в С.-Петербурге была опубликована брошюра «Белое дело (Люди и события)». Ее автор, Виктор Георгиевич Бортневский, в начале 1990-х гг. считался одним из ведущих российских историков Белого движения. Он родился в 1954 г. в Ленинграде, окончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета и аспирантуру, в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию о культурной жизни Ленинграда во время Великой Отечественной войны. С 1989 г. он занялся историей Белого движения, при этом публиковал новые архивные документы и писал научно-популярные статьи для газет и журналов. В 1989–1992 гг. он опубликовал более 50-ти статей о Белом движении и его участниках [3, с. 11–17]. Под давлением руководства исторического факультета, недовольного его антикоммунистическими взглядами, В. Г. Бортневский вынужден был оставить преподавательскую работу в Ленинградском госуниверситете, после чего был приглашен на работу в США. С 1992 г. и до своего ухода из жизни в 1996 г. он жил и работал в США, где преподавал и много выступал на конференциях. При этом, как рассказывал американский историк венгерского происхождения П. Кинез (Peter Kenéz), известный специалист по истории Белого движения на юге России, он постоянно говорил о том, что на историческом факультете Ленинградского госуниверситета ему мешали объективно изучать и преподавать историю СССР, а особенно заниматься историей Белого движения [10].

В брошюру вошли два очерка об известных белых военачальниках – полковнике В. М. Чернецове и генерале В. О. Каппеле. Оба очерка отличаются ярким стилем и возвеличиванием их героев. В. Г. Бортневский откровенно написал в очерке о Каппеле, что он «сталкивался постоянно с лавиной позитивной информации» о нем и убедился в том, что отрицательных сведений о нем в исторических источниках не содержится [1, с. 56]. По сути, В. Г. Бортневский провозгласил право биографов вождей и военачальников Белого движения игнорировать источники, содержащие негативную информацию об этих людях и их действиях.

В 1994 г. московское издательство «СПАС» издало тиражом 10 тыс. экземпляров новый, переработанный вариант брошюры С. В. Карпенко 1990 г., но уже под новым названием – «Белое дело: Врангель в Таврии» [4].

В ней С. В. Карпенко в полемическом стиле противопоставил описание реальной ситуации в Крыму в 1920 г. роману известного писателя Василия Аксенова «Остров Крым». Впервые изданный в США в 1981 г., в 1990-е гг. роман неоднократно переиздавался в России и стал широко известен массовому читателю, пользуясь особой популярностью у тех, кто резко осуждал КПСС и все советское прошлое страны.

С. В. Карпенко предложил читателям познакомиться с действительными делами Врангеля и их результатами. Он пишет: «Роман В. Аксенова заставляет крепко пожалеть, что история всей России не пошла именно таким путем, погрузить не только о России, “которую мы потеряли”, но и о той, которую не обрели... До того впечатляет и завораживает созданный на бумаге “Остров Крым” – “память о старой России и мечта о новой”, как выразился сам В. Аксенов... Однако В. Аксенов отнюдь не является первооткрывателем врангелевского Крыма как “России № 2”. Мысль о возможности альтернативного развития Крыма “небольшевистским” путем была выношена самим генералом Врангелем и его соратниками; именно ее они и пытались воплотить в реальность в 1920 г.» [4, с. 3, 4].

Показав, что реформы Врангеля проводились слишком поздно и уже не имели шансов на успех, С. В. Карпенко пишет: «Конечно, нельзя не отдать должное попытке Врангеля и его ближайших помощников сделать трезвые выводы из трагического опыта Белого движения, их политическому мужеству, решимости и энергии. Но, “крутясь, как белка в колесе, и заливая Крым морем приказов”, Врангель бился над тем, чтобы, выражаясь высокопарно, оживить труп российской буржуазно-помещичьей монархии, умершей еще в феврале 1917 г. Да и сам Врангель, видимо, понимал или хотя бы чувствовал обреченность Белого Крыма» [4, с. 63].

Так С. В. Карпенко и во второй своей брошюре, выпущенной в 1994 г., в самый сложный период реформ, проводившихся при президенте Б. Н. Ельцине, стремился привлечь к неудачному реформаторскому опыту Врангеля внимание российского общества, старался показать, что эти события прошлого важны для понимания закономерностей проведения реформ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Раскрывая причины неудач реформ Врангеля при показе всех его достоинств как решительного политика, он старался провести исторические параллели и сделать важные обобщения.

Текст брошюры помогает читателю понять, что, во-первых, реформы проводить крайне трудно в ситуации, когда они давно назрели, но не были проведены своевременно. Во-вторых, своекорыстные действия чиновников и предпринимателей («патриотов своего кармана») или тормозят проведение реформ, или приводят к тому, что реформы значительно ухудшают жизнь основной массы населения. В-третьих, поддерживая проведение реформ в России, страны Запада фактически стремятся добиться своих собственных экономических и геополитических целей, в их политике в отношении России нет никакого бескорыстия.

Наконец, в 1996 г. вышла в свет небольшая по объему книжка в мягкой обложке историка В. Г. Бортневского с интригующим и привлекающим внимание названием «Загадка смерти генерала Врангеля», выпущенная издательством С.-Петербургского университета тиражом 1 тыс. экземпляров [1].

Из объема книги в 168 страниц сам текст занимает 78 страниц, а за ним идет приложение, состоящее из впервые опубликованных документов, найденных автором в архивохранилищах США. Книга написана в научно-популярном стиле,

читается с большим интересом благодаря большим цитатам из личной и служебной переписки генерала Врангеля. Хотя в книге нет описания событий Гражданской войны, а только жизни Врангеля в эмиграции, в ней постоянно характеризуются взгляды Врангеля и раскрываются его взаимоотношения с ближайшими подчиненными, которыми он руководил, когда возглавлял Белое движение в Крыму.

В. Г. Бортневский пишет, что он «интуитивно убежден» в том, что генерала Врангеля отравил агент советских спецслужб [1, с. 11], поэтому главной исследовательской задачей он считал найти доказательства этому. Он считал, что последний главнокомандующий не мог умереть естественной смертью, хотя врачи пришли к выводу, что причиной смерти стал скоротечный и очень тяжело протекавший грипп с высокой температурой, который вызвал обострение туберкулеза легких. Он пишет: «Многое казалось странным в этой неожиданной болезни, скосившего полного сил и здоровья 49-летнего человека» [1, с. 9].

Это утверждение В. Г. Бортневского можно считать неверным. Дело в том, что в феврале 1919 г. Врангель тяжело переболел сыпным тифом в Кисловодске, очень хорошие врачи лечили его и излечение сочли чудом. Но эта инфекционная болезнь неизбежно должна была вызвать очень тяжелые последствия для его сердца и нервной системы, и врачи рекомендовали ему «избегать физического и умственного переутомления», навсегда покинуть армию и уехать отдыхать в Сочи или в Крым [9, с. 476–523].

Никаких убедительных доказательств отравления Врангеля агентом большевиков В. Г. Бортневский не нашел [1, с. 83–86], но он дает Врангелю целый ряд хвалебных характеристик.

Во-первых, он показывает способность Врангеля трезво оценивать военно-политическую обстановку и складывающиеся обстоятельства. Во-вторых, подчеркивает политический реализм Врангеля, который был убежденным монархистом, но при этом был уверен, что большинство населения России не поддержит восстановление монархии, и потому считал, что монархия как политический строй не может быть навязана русскому народу «силой штыков или белым террором». В-третьих, из текста следует, что Врангель всегда проявлял исключительную порядочность, благородство и осмотрительность, не отвечал интригами на интриги и не делал ничего, что могло дать повод обвинить его самого в интригах [1, с. 12–16, 17, 20–22, 29, 30, 33, 43, 52, 61, 76].

Так В. Г. Бортневский постарался убедить читателей в том, что Врангель был практически безупречным военным и политическим руководителем, стоящим выше других вождей Белого движения. По сути, он попытался внедрить в историческую память общества представление о Врангеле как о «последнем белом рыцаре без страха и упрека». По мнению историка С. В. Карпенко, В. Г. Бортневский не мог давать Врангелю никаких других оценок, кроме хвалебных, поскольку, переселившись в США, он активно устанавливал и использовал контакты с потомками эмигрантов «первой волны», включая детей Врангеля [10].

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. на волне острого интереса российского общества к истории России XX в. и особенно к истории

антибольшевистской борьбы начали выходить первые научно-популярные и публицистические книжные издания о руководителях Белого движения, прежде всего о генерале П. Н. Врангеле.

Сразу же сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, началась популяризация итогов изучения личности генерала П. Н. Врангеля и его деятельности прежде всего в Крыму в 1920 г., причем научно-популярные и публицистические произведения были основаны на новых документальных и мемуарных источниках. А с другой стороны, возникла тенденция восхваления и возвеличивания генерала П. Н. Врангеля, его идеализация как военно-политического руководителя.

Идеализация и восхваление генерала П. Н. Врангеля, как и других вождей Белого движения, были вызваны стремлением историков, которые больше не находились под гнетом коммунистической идеологии, опровергнуть замалчивание и очернительство вождей Белого движения, которые существовали в советской исторической науке.

Список использованных источников и литературы

1. Бортневский В. Г. Белое дело (Люди и события). – СПб.: Издательско-полиграфический техникум, 1993. – 60 с.
Bortnevskii V. G. Beloe delo (Lyudi i sobytiya). – SPb.: Izdatelsko-poligraficheskii tekhnikum, 1993. – 60 s.
2. Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 165 с.
Bortnevskii V. G. Zagadka smerti generala Vrangelya: Neizvestnye materialy po istorii russkoi emigratsii 1920-kh godov. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996. – 165 s.
3. Бортневский В. Г. Избранные труды. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – 492 с.
Bortnevskii V. G. Izbrannye trudy. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1999. – 492 s.
4. Карпенко С. В. Белое дело: Врангель в Таврии. – М.: СПАС, 1994. – 64 с.
Karpenko S. V. Beloe delo: Vrangeli v Tavrii. – M.: SPAS, 1994. – 64 s.
5. Карпенко С. В. «История подведет итоги нашим деяниям» // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 1. Генерал Корнилов. – М.: Голос, 1993. – С. 5–8.
Karpenko S. V. «Istoriya podvedet itogi nashim deyaniiam» // Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya v 16 knigakh. Kn. 1. General Kornilov. – M.: Golos, 1993. – S. 5–8.
6. Карпенко С. В. Комментарии // Белое дело: Избранные произведения: в 16-ти кн. Кн. 4. П. Н. Врангель. Записки: Часть первая. – М.: Голос, 1995. – С. 396–430.
Karpenko S. V. Kommentarii // Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya v 16 kn. Kn. 4. P. N. Vrangeli. Zapiski: Chast pervaya. – M.: Golos, 1995. – S. 396–430.
7. Карпенко С. В. Комментарии // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 5. П. Н. Врангель. Записки: Часть вторая. – М.: Голос, 1995. – С. 313–346.
Karpenko S. V. Kommentarii // Beloe delo: Izbrannye proizvedeniya v 16 knigakh. Kn. 5. P. N. Vrangeli. Zapiski: Chast vtoraya. – M.: Golos, 1995. – S. 313–346.
8. Карпенко С. В. Крах последнего белого диктатора. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
Karpenko S. V. Krakh poslednego belogo diktatora. – M.: Znanie, 1990. – 64 s.
9. Карпенко С. В. Последний главком: Роман-хроника. – М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2006. – 585 с.
Karpenko S. V. Poslednii glavkom: Roman-khronika. – M.: Astrel; AST; Tranzitkniga, 2006. – 585 s.
10. Электронный архив А. Ф. Лукшина. Интервью с историком С. В. Карпенко. 21 февраля 2017 г.
Elektronnyi arkhiv A. F. Lukshina. Intervyu s istorikom S. V. Karpenko. 21 fevralya 2017 g.

A. Lukshin. The beginning of the publication of the popular scientific and journalistic books about the general Pyotr N. Wrangel in the first half of the 1990s

The article examines the first popular scientific and journalistic works about the General Pyotr N. Wrangel published in Russia in the first half of the 1990s in book form. It reveals the scientific and social relevance of studying this topic in connection with a wide spreading in modern Russia of scientific-popular works on the life and activities of the military and political leaders of the White movement, and their influence on the progress and results of the Russian Civil war. It describes the factors of the emergence of popular scientific and journalistic works about the General Wrangel in the first half of the 1990s. It analyzes, on the one hand, the scientific study of his biography based on previously unknown archival documents, on the other hand – the main journalistic features inherent in these works. It turns out the relationship between the content of these works and of the socio-political situation in Russia and the needs of society in the first half of the 1990s. The author makes a conclusion about strong influence of social position and political views of the authors on the content of popular scientific and journalistic works about the General Wrangel.

Keywords. Russian Civil War, White movement, biography, historical journalism, historiography, Pyotr N. Wrangel, Viktor G. Bortnevskiy.

УДК 93/94

«ОТРЯДЫ СОДЕЙСТВИЯ» И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ДОНА В 20-Е ГГ. XX ВЕКА

Мерзляков М. П.

*Раздорский этнографический музей-заповедник
ст. Раздорская, Российская Федерация
E-mail: mix.merzo@yandex.ru*

Раскрывается специфика функционирования механизма сбора продовольственного налога в казачьих станицах в условиях нэпа. Данный процесс рассматривается в контексте общих тенденций унификации в политике советской власти в отношении сельского населения. Особое внимание уделяется пришедшим на смену продотрядам военизированным «отрядам содействия», выступающим все тем же принудительным рычагом воздействия на население донских станиц. Вместе с тем показаны и обыденные практики взаимоотношений, складывающиеся в период компаний по сбору продналога между местным населением и членами «отрядов содействия». Структурируется технология организации и координации компаний по сбору продовольственного налога на местах со стороны партийных чиновников. В заключении констатируется, что именно в этот период на фоне декларирования идеи восстановления товарооборота между городом и деревней продолжает закрепляться принудительно-репрессивный механизм в отношении сельского населения со стороны государства в условиях сохраняющегося классового подхода. В полной мере это распространяется и на казачьи станицы Дона.

Ключевые слова: продовольственный налог, казачество, «отряды содействия», повседневность.

В последнее десятилетие история казачества широко разрабатывается в отечественной и зарубежной историографии. Все больше внимания уделяется и политике расказачивания на Дону. Обновляющийся теоретический багаж российской исторической науки открывает новые возможности для изучения всех аспектов социально-экономической жизни на Дону в 1920-е гг. Введение в научный оборот новых источников, раскрывающих специфику функционирования механизма сбора продовольственного налога в казачьих станицах, способствует отказу от упрощенных подходов к изучению процессов размытия казачества в массе колхозного крестьянства, сводимых зачастую к геноциду казачьего народа. Это позволит «вписать» данный процесс в контекст общих тенденций к унификации в политике советской власти в целом.

В советской России история казачества в условиях новой экономической политики в 1920-е гг. долгое время не являлась предметом специального изучения. Обусловлено это было в основном тенденциозным отношением советских историков к нэпу и политическими установками, исходившими от высших партийных и государственных структур в отношении этого феномена советской действительности. В результате само казачество как объект изучения растворялось в общей массе советского населения. Определенный интерес к политике «расказачивания» пробудился в период хрущевской «оттепели» [12, с. 13]. Обращает внимание и тот факт, что в опубликованной в 1968 г. «Истории

Коммунистической партии Советского Союза» были впервые признаны допущенные ошибки в политике по отношению к казачеству, обусловленные циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. Однако в «перегибах» традиционно были обвинены местные партийные, советские и военные власти [4, с. 357–358].

При сохранении цензурных ограничений советского периода прорывом в изучении обозначенной проблематики следует считать труды Я. А. Перехова [8, с. 96–108], Г. Л. Воскобойникова и Д. К. Прилепского [2]. В них нашли обобщение сюжеты взаимоотношений казаков, иногородних крестьян и большевистского режима в период нэпа и сплошной коллективизации.

Ликвидация политико-идеологических ограничений и открытие архивов в начале 1990-х гг. позволило историкам заняться острыми вопросами советского прошлого. В это же время начался трудный процесс возрождения казачества. Эти два фактора дали мощный импульс развитию казаковедческих исследований, в том числе на южнороссийском материале [3; 5; 9].

К сегодняшнему дню в трудах региональных исследователей нашел подробное освещение целый ряд вопросов жизнедеятельности казачества в 1920-е гг.: восстановление сельского хозяйства в условиях нэпа; землеустройство и землепользование в казачье-крестьянских регионах, налоговая и социально-классовая политика большевиков как факторы модернизации сельского хозяйства; формирование, развитие и функционирование системы советских органов власти в сельских районах Дона, повстанческие выступления в казачьих станицах и другие [1; 6; 7; 10]. Другие исследовательские проблемы представлены лишь тезисно. Среди них: взаимоотношения местного населения и членов продотрядов, взаимодействие внутри семьи и с соседями, социальный и профессиональный состав «отрядов содействия»; практики приспособления и противодействия сельского населения донских станиц продовольственной политики властей; феномен такого явления в решении продовольственных вопросов, как «мешочники» и другие. В целом перспективы исследования данной темы связаны с расширением сюжетов антропологического характера.

Источниковую основу данной статьи составили архивные документы из фондов Центра хранения архивных документов г. Шахты (далее – ЦХАД). В фонде 185 «Окружной продовольственный комитет» изучены приказы Донского областного комиссара по продовольствию, протоколы заседаний окружной продкомиссии, доклады продуполномоченных на местах и другие документы, характеризующие сбор продовольственного налога в условиях новой экономической политики. Анализ этого массива документов позволил констатировать, что советскими властями официально была продекларирована «классово-дифференцированная» позиция в отношении казачества, сущность которой заключалась в сочетании союзнических отношений с «трудовым» («классово-близким») казачеством и давления на зажиточных («классово-чуждых») казаков.

Жители казачьих станиц и хуторов, являясь частью сельского населения России, испытали на себе все тяготы политики военного коммунизма. Вместе с тем официальное закрепление экономического положения, правового и общественного

статуса казака в новом формате начинает складываться, как справедливо указывает в своем исследовании М. В. Филин, только с выходом декрета Совнаркома РСФСР от 25 марта 1920 г. «О строительстве советской власти в казачьих областях» и декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 18 ноября 1920 г. «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» [14].

Новый курс советского руководства был ориентирован на социальную дифференциацию казачества, расслоение и создание социальной опоры в казачьей среде, превращение станиц в крестьянские деревни, а казака – в крестьянина. Однако к этому времени казачество как особое военное сословие в России уже было ликвидировано. Политика расказачивания выразилась в мерах по физическому уничтожению части казачества, размыванию его экономической базы и выселению неугодных казаков из привычных мест проживания. Первоначально процессы расказачивания и политика военного коммунизма как инструмент перехода к новому общественному строю переплетались и усугубляли свои последствия. И в том, и другом случае широко применялись репрессивные и принудительные меры.

В условиях революции и Гражданской войны в стране началась хозяйственная разруха, приведшая к острой нехватке продовольствия и товаров первой необходимости. Нарушился товарооборот между городом и сельскими районами. Движущей силой решения продовольственного вопроса в стране в рамках политики военного коммунизма в 1918 г. выступили продотряды, формировавшиеся из рабочих. Их члены фактически занимались беспорядочными и насильственными поборами и изъятием зачастую «под ноль» продовольствия у всего сельского населения, а значит и казачества. Этот узаконенный грабеж был заменен в начале 1919 г. продразверсткой.

Следует отметить, что централизаторские тенденции в экономике проявлялись и до большевиков. В годы Первой мировой войны нормирование производства, сбыта и потребления было характерно для всех воюющих стран. В 1916 г. царское правительство в России приняло решение о продразвёрстке. Эту меру подтвердило и Временное правительство. В условиях Первой мировой войны она была явно вынужденной. Большевики же превратили продразверстку в программное требование, проводя ее намного жестче, чем их предшественники. Принуждение по отношению к сельскому населению стало нормой.

Фактически не изменились эти методы при переходе от административных к экономическим методам хозяйствования в начале 1920-х годах. Решающим актом в этом направлении стала замена продразверстки продналогом. По объему он был меньше и охватывал до 20 % сельскохозяйственной продукции. Так у земледельца появлялся шанс после уплаты продналога оставшуюся часть излишков пустить на продажу. Но и в этой, казалось бы, на первый взгляд эффективной экономической мере скрывался рычаг классовой борьбы. Взымался налог по классовому принципу: «очень мало с бедняков и очень много с кулаков».

В этой связи изменение курса советской власти в отношении казачества в 1920 г. можно считать своевременным, усиливающим тенденции унификации сельского населения Дона. Анализ фондов ЦХАД, в частности приказов Донского областного комиссара по продовольствию, протоколов заседаний окружного

продовольственного комитета, докладов уполномоченной политической группы № 200 о результатах работы по продналогу, переписка с Донским областным военкоматом, заготконторой и другие документы позволяют констатировать, что исчезает официальное деление на казаков и иногородних применительно к населению казачьих районов Донской области. В документах четко прослеживается дифференциация по имущественному цензу: бедняк, середняк, кулак. На смену традиционным для Дона юртам приходят такие административные единицы, как волости.

Донской областной комиссар по продовольствию в конце лета 1921 г. основательно готовился к выполнению плана заготовительной компании. Окружным комиссарам был направлен приказ № 202 от 25 августа, содержащий подробную инструкцию по изъятию продуктов у сельского населения в качестве продналога. Примечательно, что до 7 сентября предполагался своеобразный разведывательный этап, обозначенный в документе «периодом самотека по выполнению налога», в ходе которого планировалась «10-фунтовая авансовая сдача хлеба без применения принудительных мер со стороны продаппарата». Возможно, так зондировалась реакция местного населения на условия продналога. Отдельный параграф приказа предполагал и последующие меры насильственного воздействия к уклонистам, обозначенные в документе как «ударность». Ударными объявлялись следующие округа Доновласти: Донецкий, Ростовский и другие.

Для реализации «ударности» формировались вооруженные отряды, укомплектованные пулеметами. На период «самотека» отряды предполагалось использовать за следующим назначением: «а) локализация банд (обезвреживание их действий), дабы дать возможность проводить работу на местах, в частности отчисления налогов; б) подготовка к реализации налогов путем ознакомления частей с продполитикой и местными условиями; в) внутренняя блокада области в целях предотвращения вывоза продуктов в смежные губернии...» [15, л. 17].

Таким образом, исполнителями налоговой политики советского правительства выступали все те же продотряды. Бытует мнение, что с введением нэпа продотряды исчезли. Однако архивные документы свидетельствуют об обратном, по существу изменился только способ их комплектования, а функции сохранились. В документах они указаны как «отряды содействия» [15, л. 17]. В отличие от своих предшественников – разрозненных рабочих отрядов 1918 г. – это были регулярные воинские части, хорошо вооруженные, зачастую прошедшие горнило революции и Гражданской войны. Деятельность этих отрядов четко регламентировалась из центра. В том же приказе № 202 указывалось:

«В соответствии с распоряжением штаба СКВО в целях нераспыления вооруженной силы, разбивка на отряды допускается в количестве не менее роты...

§10. Все вооруженные силы, выделенные на продработу в округа, в оперативно-продовольственном отношении подчиняются Окрпродкомиссару. В районах – старшему налоговому инспектору. При даче отдельно воинской части того или иного задания старший инспектор прикомандировывает к части продруководителей из числа волостной инспектуры или специального ответпартработника.

§11. Окрпродкомам и старшим инспекторам установить связь с воинскими частями путем конных нарочных или телефона. В целях предотвращения двойственности информации и распоряжений связь Окрпродкома должна быть установлена по возможности по продовольственной линии, т. е. через старших инспекторов. В целях более правильного использования воинских частей на продработе дачу продзаданий частям давать согласованно с высшим по инстанции военным командованием, для чего штабы соответствующих частей расположить на месте расположения продорганов: Окрпродкомов, инспекторских бюро при заготконторах.

§12. Все воинские части получают все виды довольствия в общем порядке от Военпродорганов (по соглашению с последними продукты сельского хозяйства, входящие в состав воинского довольствия, могут быть отпускаемы воинским частям на месте их расположения из заготовки по налогам...) [15, л. 18].

В последнем пункте возможно рассмотреть один из мотивов ревностного исполнения членами продотрядов своей миссии.

Следует отметить, что властные структуры попытались подойти к акциям сбора налога взвешенно, и даже в некоторой степени с научной обстоятельностью. Был разработан четкий алгоритм с конкретными примерами, как поступать в той или иной ситуации:

«...Напр.: 1-й случай. Отряд при обследовании двора гр-на обнаружил у него в амбаре такое количество хлеба, которое покрывает весь падающий на него налог. В таком случае отрядом отчуждается 75 % (или $\frac{3}{4}$) всего падающего на него налога.

Пример: с гр-на Петрова причитается по налогу 30 п. хлеба: при обследовании у Петрова найдено больше 30 пуд, следовательно, у него необходимо изъять всего налога, что составит 22 $\frac{1}{2}$ пуда, таковое количество сейчас же и выводится...

3 случай: если у гр-на не окажется такого количества хлеба вследствие незаконного израсходования (обмена, продажи) или убытка, то у такого гр-на отчуждается и имеющийся на лицо хлеб, оставляя ему только по 3 ф. на едока на все время, а сам же предается суду в порядке пп. 45 и 46-го.

Примечание. 1-е если будет установлено, что у гр-на вследствие неурожая или незаконно не расходования (на еду, посев) нечего взять, согласно вышеперечисленных примеров, то все же он должен внести 10 фунтов в счет налога, после чего может ходатайствовать о снятии с него налога.

Примечание 2-е. Замена недостающего по налогу хлеба никакими другими продуктами не допускается: хлебный налог взимается только культурами» [15, л. 300–302].

Эти инструкции в качестве руководства к действию получили «отряды содействия». Однако при этом четко оговаривалось что указанная схема действует только «к плательщикам, добровольно выполняющим налог, а к неисправным, упорствующим налогоплательщикам применяется принудительное отчуждение...независимо от положения...» [15, л. 301].

В то же время повседневность продотрядов несколько скорректировала содержание официальных приказов административных органов. В станицах и хуторах члены отряда размещались на постой непосредственно у тех же

налогоплательщиков. Обращают на себя внимание и случаи скорее всего целенаправленного спаивания членов отряда, так они становились зачастую более лояльными и сговорчивыми с гостеприимными хозяевами: «Моральное состояние отрядов было не на высоте... с 27 сентября отряд пьянствует и бездействует...» [15, л. 142]. Такое бытовое взаимодействие властные структуры считали одним из злостных факторов срыва выполнения плана продовольственных заготовок: «Нередки такие факты, что отряды прибыв на место работы целыми неделями совершенно бездействуют и только благодаря незнаниям своих обязанностей и нерешительности своих руководителей (в работу вмешивается личностный характер, человеческое отношение). Такие явления губительны для подготовительной работы, во-первых, уходит время, во-вторых, солдаты отряда, ничего не делая, будучи расставлены на квартиры сближаются с налогоплательщиками и невольно поддаются их влиянию после чего делаются неспособными продработе, и в 3-х, население перестает верить в принудительную силу отрядов содействия. Напоминаю, что отряд содействия, карательная сила и налог должен выполняться не пребыванием отряда в каждом населенном пункте округа, а путем его примерного действия в одном населенном пункте, чтоб население окружающих поняло, что с ним шутки не шутят, а реально и твердо поняло, что с него требуют того, что с них причитается по Государственному продовольственному налогу. Только при такой постановке работы можно добиться успеха...» [15, л. 300].

Таким образом, «отряды содействия» рассматривались советской властью, прежде всего, в качестве устрашающего репрессивного рычага выполнения государственной продовольственной программы.

Сетовали советские чиновники и на малограмотный подход командования отрядов к изыманию надлежащих выплат: «Многие из них (руководителей отрядов), подвергая обыску хутор или село, изымают очень незначительное количество хлеба и полагают, что они уже весь хлеб забрали и считают свою работу законченной, возбуждают ходатайство о переводе в другое село или хутор, а между тем упускают из виду, что всегда существует возможность установить, какое количество хлеба находится в данной местности, хуторе, селе. Для этого стоит лишь взглянуть в налоговый список формы № 1, установить общую фактически засеянную площадь земли, средний урожай с десятины, установленный Окрстатбюро, произвести умножение и станет ясным, каким количеством хлеба обладает данный хутор...» [15, л. 134]. Вопрос только в том, кто бы производил эти математические действия в отрядах, укомплектованных малограмотными солдатами и рабочими.

Организаторы компании по выполнению задач продналога в полном объеме были озабочены неэффективными реальными результатами деятельности отдельных «отрядов содействия». В первую очередь от командиров отрядов требовалось в течение 3 дней «маневренно, с устрашающим эффектом» провести на 100 % сбор продовольствия в соответствии с установленными нормами, не взирая на реальные возможности селян [15, л. 278].

Решать вопросы с дисциплиной, мобильностью и повышением результативности работы «отрядов содействия» районные инспекторы

заготовительных контор предлагали следующим образом: «2. Установить самую тесную, наиболее живую связь с отрядом. 3. Каждому отряду ежедневно особым приказом точно установить задание, а также срок для выполнения. 4. Требовать от руководителей и командиров отрядов безукоризненного выполнения данного им задания и порученного дела, в котором они еще должны отчитаться по сводке. 5. В корне преследовать разгильдяйство и халатность. 6. Дать понять всем ответственным работникам, что один шаг проведенного недела времени равен тяжкому преступлению. В случае невозможности руководить отрядами за дальностью расстояния или их разбросанности, установить районное управление отрядами. Поставить во главе района опытного, авторитетного работника и установить с ним ежедневную связь через нарочного. 7. Для живого сообщения с отрядами, работающими на местах, широко использовать аппарат народной связи, телефоном, телефонограммой. Для установления прочной связи с отрядом и контролирования их установить ежедневную отчетность руководителей на прилагаемой при сем форме» [15, л. 269]. Тем самым за деятельностью отрядов устанавливался жесткий контроль, для чего вводились дополнительные бюрократические структуры. В качестве премиальных за выполнение суточных заданий членам отличившихся отрядов предусматривалась выдача папирос [15, л. 243].

Окружной продовольственный комиссар, по-видимому с целью проведения своеобразного мониторинга компании по сбору налога, собирал с руководителей «отрядов содействия» рапорты об их деятельности на местах. Для таких рапортов была разработана схема, включающая следующие пункты-вопросы: «1. Если поступления налога идут хорошо, то указать, путем каких мер достигнута задача продналога, если поступления плохие, то указать какие причины мешают, какие меры применялись. 2. Если применялись репрессии, то указать, из какого пункта дополнительной инструкции и полностью ли эта мера проведена и можно ли ждать результатов в дальнейшем. Если нельзя, то какие меры необходимо применять. 3. Какие настроения населения в... в политическом отношении. 4. Какие отношения красноармейцев отряда содействия к продработе вообще и тем мероприятиям, которые вы применяете и которые мы можем согласно допол. инструкции приказа № 300 применять в дальнейшем, в частности, что вы считаете необходимым сделать еще для того, чтобы выполнение налога шло успешно» [15, л. 225].

В заключение следует отметить, что в 1920-е гг. советская власть продолжает политику, направленную на унификацию сельского населения Дона. Казачество как его составляющая включается в общие социально-экономические процессы, характерные для этого периода и обусловленные нэпом. Вместе с тем, в селе, несмотря на официально объявленное изменение курса в связи с введением продналога, местными властями при проведении налоговых кампаний использовались проверенные политикой военного коммунизма административно-репрессивные методы. Пришедшие на смену продотрядам военизированные «отряды содействия» являлись все тем же принудительным рычагом воздействия на население донских станиц, уже вырабатывающего определенное отношение к выполнению своих налоговых обязанностей.

Обращают на себя внимание обыденные практики взаимоотношений, складывающиеся в период компаний по сбору продналога между местным населением и членами «отрядов содействия». Не всегда реализовывали «опричники новой власти» свои устрашающие функции, направленные на четкий и быстрый сбор причитающихся государству необходимых продуктов. Широкое распространение получила практика установления дружеских взаимоотношений на фоне совместного распития спиртных напитков. Можно предположить, что селяне намеренно спаивали военных, пытаясь смягчить их и уклониться от продналога.

Региональные властные структуры, отвечающие за полноценный и своевременный сбор продовольственного налога, строго координировали деятельность военизированных «отрядов содействия», разрабатывая для них соответствующие методические материалы, наказывая нарушителей регламента работы с сельскими жителями, поощряя достигших высоких результатов в сборе продуктов с селян, причем неважно, какими методами. По-видимому, с целью разработки технологий по более качественному и эффективному проведению компаний по сбору продналога партийные чиновники проводили мониторинги результатов конкретной работы «отрядов содействия».

В целом именно в этот период на фоне декларации восстановления товарооборота между городом и деревней продолжает закрепляться принудительно-репрессивный механизм в отношении сельского населения со стороны государства в условиях сохраняющегося классового подхода, в полной мере это распространяется и на казачьи станицы Дона.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамова И. Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики (1921–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Зерноград, 2000. – 232 с.
Abramova I. E. Social and economic development of the Don village in the conditions of the new economic policy (1921–1927): yew. ... edging. ist. sciences. – Zernograd, 2000. – 232 s.
2. Воскобойников Т. П., Прилепский Д. К. Казачество и социализм. Исторические очерки. – Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1986. – 158 с.
Voskoboynikov T. P., Prilepsky D. K. Cossacks and socialism. Historical sketches. – Rostov N / D.: Rostov book publishing house, 1986. – 158 s.
3. Донские казаки и в прошлом и настоящем / под общ.ред. Ю. Г. Волкова – Ростов н/Д.: Издательство: ГинГо., 1998. – 502 с.
The Don Cossacks and in the past and the present of a general edition of Yu.G. Volkov – Rostov N / D.: Publishing house: Gingo., 1998. – 502 s.
4. История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. Т. 3. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1968.
History of the Communist Party of the Soviet Union. In six volumes. T. Z. of prince 2. – M.: Politizdat, 1968.
5. Кислицын С. А. Государство и расказачивание 1917–1945 гг. / Отв. ред. акад. Е. И. Дулимов и др. – Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 1996. – 80 с.
Kislitsyn S. A. State and decossackization of 1917–1945 / Otv. an edition the academician E. I. Dulimov, etc. – Rostov N / D: DYU publishing house, 1996. – 80 s.
6. Панарин А. А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921–1929 гг.: на материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. – Армавир, 2004. – 589 с.
Panarin A. A. Social and economic transformation of domestic cooperation v 1921–1929: on materials of Don and the North Caucasus: yew. ... Dr.s ist. sciences. – Armavir, 2004. – 589 s.

7. Панкова-Козочкина Т. В., Бондарев В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. – Новочеркасск: Лик, 2012. – 266 с.
8. Pankova-Kozochkina T. V., Bondarev V. A. Cossack-country economy of an era of the New Economic Policy: problems of modernization of the agrarian relations in the south of Russia. – Novocherkassk: Face, 2012. – 266 s.
9. Перехов Я. А. Проблема вовлечения казачества в социалистическое строительство в 1920–1927 гг. в советской исторической литературе // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе: Сб. статей. – Ростов н/Д., 1972. – 347 с.
- Perekhov Ya. A. A problem of involvement of the Cossacks in socialist construction in 1920–1927 in the Soviet historical literature // Don and the North Caucasus in the Soviet historical literature: Сб. articles. – Rostov N / D., 1972. – 347 s.
10. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). – Ростов н/Д.: Гепфест, 1997. – 138 с.
- Perekhov Ya. A. Power and Cossacks: search of consent (1920–1926). – Rostov N / D.: Hephaestus, 1997. – 138 s.
11. Скорик А. П., Тикиджян Р. Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / От. ред. В. А. Бондарев – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.;
- Skorik A. P., Tikidzhyan R. G. Dontsa in the 1920th years: history sketches / From. an edition V. A. Bondarev – Rostov N / D: SKNTs VSh SFU publishing house, 2010. – 244 s;
12. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (с 1917–1920-х гг.) – М.: Мысль, 1968. – 437 с.
- Spirin L. M. Classes and parties in the civil war in Russia (since the 1917–1920th) - M.: Thought, 1968. – 437s.
13. Трифонов Ю. В. Отблеск костра. – М., 1966. – 336 с.;
- Trifonov Yu. V. Fire reflection. – M, 1966. – 336 s;
14. Филин М. В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.) автореф. дис...канд. ист. наук – Москва, 2007-URL: http://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Filin_MV/ (дата обращения: 09.02.2018);
- Filin M. V. The protest movement of the Russian Cossacks in the conditions of policy of military communism and her consequences (1918–1922) автореф. yew...edging. ist. sciences – Moscow, 2007-URL: http://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Filin_MV/ / (date of the address: 2/9/2018).
15. Центр хранения архивных документов г. Шахты. Ф.-Р.185-ОП.-1-Д.4.
- Center of storage of archival documents Shakhty. T.- R.185-OP.-1-D.4.

Merzlyakov M. P. «Groups of assistance» and tax policy of the Soviet Power in the cossack villages of don in the 1920»

In article the specifics of functioning of the mechanism of collecting a food tax in the Cossack villages in the conditions of the New Economic Policy reveal. This process is considered in a context of the general tendencies of unification in policy of the Soviet power for country people in general which are based on property qualification. Special attention is paid to activity, the succeeded prodotryada by the same compulsory lever of impact on the population of the Don villages militarized «groups of assistance», acting. At the same time also the ordinary praticians of relationship developing in the period of the companies on collecting a prodnalog between local population and members of «groups of assistance» are shown. The technology of the organization and coordination of the companies for collecting a food tax on places from party officials is structured. In the conclusion in work it is noted that during this period against the background of the declaration of restoration of commodity turnover between the city and ancient the compulsory and repressive mechanism concerning country people from the state continues to be fixed, in the conditions of the remaining class approach, fully it extends also to the Cossack villages of Don.

Keywords: food tax, Cossacks, «groups assistance», daily occurrence.

УДК: 378(47)КРЫМ

**«РАБОТАЛИ НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО»:
КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
dr.aan@mail.ru*

Ломакин Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
LomakinDA@mail.ru*

Бебешко Е. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
bebeshko_leka@mail.ru*

На основе обширного архивного материала из фонда Народного комиссариата просвещения РСФСР (ф. А–2306 «Народный комиссариат просвещения РСФСР: 1917–1945, Министерство просвещения РСФСР: 1946–1988») Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), который впервые вводится в научный оборот, восстановлена история Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны. Широко использованы различные группы документов: переписка директора института В. М. Боровского с многочисленными органами власти по вопросам функционирования вуза; директивы, постановления государственных учреждений, отразившиеся на деятельности пединститута; отчетно-плановая документация вуза; материалы проверок контролирующими органами учебного заведения на предмет его готовности к проведению учебных занятий в рассматриваемый период. Проанализирована деятельность преподавателей института в период вынужденной эвакуации на территорию Дагестанской АССР (г. Махачкала, позже – с. Касумкент). Детально рассмотрен этап восстановления деятельности вуза после его реэвакуации в Симферополь, восстановлены проводимые мероприятия по подготовке к началу первого учебного года в Крыму осенью 1944 года.

Ключевые слова: Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, Великая Отечественная война, эвакуация, Дагестанская АССР.

Трагичная и в то же время бесконечно героическая страница истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского началась ранним

*Рис 1. Куликовский
Василий Васильевич
(1904–1941)*

утром 22 июня 1941 года. После начала Великой Отечественной войны крымские высшие учебные заведения были вынуждены продолжить свою работу в эвакуации. Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе сначала в Махачкале, затем – в горном селе Касумкент (Дагестан, 185 км от границы с Азербайджаном). Несмотря на нехватку жилых и учебных помещений, пособий и оборудования, скудное жалование, учебное заведение не остановило работу, продолжая готовить квалифицированные педагогические кадры.

С учетом стремительного приближения линии фронта к Крымскому полуострову началась подготовка эвакуации имущества педагогического института, его сотрудников и студентов. 6 сентября 1941 года в Крымскую контору Государственного банка по квитанции № 425 на хранение сданы ценности института (предметы лабораторного оборудования из платины и серебра, всего 106

предметов, оцененных в 50 тыс. руб.) [10, л. 197, 201].

Деятельность пединститута в первые месяцы войны детально отражена в докладной записке директора вуза В. М. Боровского начальнику Управления высшей школы народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – УВШ НКП РСФСР) И. Г. Клабуновскому от 11 сентября 1941 года: «Считаю долгом ознакомить Вас с тем, как война отразилась на работе нашего института. Конечно, мы все время старались нормально вести работу и, думаю, что нам это удалось, работали несмотря ни на что. Нормально мы провели выпуск четвертых и вторых учительских курсов, подготовку к новому учебному году, работу по новому приему и т. д. С начала войны из состава пошли в армию 20 человек преподавателей, 4 лаборанта и 22 технических сотрудника. Всех ушедших нам удалось заменить собственными силами. <...> Из числа студентов мобилизовано 52 со второго и третьего курсов и 60 выпускников. <...> Всего у нас осталось на трех старших курсах 350 студентов. 18-го августа мы получили предписание военного командования освободить два из наших учебных зданий (ул. Ленина, 17 и 15) и вывезти все имущество в общежитие. В условиях светомаскировки (т. е. в абсолютной темноте) мы упаковали и вынесли наше оборудование – конечно, многое побито и поломано. Через два дня после этого у нас отняли третье здание – по Пролетарскому переулку, 3 (фундаментальная библиотека осталась на месте). <...> Все же при таком контингенте, какой у нас остался, и при маленьких группах мы сумеем наладить учебные занятия у себя в две смены даже и с новым первым курсом. 20-го числа призван в армию директор института тов. Куликовский¹ и

¹ Куликовский Василий Васильевич – директор Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в 1939–1941 гг. Погиб в 1941 году.

нижеподписавшийся вступил в исполнение его обязанностей [с 23 августа – авт]. <...> 30-го августа мы получили предписание военного командования прервать занятия на две недели и вывезти коллектив, кроме стариков и инвалидов, на оборонно-строительные работы. Предписание выполнено, наш коллектив на этих работах отмечен как передовой. <...> Всего нами было зачислено 316 человек. Многие не явились, т. к. заявления ими были поданы давно – при совершенно иных условиях. Из СНК КрымАССР нам в конце августа было сообщено, что предполагается эвакуация института. <...> Затем 3-го и 4-го сентября нам разъяснили, что вывозить будут лишь ценное имущество и профессорско-преподавательский состав, т. е., по существу, ликвидировать институт. После этого мы 6-го сентября отправили на имя Потемкина¹ телеграмму, в которой просили эвакуировать институт как целое, т. е. со студентами и в такой город, где можно было бы развернуть работу» [9, л. 55–55 об.].

Рис 2. Симферополь. Разрушенное в годы Великой Отечественной войны здание Пассажа Анджело (в настоящее время – проспект Кирова, 19). Фото Б. Фельдмана. 1950 г.

23 сентября 1941 года сотрудники института, 60 контейнеров имущества вуза специальным эшелоном были доставлены в Керчь². Предполагая возможные

¹ Потемкин Владимир Петрович – Народный комиссар просвещения РСФСР в 1940–1946 гг.

² После эвакуации вуза из Симферополя учебный корпус института был передан Штабу Армии. Позже в нем располагался военный госпиталь немецкой армии.

трудности размещения института в Краснодарском крае, В. М. Боровский телеграфировал И. Г. Клабуновскому: «За невозможностью разместиться в Краснодарском крае просим назначения в Казахстан, по возможности в Чимкент» [9, л. 58]. 27 сентября 1941 года сотрудники симферопольского пединститута прибыли в Краснодар, продолжив преподавательскую деятельность на базе Краснодарского государственного педагогического и учительского института имени 15-летия ВЛКСМ. Имущество Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе эвакуировано из Керчи в Новороссийск, позже – в Махачкалу.

Опасения В. М. Боровского подтвердились, 1 октября 1941 года он сообщил Народному комиссару просвещения РСФСР В. П. Потемкину: «По прибытии Пединститута в Краснодар подтвердилось, что разместиться в городе или в крае возможности нет. Отправляемся в Казахстан, где коллектив выполнит распоряжение о развертывании занятий. Просим санкционировать размещение института в Чимкенте» [9, л. 61]. 21 октября 1941 года во время очередного авиационного налета на территории Краснодарского государственного педагогического и учительского института имени 15-летия ВЛКСМ разорвался один из снарядов. Учитывая стремительное приближение к Краснодару линии фронта, принято решение о дальнейшей эвакуации в Дагестанскую АССР.

В начале ноября сотрудники пединститута прибыли в Махачкалу. 22 ноября 1941 года издано постановление СНК Дагестанской АССР № 1190/114 «О слиянии эвакуированного Крымского пединститута с Дагестанским пединститутом»: «Ввиду отсутствия возможности для размещения и сохранения самостоятельности эвакуированный Крымский педагогический институт временно слить с Дагестанским пединститутом. Предложить Наркомпросу (тов. Магомедову) пересмотреть штат работников института исходя из принципа сохранения наиболее ценных научных работников при максимальной экономии государственных средств. Учебное оборудование и имущество Крымского пединститута передать на хранение Дагестанскому пединституту. Директору пединститута товарищу Зайцеву и председателю Махачкалинского городского совета товарищу Гасанову принять меры к размещению профессорско-преподавательского состава и студентов Крымского пединститута. Сохранить за работниками Крымского пединститута, принятыми в состав работников объединенного Пединститута, право вернуться на работу в Крым, когда это представится возможным». Профессорско-преподавательский состав из Симферополя во многом восполнил кадровый дефицит местного вуза, часть сотрудников крымского института заняли руководящие должности: профессор В. М. Боровский – заведующий кафедрой зоологии, профессор Е. Ф. Скворцов – заведующий кафедрой математики, доцент Ф. С. Загородских – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, доцент А. И. Германович – заведующий кафедрой русского языка, доцент Н. А. Лебедев – заместитель директора по отделению заочного обучения. Учебный процесс был восстановлен к 26 ноября. К этому времени были укомплектованы студенческие группы, пересмотрены программы по дисциплинам, налажена педагогическая практика на базе средних учебных заведений Махачкалы [2, с. 48]. В декабре 1941 года В. М. Боровский рапортовал в Управление педагогических вузов НКП РСФСР:

«Крымпединститут приступил к работе в Махачкале. Подробное донесение почтой» [9, л. 63].

Осенью 1942 года, с приближением фронта к Северному Кавказу, принимается решение об эвакуации объединенного вуза в районный центр Дагестана – село Касумкент¹, расположенное в труднодоступной горной местности близ границы с Азербайджаном, в 185 км от Махачкалы. Несмотря на отсутствие элементарных бытовых условий², учебный процесс не был прерван. Занятия проводились в здании местной школы после окончания школьных уроков. Детальную информацию о функционировании объединенного высшего учебного заведения в с. Касумкент выявить не удалось, документальные свидетельства в рассматриваемых фондах архивохранилищ за данный период отсутствуют. Детально восстановлена деятельность пединститута начиная с весны 1944 года, с момента подготовки его к реэвакуации в Симферополь.

Рис 3. Симферополь. Разрушенное в годы Великой Отечественной войны здание бывшего Архиерейского подворья. В 1955 г. на этом месте построена гостиница «Украина» (в настоящее время – ул. А. Невского, 7). Фото 1945 г.

¹ Ныне – административный центр Сулейман-Стальского района Дагестана.

² «По прибытии в Касумкент коллектив объединенных институтов разместился на частных квартирах, а также в здании бывшей библиотеки, где в одной небольшой комнате проживали восемь преподавателей. Нелегко было привыкнуть к отсутствию элементарных удобств, земляным полам, неотапливаемым помещениям, постоянным очередям в столовой, плохому освещению. Особенно тяжело приходилось в осенние и зимние месяцы, когда по ночам донимали холода, а дожди и грязь делали дороги непроходимыми. Многие студенты и преподаватели переболели малярией» [5, с. 146].

28 апреля 1944 года, когда Крымская наступательная операция Красной Армии, целью которой являлось освобождение Крымского полуострова, близилась к успешному завершению, в НКП РСФСР поступил запрос председателя Крымского СНК Сейфулаева о возможности возвращения вуза в Симферополь: «Прошу Ваших указаний о реэвакуации Крымпединститута, находящегося в Махачкале» [11, л. 4]. 10 мая 1944 года в НКП РСФСР из Крымского НКП отправлено подтверждение возможности размещения вуза в его бывших корпусах: «Главный корпус и ряд других помещений сохранились. Требуется небольшой ремонт. Имеется полная решимость начала работы в Пединституте» [11, л. 8]. Согласно распоряжению заместителя комиссара народного просвещения С. П. Котлярова от 19 мая 1944 года В. М. Боровский назначен уполномоченным Народного комиссариата просвещения по восстановлению Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Ему предписывалось прибыть в Симферополь и совместно с народным комиссаром Гавриленко выработать дальнейший план действий [11, л. 1]. Через неделю, 26 мая 1944 года, директору Педагогического института в Махачкале от С. П. Котлярова отправлена телеграмма с просьбой «немедленно командировать профессора Боровского в Симферополь» [11, л. 5]. Несмотря на важность мероприятия, с командированием уполномоченного СНК возникли трудности, о чем свидетельствует телеграмма В. М. Боровского В. П. Потемкину: «Несмотря на повторные телеграфные вызовы меня Крымобкомпартом и Крымсовнаркомом для организации восстановления Крымпединститута в Симферополе, меня не отпускают. Не закончил выполнение программ по моим курсам в Дагпединституте. Прошу надлежащих распоряжений [11, л. 6–7]».

Рис 4. Симферополь. Разрушенное в годы Великой Отечественной войны здание железнодорожного вокзала. Фото 1945 г.

Перед отъездом в Симферополь В. М. Боровский «оставил вместо себя доцента Николая Агафоновича Лебедева. Ему была поручена забота о находящемся там коллективе симферопольского вуза и об эвакуированном имуществе» [11, л. 11]. Он же отправил запрос в НКП РСФСР с просьбой «выслать Н. А. Лебедеву в адрес Дагестанского пединститута мандат на право получения имущества Крымпединститута и о назначении Н. А. Лебедева начальником эшелона для реэвакуации; предложить Орджоникидзенской железной дороге предоставить по заявке Лебедева двойной товарный для груза и классный вагон для персонала (всего с семьями около 45 человек); эвакуированное учебное оборудование крымского пединститута упаковать и частично перепаковать, для чего приобрести тару. Кроме того, в Дагестане можно купить некоторые материалы, которых в Крыму нельзя достать (например, оконное стекло), учебники, в Крыму абсолютно дефицитные, и другие книги. Просьба перевести в распоряжение Лебедева через ДПИ на указанные и прочие, связанные с реэвакуацией расходы 30 000 рублей» [11, л. 11].

Рис 5. Симферополь в годы Великой Отечественной войны. Улица К. Маркса

12 июня 1944 года издано распоряжение СНК СССР № 12656-р «О восстановлении Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе». Согласно распоряжению госпиталю № 5411 Народного комиссариата здравоохранения СССР предписывалось освободить бывший учебный корпус по ул. Студенческой, 11 и бывшее общежитие по ул. Студенческой, 10 [10, л. 39 об.–40]. 24 июня 1944 года издано постановление Крымского СНК № 358 о восстановлении Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе [10, л. 94]. Заместителю Народного комиссариата путей сообщения СССР товарищу Арутюнову от заместителя Народного комиссара

просвещения СССР Г. И. Иваненко поступил запрос «о предоставлении Крымскому педагогическому институту в первой декаде августа одного четырехосного товарного вагона и одного классного вагона для реэвакуации имущества и коллектива института из Махачкалы в Симферополь» [11, л. 9]. Согласно телеграмме Г. И. Иваненко от 7 июля 1944 года ответственным за реэвакуацию вуза утверждался доцент Н. А. Лебедев. Для ее реализации в Махачкалу было переведено 30 тысяч рублей [11, л. 10].

Несмотря на указания местного и центрального правительства, учебные корпуса вуза, занимаемые военными медицинскими госпиталями, не были освобождены. 6 июля 1944 года В. М. Боровский вынужден был обращаться в НКП РСФСР с просьбой принять меры: «Все здания Крымпединститута застал захваченными госпиталями или воинскими частями. Хлопоты без результата, распоряжения об освобождении игнорируются. Настоятельно прошу внушения от вышестоящих инстанций» [11, л. 13]. 18 июля 1944 года заместитель народного комиссара просвещения НКП РСФСР П. В. Золотухин отправил запрос в КрымСНК с просьбой «принять меры к скорейшему освобождению учебных и жилых зданий института» [11, л. 12] в рамках подготовки к новому учебному году.

Рис 6. Махачкала. Строительство баррикад на улицах города в годы Великой Отечественной войны

5 августа 1944 года Н. А. Лебедев сообщил заместителю народного комиссара Гаврилову, что «деньги получены, оборудование Крымпединститута готово к отправке», а также просил «срочно выслать списки сотрудников и студентов, подлежащих реэвакуации» [11, л. 12]. 9 августа 1944 года заместитель народного комиссара просвещения РСФСР С. А. Новиков подтвердил Н. А. Лебедеву отправку в Крым: «Дано распоряжение № 3604 Орджоникидзенской дороге о предоставлении в августе четырех крытых товарных вагонов. Станция назначения – Симферополь» [11, л. 18].

В Симферополе В. М. Боровский предпринимал все возможные меры для скорейшего возобновления работы вуза в Крыму. Требовалось не только вернуть в собственность института учебные корпуса, но произвести в них хотя бы минимальный ремонт для возможности организации учебных занятий. Насущной задачей было наладить снабжение вуза как финансами, так и продовольствием, требовалось позаботиться о размещении возвращающихся студентов и профессорско-преподавательского состава, наладить их быт.

Многие аспекты хозяйственно-бытовой жизни института приходилось возрождать практически заново. 15 августа 1944 года В. М. Боровский отправил запрос в УВШ НКП РСФСР: «Просьба устроить через Наркомторг включение на плановое снабжение 350 студентов с 1 сентября до конца года, также внести 200 человек преподавателей и технических работников» [11, л. 27]. Ответ поступил 24 августа 1944 года от заместителя начальника УВШ НКП РСФСР С. Г. Литвинцева: «На Вашу телеграмму о включении студентов, преподавателей и сотрудников института на плановое снабжение Управление высшей школы сообщает, что снабжение вузов, не имеющих отделов рабочего снабжения, производится на общих основаниях через местные органы Наркомторга за счет их продтоварных фондов» [11, л. 26]. Несколько иначе обстояло дело с ремонтом помещений института. 23 августа 1944 года С. Г. Литвинцев телеграфировал В. М. Боровскому: «Средства на реэвакуацию в Крым в сумме 30 тыс. переведены Дагпединституту 18 июля. Кроме того, на ремонт и оборудование Крымскому пединституту переведено 85 тыс. руб. Дополнительные средства на ремонт будут отпущены Вам по получении от Вас технической сметы» [11, л. 25–25 об.].

28 августа 1944 года сотрудники и студенты пединститута вернулись в Симферополь. Указом Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР профессор Е. Ф. Скворцов, доцент Ф. С. Загородских награждены почетными грамотами за активную общественно-политическую работу среди населения Республики. Медалей «За оборону Кавказа» удостоены доценты А. И. Германович, Ф. С. Загородских, Н. А. Лебедев, А. У. Мамин, отличившиеся на строительстве оборонительных рубежей вокруг Махачкалы в 1942 году [6, с. 147]. Работа института в Симферополе была налажена в кратчайшие сроки. 2 сентября 1944 года С. Г. Литвинцев сообщил в отдел педагогических вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР: «При сем препровождается на утверждение штатное расписание Крымского педагогического института. Приложение на 22-х листах» [11, л. 29].

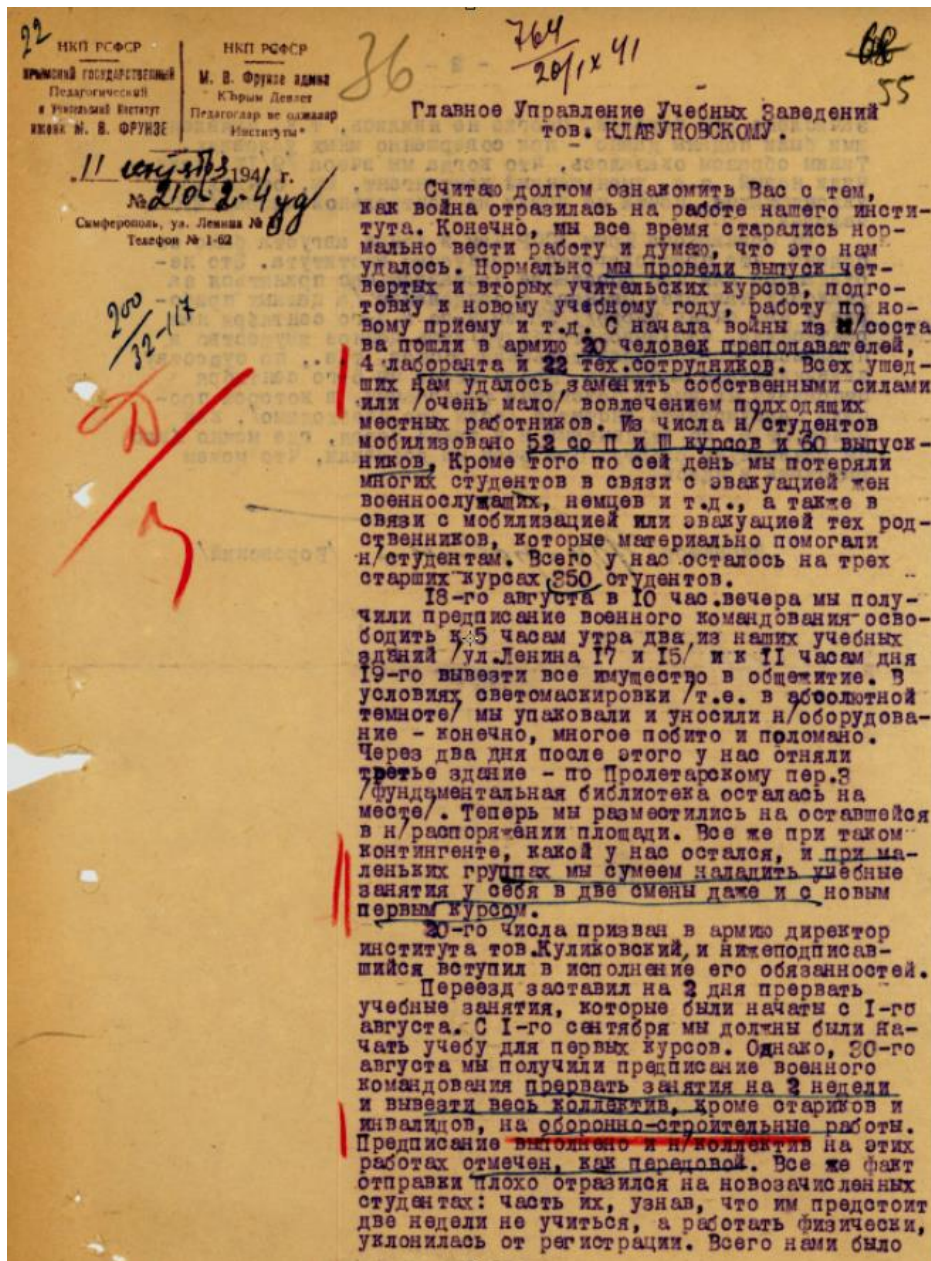

Рис 7. Докладная записка В. М. Боровского начальнику Управления высшей школы Народного комиссариата просвещения РСФСР И. Г. Клубуновскому от 11 сентября 1941 г. о работе института в первые месяцы Великой Отечественной войны (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4073, л. 55)

22 255 255 = МОЛНИЯ КИРОВ ОБЛАСТНОЙ.
Бланк № 63 НАРКОМПРОС
КЛАБУНОВСКОМУ
58
200-115
МЛН КРАСНОДАРА 6201 23 9 1310
За НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ РАЗМЕСТИТЬСЯ
КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ ПРОСИМ
НАЗНАЧЕНИЯ КАЗАХСТАН ЭПТ ВОЗМОЖНОСТИ
ЧИМКЕНТ ТЧК ОТВЕТ КРАСНОДАРСКИЙ ПЕДИНСТИТУТ
= КРЫМСКИЙ ПЕДИНСТИТУТ БОРОВСКИЙ;
Типография № 5. Лештуков пер., 13. Зак. 147-60.000×100.

Рис 8. Запрос В. М. Боровского И. Г. Клабуновскому о возможности размещения вуза в Казахстане (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4073, л. 58)

21/52 ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Бл. № 87 Пров. № 45
Рязанцева Л. Г.
КРАСНОДАРА 9902 44 30 1440
МОЛНИЯ МОСКВА
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ НАРКОМПРОС
ПОТЕМКИНУ
МОЛНИЯ ДВА АДРЕСА МОСКВА ЧИСТЫЕ ПРУДЫ НАРКОМПРОС
ПОТЕМКИНУ КОПИЯ СЕРГИЕНКОВУ. ПРИБЫТИИ КРЫМ ПЕДИНСТИТУТА
КРАСНОДАР ПОДТВЕРДИЛОСЬ РАЗМЕСТИТЬСЯ ГОРОДЕ ИЛИ КРАЕ
ВОЗМОЖНОСТИ НЕТ ТЧК ОТПРАВЛЯЕМСЯ КАЗАХСТАН ЭПТ ГДЕ
КОЛЛЕКТИВ ВЫПОЛНИТ РАСПОРЯЖЕНИЕ РАЗВЕРТЫВАНИИ ЗАНЯТИИ
ТЧК ПРОСИМ САНКЦИОНИРОВАТЬ РАЗМЕЩЕНИИ ИНСТИТУТА
ЧИМКЕНТЕ ТЧК ОТВЕТ АДРЕС КРАСНОДАРСКОГО ПЕДИНСТИТУТА
= КРЫМ ПЕДИНСТИТУТ ДИРЕКТОР БОРОВСКИЙ.

Рис 9. Телеграмма В. М. Боровского Народному комиссару просвещения РСФСР В. П. Потемкину от 1 октября 1941 г. с сообщением об отправлении вуза в Казахстан (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4073, л. 61)

Несмотря на возвращение вуза в Крым, вопрос о размещении преподавателей и студентов продолжал оставаться открытым. 14 сентября 1944 года В. М. Боровский настоятельно просил помощи у председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы (далее – ВКВШ) С. В. Кафтanova: «Убедительно прошу помощи. Распоряжения об освобождении общежития студентов не выполняются. Здания общежития заняты воинской частью. Студенты съезжаются, положение безысходное. Необходимы решительные срочные предписания» [11, л. 36–36 об.]. 28 сентября 1944 года обращение директора вуза начальником отдела педагогических вузов ВКВШ П. И. Поповым переадресовано начальнику УВШ НКП РСФСР М. Н. Орлову: «Отдел педвузов ВКВШ предлагает Вам принять срочные меры по обеспечению студентов Крымского педагогического института общежитиями. О результатах сообщить в Комитет телефонограммой» [11, л. 35].

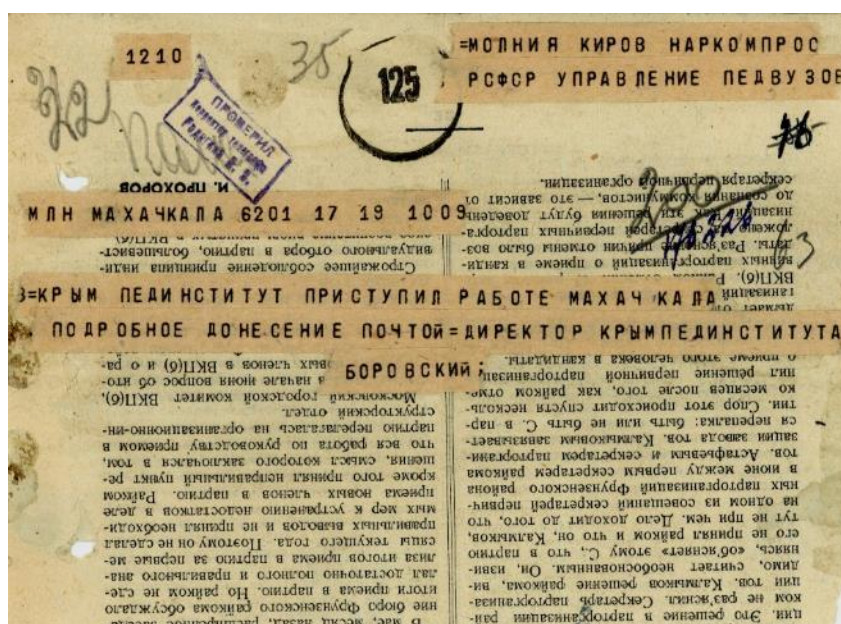

Рис 10. Телеграмма В. М. Боровского в Управление педагогических вузов НКП РСФСР с сообщением о начале работы вуза в Махачкале (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4073, л. 63)

Перед началом первого послеоккупационного учебного года после эвакуации крымским правительством была организована проверка института на предмет его готовности к возобновлению занятий, что подтверждает письмо председателя СНК Крым АССР А. Ф. Кабанова от 4 октября 1944 года заместителю председателя СНК РСФСР Г. В. Перову: «В соответствии с Вашим телеграфным указанием № 268-9 нами была организована проверка подготовки к началу учебного года в Крымском медицинском, Педагогическом и учительском институте. Проверка показала, что, несмотря на трудности работы этих институтов, связанных с недавней оккупацией

Крыма, все же институтами проведена большая работа, давшая возможность 1-го октября начать учебный год. План набора студентов, утвержденный Медицинскому и Педагогическому институтам, выполнен. <...> По Педагогическому институту вместо 270 студентов на первый курс зачислено 278 человек. Помещениями для учебных занятий институты обеспечены, ремонт их произведен частично Трестом гражданского строительства. <...> Заготовка дров институтами ведется своими силами на выделенных им делянках леса. В связи с чрезвычайно большим напряжением с транспортом и отсутствием лимитов на горючее к завозу топлива институты не приступили. В институтах отсутствует мебель. Изготовить мебель для институтов мы не можем в связи с отсутствием лесоматериалов. Медицинский институт имеет свое подсобное хозяйство, а Педагогическому институту хозяйство будет выделено в ближайшее время. Для обеспечения нормальной работы институтов в наступившем учебном году СНК КрымАССР просит Вас оказать помощь в получении для вузов следующих материалов: 1. Для изготовления столов, стульев и др. инвентаря – лесоматериалов; 2. Стекла для остекления окон в учебных корпусах и общежитиях; 3. Выделить в четвертом квартале 1944 г. институтам для вывозки дров 4 тонны горючего» [11, л. 44, 45].

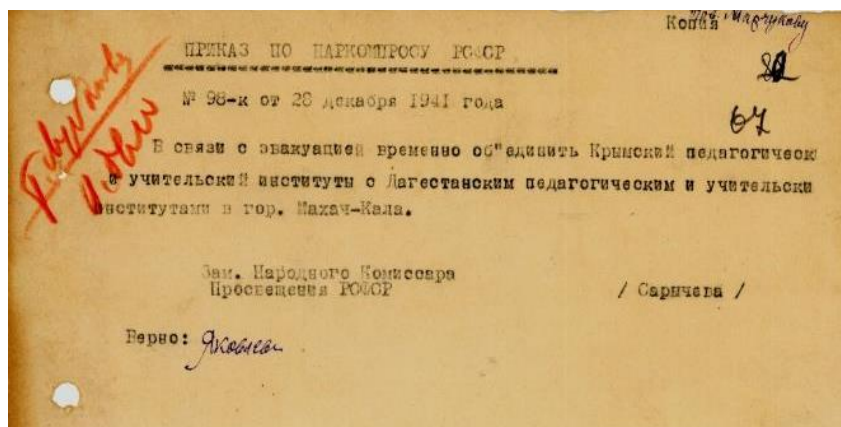

Рис 11. Копия приказа по НКП РСФСР № 98-К от 28 декабря 1941 г. «Об объединении Крымского и Дагестанского педагогических институтов» (ГАРФ, ф. А- 2306, оп. 70, д. 4073, л. 67)

В ответ на рекомендации А. Ф. Кабанова С. А. Новиков вынужден был сообщить: «НКП РСФСР не имеет возможности в ближайшее время укрепить материальную базу Крымского государственного педагогического института, как того требует положение вуза, возобновившего работу на освобожденной от оккупации территории. Из строительных материалов по фондам третьего квартала института выделено 1000 м провода, по фондам четвертого квартала – 300 кг гвоздей, 200 кв м оконного стекла и 2000 м электрошнура. Фондов на лесоматериалы в распоряжении НКП РСФСР не имеется. Бензина выделено институту в октябре 200 кг, в ноябре – 100 кг. [так в документе]. Для оборудования

общежитий института в ноябре выделено 1500 м хлопчатобумажных тканей. Потребность КГПИ в оборудовании и материалах НКП РСФСР учтена и будет удовлетворяться по мере возможности» [11, л. 43].

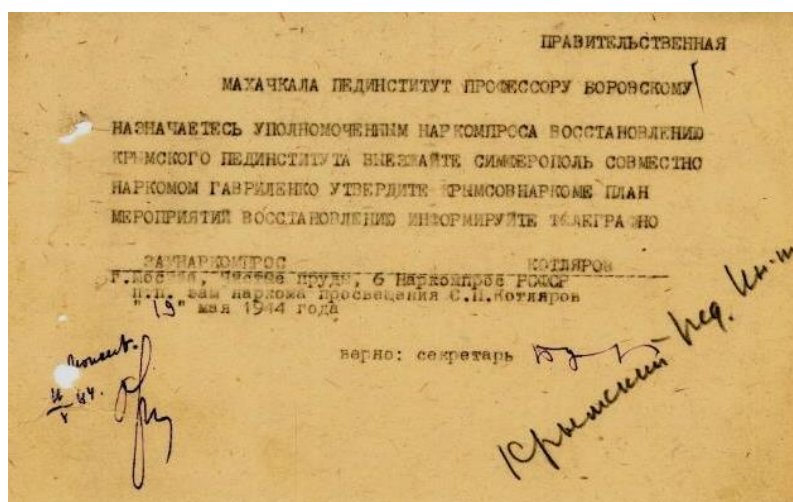

Рис 12. Распоряжение заместителя комиссара народного просвещения С. П. Котлярова от 19 мая 1944 г. о назначении В. М. Боровского уполномоченным Народного комиссариата просвещения по восстановлению Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 1)

14 октября 1944 года В. М. Боровский рапортовал П. В. Золотухину: «Занятия начали 2-го октября. Зачислено на первые курсы 297, явилось 203. На старшие курсы зачислено 220, явилось 130. Продолжают приезжать. Учебный корпус в нашем распоряжении, общежитие обещано освободить к первому ноября» [11, л. 37]. Восстановление учебных корпусов продолжилось и после начала учебных занятий, частично силами студентов и преподавателей. 24 октября 1944 года М. Н. Орлов уведомил В. М. Боровского: «Управление высшей школы НКП РСФСР сообщает, что 17 октября сего года дано указание НКП Крымской АССР об отпуске КПИ 500 метров стекла из отпущенных ему фондов. Наряд на бензин Главснабпросом будет дан в первой декаде ноября» [11, л. 38]. 27 октября 1944 года В. М. Боровский вновь обратился с просьбой в УВШ НКП РСФСР: «Крымский педагогический институт просит Вашего ходатайства перед соответствующими инстанциями о выделении КПИ одной полутонной автомашины советского производства. До войны Крымспединститут имел три грузовых и одну легковую автомашину. Сейчас запросы к транспорту много больше, чем до войны, так как Институту приходится возить из районов мебель, сено, солому, дрова и продукты. Между тем, СНК КрымАССР выделил для института две трофейных трехтонных машины, настолько истрепанные, что они все время находятся в ремонте» [11, л. 42].

Рис 13. Запрос в Совет народных комиссаров РСФСР председателя Крымского СНК Сейфулаева от 28 апреля 1944 г. о возможности возвращения симферопольского пединститута в Симферополь (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 4)

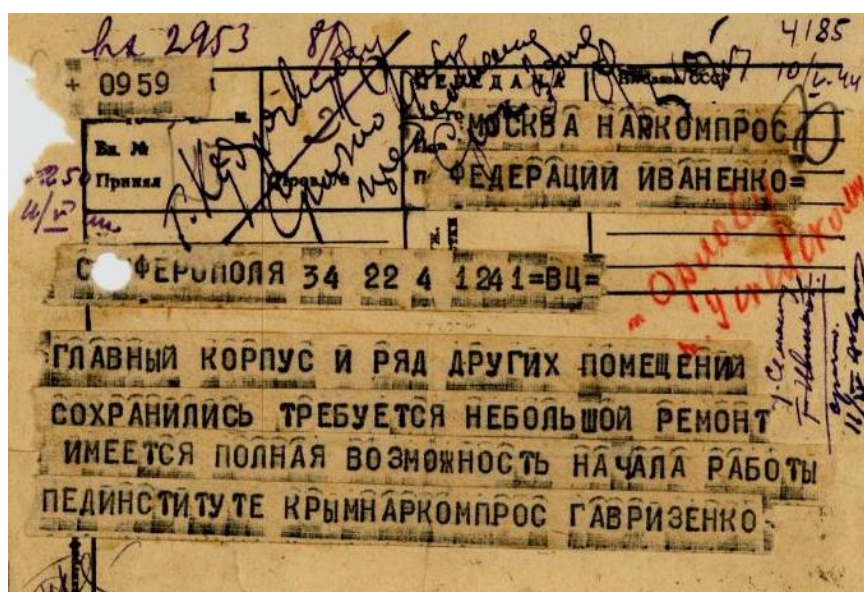

Рис 14. Телеграмма Крымского Народного комиссариата просвещения в НКП РСФСР от 10 мая 1944 г. с сообщением о возможности размещения вуза в его бывших корпусах (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 8)

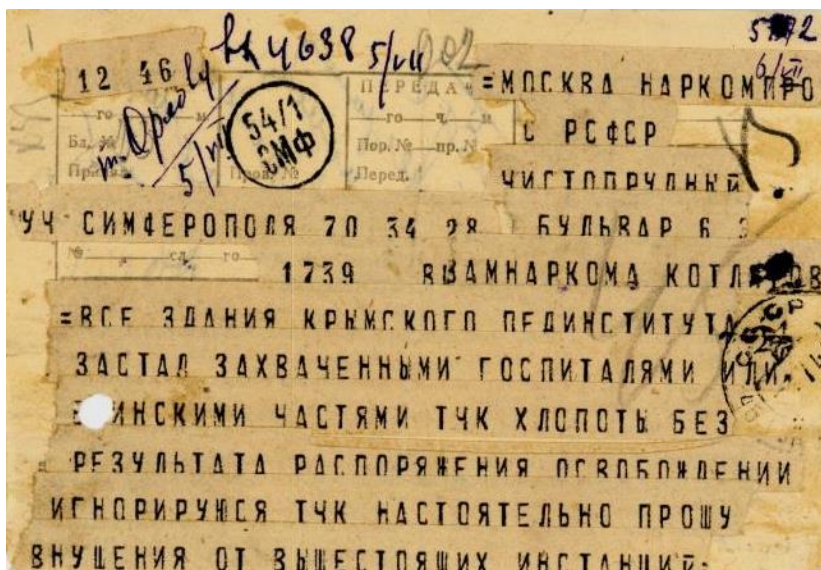

Рис 15. Обращение В. М. Боровского в Народный комиссариат просвещения РСФСР от 6 июля 1944 г. с просьбой оказать содействие в освобождении корпусов института (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 13)

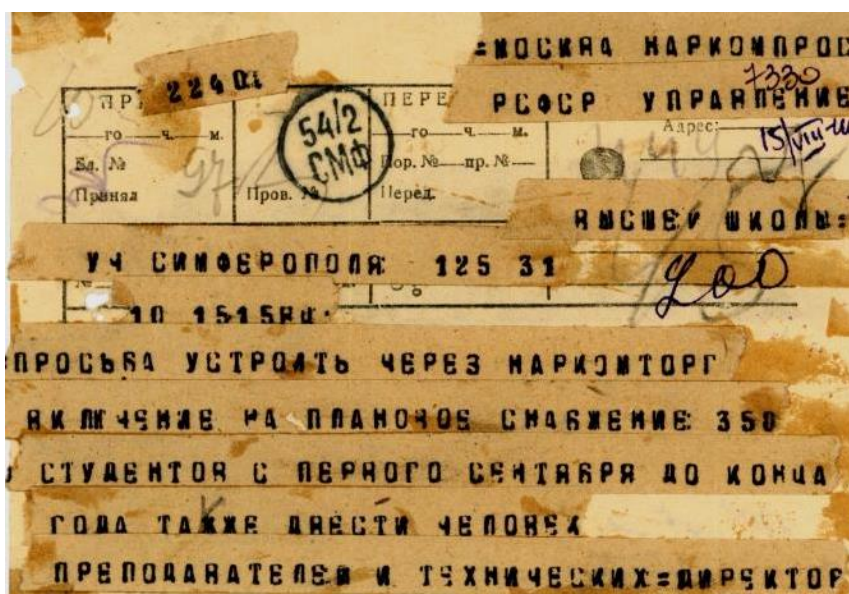

Рис 16. Запрос В. М. Боровского в Управление высшей школы Народного комиссариата просвещения РСФСР от 15 августа 1944 года о включении на плановое снабжение студентов и сотрудников вуза (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 27)

К концу 1944 года Крымскому педагогическому институту им. М. В. Фрунзе не удалось получить в свое распоряжение все здания и учебные корпуса, принадлежавшие ему до начала Великой Отечественной войны. Подтверждением этому является обращение В. М. Боровского от 28 ноября 1944 года М. Н. Орлову: «Крымпединституту необходимо получить вновь ранее принадлежавшее ему здание по улице Студенческой 13/11. На втором этаже здания, где ранее помещался студенческий клуб, имеется единственная большая аудитория, которой может располагать институт. Это единственное помещение, где можно собрать всех студентов, где можно устраивать для них какие-либо развлечения. На нижнем этаже здания необходимо оборудовать студенческую столовую, для которой другого помещения абсолютно не имеется. Сейчас наши студенты питаются в одной из столовых города, что связано с большими неудобствами и вызывает со стороны студентов справедливые нарекания. Здание, повторяем, нам совершенно необходимо. Однако, несмотря на постановление СНК СССР, оно до сих пор не освобождено, его занимает отделение одного из городских госпиталей. Настоятельно просим Вас принять возможные меры для содействия Крымпединституту в деле возвращения означенного здания» [11, л. 53, 54].

Рис 17. Запрос начальника Отдела педагогических вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы П. И. Попова от 28 сентября 1944 г. о возможности обеспечения студентов вуза общежитиями (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4565, л. 35)

23 декабря 1944 года издано постановление СНК КрымАССР № 20/3 «О материально-хозяйственном состоянии Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе», в котором отмечалась ненадлежащая подготовка вуза к началу

учебного года, его неудовлетворительное материально-техническое оснащение: «Заслушав доклад директора Крымского педагогического института профессора Боровского, СНК Крымской АССР отмечает, что наряду с выполнением плана набора студентов Институт начал учебный год совершенно неподготовленным к занятиям. Ремонт зданий не закончен, мебель отсутствует, заготовка топлива в установленные правительством сроки сорвана. Институт до сего времени не укомплектован профессорско-преподавательским и административно-управленческим персоналом. В институте совершенно отсутствует своя продовольственная база, подсобное хозяйство не организовано, столовая для студентов не открыта. Такое тяжелое положение института явилось результатом того, что директор института т. Боровский не уделяет хозяйственным делам Института должного внимания, передоверяет этот важнейший участок работы разным лицам, не контролирует работу хозяйственного аппарата» [10, л. 7–7 об.]. Согласно постановлению, все выявленные нарушения предписывалось устранить в кратчайшие сроки.

Докладная записка В. М. Боровского «О состоянии института на 1 февраля 1945 г.» красноречиво подводит промежуточный итог первоначального этапа восстановления Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе после его возвращения в Симферополь: **«Помещения института.** Из пяти зданий, ранее принадлежавших институту, возвращены только три. Настоятельно необходимо вернуть институту в ближайшее время здание бывшего клуба (Студенческая, 11). В этом здании институт имел единственную аудиторию, в которой можно объединить всех студентов для сводных лекций и собраний. В нижнем этаже необходимо открыть столовую для студентов, для этой цели он специально приспособлен. Здание нового общежития (Студенческая, 10) надо освободить для института не позже апреля, чтобы успеть отремонтировать его к новому учебному году. Учебный корпус нуждается в капитальном ремонте и частичной пристройке, чтобы восполнить три полностью разрушенных здания. Имеющаяся площадь недостаточна. <...>.

Ремонт помещений. В здании администрации и библиотеки требуется закончить остекление, провести побелку, ремонт крыши, полов. <...> В учебном корпусе, кроме вышеупомянутого капитального ремонта, требуются в других частях здания штукатурочные и побелочные работы, остекление, исправление центрального отопления, установка водопровода и электросети. В старом общежитии оборудовать прачечную и душевую, умывальные и кипятильник. Ремонт окон и дверей, побелка, оборудование гаража и ремонт конюшен <...>.

Оборудование хозяйственное и учебное. Самый острый недостаток в мебели. Нужны столы, стулья и табуретки, шкафы и полки для книг, приборов и реактивов. Нужен хозяйственный инвентарь. Ввиду того, что все оставшееся в Симферополе учебное оборудование, т. е. 9/10 того, чем владел институт, разрушено фашистскими вандалами, институт крайне нуждается в физических, химических и биологических приборах, посуде, реактивах, коллекциях и моделях и т. п.

**«РАБОТАЛИ НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО»: КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ...**

Книжный фонд. Фашистами уничтожена вся социально-экономическая и военная литература, художественная литература советского периода и многие другие книги библиотеки института.

О СОСТОЯНИИ ИНСТИТУТА НА 1-ое ФЕВРАЛЯ 1945г.

В. М. Боровской
26/2

Помещения: Из пяти зданий, ранее принадлежавших институту, возвращены только три. Настоятельно необходимо вернуть институту в ближайшее время здание бывшего здания /Студенческая, 11/. В этом здании институт имеет единственную аудиторию, в которой проводятся лекции и собрания всех студентов для общих лекций и собраний. В нижнем этаже необходимо открыть столовую для студентов, для этой цели он специально приспособлен. Здание нового общежития /Студенческая, 10/ необходимо освободить для института на позавтрак, чтобы иметь отремонтировать его к новому учебному году. Учебный корпус нуждается в капитальном ремонте и частичной пристройке, чтобы восполнить три полностью разрушенных здания. Имеющаяся учебная недостаточна. напр., кафедра химии имеет 17 необходимых кабинетов, располагает только четырьмя.

Бернуть институту здания по Студенческой ул. №11 и 10. Ассигновать средства и выделить материалы для капитального ремонта учебного корпуса ул. Дени-на, 17/.

Ремонт помещений.

1/ В здании администрации и Библиотеки требуется: закончить остекление, произвести побелку, ремонт крыши, полов, соорудить перегородки в двух комнатах, вторые рамы в окнах.

2/ В учебном корпусе кроме вышеупомянутого капитального ремонта, требуется в других частях здания штукатурные и побелочные работы, остекление, и распределение центрального отопления, установка водопровода и электросети.

3/ В старом общежитии оборудовать прачечную и душевую, установить и кипятильник; ремонт окон и дверей, побелка, оборудование гаража и ремонт конюшен. На той же территории восстановить астрономический кабинет с наблюдательной будкой и помещение военной библиотеки кафедры.

Ассигновать соответствующие средства и выделить материалы.

Оборудование х-м. и учебно-науч. кабинетов.

В учебном корпусе остро ощущается недостаток мебели. Нужны столы, стулья и табуретки, шкафы и полки для книг, приборов и реактивов. Нужен хозяйственный и противопожарный инвентарь. Ввиду того, что все оставшееся в Симферополе учебное оборудование, т.е. 9/10 того, чем владел институт, разрушено фашистскими вандалами, институт крайне нуждается в физико-химических, химических и биологических приборах, посуде и реактивах, коллекциях и моделях и т.п.

Выделить материалы, приборы и реактивы. Ассигновать на только на текущие потребности, но и на приобретение. Сумму на восстановление фонда.

Книжный фонд.

Фашистами уничтожены все социально-экономическая и военная литература, худ. литература советского периода и многие другие книги библиотеки института.

Снабдить библиотеку недостающими книгами.

Рис 18. Докладная записка В. М. Боровского «О состоянии института на 1 февраля 1945 г.» (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4784, л. 25)

Транспорт. Большинство пробелов института имеет основной причиной отсутствие транспорта. Две переданные институту трофейные автомашины оказались настолько разбитыми, что принесли очень мало пользы. <...> Между тем, потребность в транспорте очень велика, особенно еще в связи с тем, что подсобное хозяйство, отведенное институту, находится в 51 километре от города. Две старые лошади, которыми располагает институт, никак не могут обеспечить даже внутригородских перевозок.

Нефтепродукты и спирт. Выделяемые НКП ежемесячные наряды на 100 литров бензина здесь не отовариваются. Кроме того, количество явно недостаточно. Далее институт вовсе не получает керосина, что, при отсутствии электроосвещения, делает невозможными вечерние занятия, а так как купить керосина в городе невозможно, то не имеют освещения научные работники, ни студенческое общежитие. Наряд на спирт не был отоварен до 1-го января и теперь зачеркнут.

Подсобное хозяйство. Лишь недавно состоялось решение о выделении институту подсобного хозяйства. Для того, чтобы начать весенние работы, необходимо на участке возвести самые примитивные постройки, получить мертвый и живой инвентарь, семена, две автомашины, регулярное снабжение горючими и смазочными материалами.

Бытовые условия. Плохо поставлено снабжение всех работников института. Институт не имеет своего ОРС. Магазины, к которым прикреплены работники института, недоотovarивают по установленным нормам или снабжают недоброкачественными продуктами. Это относится даже к научным работникам первой категории. Служащие института при крайне низких ставках, не обеспечивающих прожиточного минимума, вовсе не имеют продуктовых карточек. Это не дает возможности институту создать работоспособный аппарат. <...> Студенты получают обед в одной из столовых города. Питание неудовлетворительно и сопряжено с большой потерей времени. Открыть столовую при институте не удалось, т. к. нет надлежащего помещения и оборудования, а главное, нет топлива. Институт очень нуждается в квартирах для размещения своих педагогов. Ряд профессоров и доцентов размещен в учебном корпусе в комнатах, совершенно не приспособленных для жилья. Несмотря на неоднократные настойчивые просьбы и несостоявшееся постановление ОК ВКП(б) горисполком Симферополя до сих пор не предоставил институту ни одной квартиры. Даже реэвакуированным профессорам не возвращают квартир, ранее ими занимавшихся» [10, л. 25–26].

Согласно письму М. Н. Орлова заместителю начальника отдела драгоценных металлов народного комиссариата финансов СССР Е. А. Маренкову от 15 сентября 1945 года предписывалось вернуть ценное лабораторное оборудование в институт [10, л. 209].

Благодаря героической, во многом самоотверженной работе сотрудников Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе и, прежде всего, его директора В. М. Боровского в годы Великой Отечественной войны, большую часть которой пришлось провести в вынужденной эвакуации, удалось не только сохранить вуз, но и в кратчайшие сроки наладить его работу,

преодолевая многочисленные трудности, сопровождающие военное время. После возвращения института в Симферополь сразу же была организована работа по его полноценному восстановлению, что позволило в дальнейшем Крымскому государственному педагогическому институту им. М. В. Фрунзе не только не утратить лидирующие позиции в регионе, но и стать одним из ведущих научно-образовательных центров в стране.

Список использованных источников и литературы

1. В. И. Вернадский и Таврический университет: движение сквозь время: фотоальбом / авт.-сост. Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. Симферополь: Ариал, 2013. 48 с.
V. I. Vernadskii i Tavricheskii universitet: dvizhenie skvoz' vremya: fotoal'bom / avt.-sost. N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov. Simferopol': Arial, 2013. 48 s.
2. Загородских Ф. С., Зайцев В. Л., Секиринский С. А. История Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе: 1918–1959. Симферополь: Крымиздат, 1960. 124 с.
Zagorodskikh F. S., Zaitsev V. L., Sekirinskii S. A. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze: 1918–1959. Simferopol': Krymizdat, 1960. 124 s.
3. История Таврического университета / под ред. Н. В. Багрова. Киев: Лыбидь, 2003. 243 с.
Istoriya Tavricheskogo universiteta / pod red. N. V. Bagrova. Kiev: Lybid', 2003. 243 s.
4. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального: история в документах и фотографиях / сост. Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. Симферополь: Ариал, 2014. 360 с.
Na poroge stoletiya. Ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo: istoriya v dokumentakh i fotografiyakh / sost. N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov. Simferopol': Arial, 2014. 360 s.
5. Непомнящий А. А. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2017. Т. 3(69), № 1. С. 69–78.
Nepomnyashchii A. A. «Imel mnogo blagodarnostei i neodnokratno byl premirovan»: dekan istoricheskogo fakul'teta i zaveduyushchii kafedroi istorii SSSR Fedor Zagorodskikh // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». 2017. T. 3(69), № 1. S. 69–78.
6. Сидякин В. Г., Шарапа В. Ф. Очерки истории Симферопольского государственного университета: 1918–1993. Симферополь: Таврида, 1993. 414 с.
Sidyakin V. G., Sharapa V. F. Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta: 1918–1993. Simferopol': Tavrida, 1993. 414 s.
7. Таврический университет: времена и люди. 90 лет служения науки / авт.-сост. Н. В. Бержанский, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович. Киев: Лыбидь, 2008. 294 с.
Tavricheskii universitet: vremena i lyudi. 90 let sluzheniya nauki / avt.-sost. N. V. Berzhanskii, V. F. Sharapa, G. Yu. Bogdanovich. Kiev: Lybid', 2008. 294 s.
8. Таврический университет: документы и материалы / авт.-сост. Н. В. Багров, В. Ф. Шарапа, Г. Ю. Богданович. Киев: Лыбидь, 2008. 288 с.
Tavricheskii universitet: dokumenty i materialy / avt.-sost. N. V. Bagrov, V. F. Sharapa, G. Yu. Bogdanovich. Kiev: Libid', 2008. 288 s.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. А–2306: Народный комиссариат просвещения РСФСР: 1917–1945, Министерство просвещения РСФСР: 1946–1988, оп. 70 д. 4073: Переписка с Крымским пединститутом о контингенте учащихся, утверждении экзаменационных комиссий, работе института, учебной нагрузке преподавателей и по др. вопросам, 16 января – 28 декабря 1941, л. 1–80.
GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii), f. A–2306: Narodnyi komissariat prosveshcheniya RSFSR: 1917–1945, Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR, 1918–1988, op. 70 d. 4073: Perepiska s Krymskim pedinstitutom o kontingente uchashchikhsya, utverzhdenii ekzamenatsionnykh

komissii, rabote instituta, uchebnoi nagruzke prepodavatelei i po dr. voprosam, 16 yanvarya – 28 dekabrya 1941, l. 1–80.

10. ГАРФ, ф. А–2306, оп. 70, д. 4784: Переписка с Крымским пединститутом о восстановлении и работе института, утверждении экзаменационных комиссий, контингенте учащихся и по др. вопросам, 3 января – 31 декабря 1945, л. 1–251.

ГАРФ, ф. А–2306, оп. 70, д. 4784: Perepiska s Krymskim pedinstitutom o vosstanovlenii i rabote instituta, utverzhdenii ekzamenatsionnykh komissii, kontingente uchashchikhsya i po dr. voprosam, 3 yanvarya – 31 dekabrya 1945, l. 1–251.

11. ГАРФ, ф. А–2306, оп. 70, д. 4565: Переписка с Крымским пединститутом об организации факультета иностранных языков, подготовке к уч. г. и по др. вопросам, 19 мая – 10 ноября 1944, л. 1–78.

ГАРФ, ф. А–2306, оп. 70, д. 4565: Perepiska s Krymskim pedinstitutom ob organizatsii fakul'teta inostrannykh yazykov, podgotovke k uch. g. i po dr. voprosam, 19 maya – 10 noyabrya 1944, l. 1–78.

Nepomnyashchiy A. A., Lomakin D. A., Bebashko E. V. «Worked despite of everything»: M. V. Frunze Crimean teacher training institute in years of the Great Patriotic war: (on the basis funds of the State archive of the Russian Federation)

On the basis of extensive archival material from the fund of People's Commissariat of Education of the RSFSR (file A-2306 «People's Commissariat of Education of the RSFSR: 1917–1945, Ministry of Education of the RSFSR: 1946–1988») of the State Archives of the Russian Federation (SARF, Moscow), the history of M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute during the Great Patriotic War has been restored. Various groups of documents have been widely used: correspondence of the director of the institute V. M. Borovsky with numerous authorities on the functioning of the university; directives, decisions of state institutions, reflected in the activities of the CSPI; reporting and planning documentation of the Institute; materials of inspections of the educational institution by the supervising bodies for its readiness to conduct training sessions during the period under review. The activity of the higher educational institution during the forced evacuation to the territory of Dagestan ASSR (Makhachkala, later – village of Kosumkent) has been systematized. The stage of restoration of the activity of the university after its re-evacuation to Simferopol has been examined in detail; the measures for preparing for the beginning of the first academic year in the Crimea in the autumn of 1944 have been examined. The material is presented in the form of chronological annals that do not need excessive comments by the author.

Keywords: M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, Great Patriotic War, evacuation, Dagestan ASSR.

УДК 904

К РЕКОНСТРУКЦИИ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ НА РУБЕЖЕ XIV–XV ВВ.

Степаненко В. П.

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
v.stepanenko49@mail.ru*

Мангупской базилике уделено внимание в трудах как археологов, так и историков архитектуры. К сожалению, большинство исследователей до недавнего времени интересовал лишь вопрос времени построения базилики. Часть их вслед за А. Л. Якобсоном датирует ее появление VI в., часть, следуя концепции Е. В. Веймарна, – не ранее VIII в. При этом последующие этапы ее существования вплоть до 1475 г. характеризуются «в общем и в целом», часто речь идет об одном этапе X–XV вв. Как известно, в конце XIV в. Мангуп был разрушен, что традиционно связывается с походом на Крым полководцев Тимура в 1295 г. До нас дошли надпись сотника (?) Тцитс..., датированная правлением Тохтамыша, и фрагменты надписи 1403 г. из дворца, к нему не относящейся. На наш взгляд, имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в том числе и самой базилики, не дают четкого ответа на вопрос о времени ее реконструкции. Это может быть как конец XIV в., так и начало правления кира Алексея в I четверти XV в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Таврика, Мангуп, княжество Феодоро, базилика, дворец, Тохтамыш, Алексей.

Мангупской базилике уделено внимание в трудах как археологов, так и историков архитектуры [1]. К сожалению, большинство исследователей до недавнего времени интересовал лишь вопрос о времени построения базилики. Часть их вслед за А. Л. Якобсоном датирует ее появление VI в. [2], часть, следуя концепции Е. В. Веймарна, – не ранее VIII в. [3]. При этом последующие этапы ее существования вплоть до 1475 г. характеризуются «в общем и в целом», часто речь идет об одном этапе X – XV вв [4].

В последней по времени появления работе по данной проблематике Н. И. Бармина именно так датирует четвертый период функционирования базилики, полагая, что «не ранее первой половины XV в. поменялся ее внешний облик. Появилась новая алтарная часть: к древнему полукружию была пристроена дополнительная кладка четырехступенчатого синтрона с Горним местом. Плитовой вымосткой была выложена алтарная ниша и солея... Перестали функционировать галереи. Были заложены дверные проемы, соединявшие базилику с ее боковыми пределами. На этом пространстве постепенно стал складываться могильник. В 1420-х гг. появился дворец князя Алексея, что, видимо, обусловило торжественное оформление южного входа в храм резными карнизами. В середине XV в. был заложен центральный порог, что связано с появлением второй линии обороны, прошедшей в непосредственной близости от базилики с западной стороны» [5]. На наш взгляд, все здесь не столь однозначно. Во-первых, неизвестно как

функционировала базилика в X–XIV вв. По крайней мере никакой информации об этом нет. Во-вторых, крайне фрагментарный исторический и археологический материал дает возможность вариативной его трактовки применительно как раз к периоду конца XIV–XV вв.

Рис. 1. (смотри объяснение в тексте)

Так, например, известна надпись из башни в Табан-дере на Мангупе, выполненная на фрагменте плиты из **проконнесского** мрамора, по-видимому, являющейся фрагментом порога ранней базилики (рис. 1) [6]. Надпись гласит «Была по[строена от] основ [ания] усилием Тзитс.... [гека?]тонтарх[а]...при прав[лении] Тохтам[ыша]...в году» [7]. Н. В. Малицкий приводит мнение

Ф. А. Брауна, полагавшего, что плита была взята из какой-либо мангупской церкви, и в тексте надписи говорится об основании храма и его основателе. Но так как надпись датирована правлением хана, по-видимому, Тохтамыш (1380–1395), то вслед за В. В. Латышевым Н. В. Малицкий полагал, что речь идет о каком-то гражданском сооружении [8]. Башня пострадала во время захвата Мангуша турками в 1475 г. и была восстановлена с использованием материала разрушенной базилики, включая фрагменты резного портала южного входа.

Рис. 2. (смотри объяснение в тексте)

Другие фрагменты портала находились *in situ* вплоть до 70-х гг. прошлого века и позже были переданы в Бахчисарайский музей-заповедник (рис. 2) [9]. Как следствие, есть основание предполагать происхождение надписи из базилики. К сожалению, не сохранился декор южной абсиды, известный по фото Р. Х. Лёпера (рис. 3). Считается, что кладка абсиды была перенесена из другой церкви [10], но описание ее Р. Х. Лёпером [11] явно не совпадает с тем, что следует из его же фото. На фотографии явно видны сполли – вставленные в абсиду вторично использованные блоки портала, отношения к ней не имеющего, но, возможно, происходящие из той же церкви, что и сама абсида. Так как по ширине он был меньше абсиды, то справа пространство между ее углом и вертикальным блоком портала было заложено кладкой из рваного камня [12]. Создается впечатление, что это могло произойти после 1475 г., когда для нужд местной христианской общины восстановили южный неф разрушенной базилики. Что касается синтрона, что изначально он мог появиться уже в XIV в., которым В. Зайбт датирует матрицу

печати митрополита Готии Иакова, найденную под Мангупом [13], где, по видимому, располагалась его резиденция, и лишь был восстановлен после 1395 г.

В целом создается впечатление, что базилика была воссоздана в прежних габаритах, исключая галереи. В противном случае не было бы необходимости вставлять резной портал в дверной проем южной стены собственно базилики. Возникает вопрос о времени реконструкции здания. Здесь возможны два варианта: либо ордынский период, либо феодоритский.

Рис. 3. (смотри объяснение в тексте)

Вернемся к надписи из башни в Табан-дере. Сотник(?) Тцитс...восстанавливает «от основания» неизвестное же сооружение в правление Тохтамыша. Половина башни построена из вторично используемых блоков, включая и фрагменты порталов базилики (1475). Какое-либо «гражданское сооружение» вокруг не просматривается. Что касается дворца, то, по предварительным итогам последнего этапа археологических исследований, сооружение пережило два периода существования. Второй – феодоритский, датированный надписью князя Алексея [14]. Предшествующий период исследователи датируют как минимум XIV в., что дает основание связать разрушение дворца (и базилики) с известным по описанию Матфея разгромом Мангупа в период борьбы Тохтамыша с Тимуром [15]. Показательно, что надпись 1361/2 гг. сотника Хуйтани о постройке крепостных стен

была найдена во вторичном использовании в обкладке могилы в базилике. Учитывая дату надписи, можно предположить, что стены второй линии обороны частично были разрушены именно во 2 половине XIV в. Возможно, что и восстановлены они были на рубеже XIV–XV вв. Тогда и закладка порталов нартекса базилики могла быть синхронна реконструкции южного, ставшего главным входом в базилику. Вероятно, как предполагают исследователи, это могло быть связано с реконструкцией стены второй линии обороны, оказавшейся в непосредственной близости от юго-западного угла базилики и сделавшей невозможным вход в храм с запада [16]. Но возможен и иной вариант – украшение южного портала было связано с тем, что юго-восточнее располагался дворец... Он, в свою очередь, имеет два строительных периода. И хронологический разрыв между 1395 г (**terminus ante quem** надписи Тцитс..) и началом строительной деятельности Алексея (1403?) [17] не так уж велик.

Рис. 4. (смотри объяснение в тексте)

Н. И. Бармина полагает, что после описанного Матфеем погрома конца XIV в. базилика не была восстановлена и служба велась лишь в южном нефе, тогда как основная часть постройки была превращена в кладбище [18]. Но если связать надпись с базиликой, что вероятно, то она была восстановлена без галерей, в пользу чего свидетельствует нахождение блоков портала *in situ* во **внутреннем** проеме двери, ведущей из южной галереи в собственно храм (фото Р. Х. Лёпера). Тохтамыш правил в 1380–1395 гг. Феодоритский же период истории Мангука до недавнего времени датировался 1–3 четвертями XV в. И если надпись, к какому бы сооружению она не относилась, датируется до 1395 г. и если Тцитц. действительно сотник, восстановление здания, казалось бы, предшествует правлению Алексея. Но

известны фрагменты **мраморной** плиты с пышным декором в стиле декора надписей Алексея 1425 и 1427 гг. с датой 1403 г., найденные в руинах дворца (рис. 4) [19]. Если она относится к базилике, что вполне вероятно, тогда и восстановительные работы на Мангупе после погрома конца XIV в., в том числе и в базилике, он лишь продолжил.

На Мангупе Алексею приписывается постройка донжона цитадели, дворца и октогона [20]. Вне Мангупа были построены Каламита и Фуна [21], возможно, при ктиторстве владетеля восстановлена базилика в Партените [22]. Но показательно, что донжоны Мангупа (1425) и Фуны (1459) строятся с использованием немногим более ранних по времени резных надгробий, в том числе и для украшения порталов и оконных проемов [23]. При реконструкции базилики споллии не использовались. На обратных сторонах вторично использованных плит портала цитадели появляется мотив т. н. сельджукской цепи, известный по многим памятникам Крыма XIV–XV вв. [24]. При этом следует отметить, что здесь он выполнен менее профессионально, нежели на портале южного входа базилики и, вероятно, позднее [25]. В этой связи следует обратить внимание на резной декор раздавленного надгробия, найденного Р. Х. Лёпером около нартекса базилики (рис. 5). По уровню исполнения оно резко отличается даже от резьбы портала базилики, не говоря уже о портале цитадели. Это один из лучших памятников данного периода в Крыму и, вероятно, более ранний по времени. Вырезан он явно неместным резчиком. Впрочем, вряд ли резьба портала южного нефа выполнена местным каменотесом. Мастер мог прибыть из Солхата и даже из Малой Азии [26].

Рис. 5. (смотри объяснение в тексте)

Напомним, что в погребении центрального нефа базилики был обнаружен поясной набор, датируемый М. Г. Крамаровским 2 половиной XIV в [27], т. е. т. н. золотоордынским периодом истории Мангупа, контуры которого в настоящее время лишь просматриваются [28]. При этом атрибуция пояса собственно Крыму или Малой Азии остается открытой. Важно то, что в ордынский период базилика продолжала функционировать, будучи отстроенной «от основания» или нет. В первом случае это могло бы иметь место в правление Тохтамыша (1380–1395).

Точная дата захвата «агарянами» Мангупа неизвестна. Мнение о тотальном разрушении города обосновано и исторически, и археологически [29], но Матфей должен был от кого-то получить информацию о катаклизме. Как следствие, какая то часть населения все же уцелела. Посещение Матфеем городища датируется весной 1396 г [30]. В то же время создается впечатление, что семь лет осады – не более чем риторическая фигура, авторская гипербола [31]. Это время «великой замятни» в Золотой Орде, когда после поражения в борьбе с Тимуром (кампания 1388–1389 гг.) Тохтамыш воевал в Крыму против Бек Пулада (1391/2), осаждая Солхат. Но окончательный удар по ордынскому Крыму был нанесен после поражения хана при Тереке (1395), когда войска Тимура разгромили города северо-востока, включая тот же Солхат [32]. Так что реально Мангуп мог пострадать уже в конце 80-х – начале 90-х гг. Отсюда и какие-то работы на городище в данный период, документированные надписью Тцитс....

Но в настоящее общепринятым и традиционным остается второй вариант – реконструкция сооружений Мангупа в феодоритский период, а именно в правление кира Алексея в 1 трети XV в. Действительно, едва ли не главной причиной восстановления дворца явилась его соседство с базиликой (несмотря на то, что у «князя» появилась парадная резиденция – донжон цитадели с залом для приемов и даже «революционным» для Крыма туалетом). Как следствие – в любом случае она была бы отстроена одновременно с дворцом и крепостными стенами, что обусловило перенос входа в базилику на юг и украшение южного входа резным порталом.

В целом наша информация о реконструкции базилики в ордынский и (или) феодоритский периоды более чем неопределенна. Вероятны работы в 80–90 гг. XIV в. до или после погрома 1395 г.(?) [33] (надпись Тцитс...). Второе предпочтительнее, если принять реконструкцию текста надписи «от основания». Но больше оснований принять начало XV в., включив реконструкцию базилики в общий контекст строительства кира Алексея. В пользу этого строительство донжона цитадели и реконструкция расположенных рядом с базиликой крепостной стены и дворца. Смущает лишь отсутствие строительной надписи кира, которая должна была существовать, если, конечно, это не пышно орнаментированная надпись 1403 г., к тому же выполненная на мраморной плите [34]. Можно констатировать, что, несмотря на общепринятую традицию приписывать все и вся на Мангупе кире Алексею, вопросов здесь остается больше, чем ответов [35].

Список использованных источников и литературы

1. Лёпер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 году // ИАК. – М., 1913. Вып. 47. – С. 146–154; Тиханова М. А. Мангуп (отчеты раскопок 1938 г). Базилика / М. А. Тиханова // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.,–Л.: АН СССР, 1953. – С. 334–389 (МИА; № 34); Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – МИА; № 63. – М. – Л.: АН СССР, 1959. – С. 29, 196–197; Якобсон А. Л. Из истории византийской архитектуры в Крыму: Мангупская базилика / А. Л. Якобсон // СА, 1940, 6. С. 205–226; Бармина Н. И. Мангупская базилика от возникновения до разрушения / Н. И. Бармина // Россия-Крым-Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции. Севастополь 6–10 сентября 2004 г. Екатеринбург: УрГУ. 2004. С. 260–265; Бармина Н. И. Хронология Мангупской базилики: (опыт изучения) / Н. И. Бармина // АДСВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – Вып. 36. – С. 305–318; Бармина Н. И. Контурные перемены: Мангупский памятник в контексте истории Крымского средневековья / Н. И. Бармина // АДСВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – Вып. 33. – С. 21–28; Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики / Н. И. Бармина // ТГЭ. – СПб.: ГЭ, 2008. – Т. XLII. С. 305–313; Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа / В. П. Кирилло // Археология Крыма. Т. I. – № 1. Симферополь. 1997. С. 89–97; Кирилло В. П. Двухабсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика / Кирилло В. П. // Археологический альманах 28. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судак. Донецк.: Донбасс. 2012. С. 189–224.
1. Leper R. H. Arheologicheskie issledovanija na Mangupe v 1912 godu / R. H. Leper // IAK. – М., 1913. Vyp. 47. – С. 146–154; Tihanova M. A. Mangup (otchety raskopok 1938 g). Bazilika / M. A. Tihanova // Arheologicheskie pamjatniki Jugo-Zapadnogo Kryma (Hersones, Mangup). – М.,–Л.: АН СССР, 1953. – С. 334–389 (МИА; № 34); Jakobson A. L. Rannesrednevekovyj Hersones // М. – Л.: АН СССР, 1959. – С. 29, 196–197 (МИА; № 63); Jakobson A. L. Iz istorii vizantijskoj arhitektury v Krymu: Mangupskaja bazilika / A. L. Jakobson // SA, 1940, 6. С. 205–226; Barmina N. I. Mangupskaja bazilika ot vzniknovenija do razrushenija / N. I. Barmina // Rossija-Krym-Balkany: dialog kul'tur. Nauchnye doklady mezhdunarodnoj konferencii. Sevastopol' 6–10 sentjabrja 2004 g. Ekaterinburg: UrGU. 2004. S. 260–265; Barmina N. I. Hronologija Mangupskoj baziliki: (opyt izuchenija) / N. I. Barmina // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2005. – Vyp. 36. – С. 305–318; Barmina N. I. Kontury peremen: Mangupskij pamjatnik v kontekste istorii Krymskogo srednevekov'ja / N. I. Barmina // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2002. – Vyp. 33. – С. 21–28; Barmina N. I. Jetapy zhizni Mangupskoj baziliki / N. I. Barmina // TGJe. – SPb.: GJe, 2008. – Т. XLII. S. 305–313; Kirilko V. P. Vizantijskaja arhitektura Mangupa / V. P. Kirilko // Arheologija Kryma. T. I. – № 1. Simferopol'. : Juzhnorodskie vedomosti. 1997. S. 89–97; Kirilko V. P. Dvuhabsidnye hramy Tavriki // Drevnjaja i srednevekovaja Tavrika / Kirilko V. P. // Arheologicheskij al'manah 28. Sbornik statej, posvjashhennyj 1800-letiju goroda Sudak. Doneck.: Donbass. 2012. S. 189–224.
2. См. Айбабин А. И. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 44.
- Aibabin A. I. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ja. IV–XIII veka. М. Nauka, 2003, s. 44.
3. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма / Веймарн Е. В. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев.: Наукова думка. 1968, С. 83–96; Бармина Н. И. Контурные перемены., С. 21–28; Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики. С. 305–313.
- Vejmarn E. V. O dvuh nejasnyh voprosah srednevekov'ja Jugo-Zapadnogo Kryma / Vejmarn E. V. // Arheologicheskie issledovanija srednevekovogo Kryma. Kiev.: Naukova dumka. 1968, S. 83–96; Barmina N. I. Kontury peremen., S. 21–28; Barmina N. I. Jetapy zhizni Mangupskoj baziliki., S. 305–313.
4. Так, Н. И. Бармина выделила пять этапов, отнеся появление собственно базилики к 3 – в конце IX – начале X вв. 4й – X–XV вв., 5й – после 1475 г. (Этапы жизни., С. 310). В. П. Кирилло – три этапа, датируя их начало соответственно 1) VI–VII вв., 2) рубежом IX– X вв. 3) 1 пол. XV вв. (Двухабсидные церкви., С. 208). Реально прослеживаются период построения базилики V в. I или рубеж IX–X вв. и последний – с конца XIV в. по 1475 г. X веку приписывается капитальный ремонт базилики с укладкой напольной мозаики. Следует отметить, что четких критериев для периодизации истории базилики все еще не существует, кроме, пожалуй, последнего, феодоритского периода. Но и здесь не все пока понятно. Так, Н. И. Бармина выделила pjat' jetapov, otnesja pojavlenie sobstvenno baziliki k 3-v konce IX–nachale X vv. 4j – X–XV vv., 5j – после 1475 г. (Jetapy zhizni., S. 310). В. П. Кирилло – три jetapa, datiruja ih

nachalo sootvetstvenno 1) VI–VII vv., 2) rubezhom IX – X vv. 3) 1 pol. XV vv. (Dvuhabsidnye cerkvi., S. 208). Real'no proslezhivajutsja period postroenija baziliki V v. I ili rubezh IX–X vv. i poslednij – s konca XIV v. po 1475 g. X veku pripisyvaetsja kapital'nyj remont baziliki s ukkladkoj napol'noj mozaiki. Sleduet otmetit', chto chetkih kriteriev dlja periodizacii istorii baziliki vse eshhe ne sushhestvuet, krome, pozhaluj, poslednego, feodoritskogo perioda. No i zdes' ne vse poka ponjatno.

5. Бармина Н. И. Этапы жизни, С. 312.

Barmina N. I. Jetapy zhizni, S. 312.

6. Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи ГЕКАТОНТАРХА(?) ТЦИТС... / В. П. Степаненко // МАИЭТ. Симферополь. : КОИВ НАНУ. 2008. – Вып. XIV. – С. 485–490 и библиография.

Stepanenko V. P. K interpretacii mangupskoj nadpisi GEKATONTARHA(?) TCITS... / V. P. Stepanenko // MAIJeT. Simferopol'. : KOIV NANU. 2008. – Vyp. XIV. – S. 485–490 i bibliografija.

7. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа / Н. В. Малицкий // Известия ГАИМК. Л., ГАИМК. – 1933. Вып. 71. – С. 5. Перевод – Байер Х. – Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодо-ро. Екатеринбург. : УрГУ. 2001. – С. 189.

Malickij N. V. Zametki po jepigrafike Mangupa / N. V. Malickij // Izvestija GAIMK. L., GAIMK. – 1933. Vyp. 71. – S. 5. Perevod – Bajer H. – F. Istorija krymskih gotov kak interpretacija Skazaniya Matfeja o gorode Feodoro. Ekaterinburg. : UrGU. 2001. – S. 189.

8. Малицкий Н. В. Заметки., С. 5.

Malickii N. V. Zametki., S. 5.

9. Они зафиксированы Р. Х. Лёпером в момент раскопок базилики: Фото № 1749 из архива Бахчисарайского дворца-музея. Мои благодарности А. Г. Герцену за предоставление фотографии и сделанные по ходу работы замечания.

Oni zafiksirovany R. H. Leperom v moment raskopok baziliki: Foto № 1749 iz arhiva Bahchisarajskogo dvorca-muzeja. Moi blagodarnosti A. G. Gercenu za predostavlenie fotografii i sdelannye po hode raboty zamechanija

10. Дата перенесения в базилику ее точно не определена. По мнению Н. И. Барминой, это произошло а правление Алексея – «не ранее середины XV в.». – Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики., С. 312.

Data perenesenija v baziliku ee tochno ne opredelena. Po mneniju N. I. Barminoj, jeto proizoshlo a pravlenie Alekseja – «ne ranee serediny XV v.». – Barmina N. I. Jetapy zhizni Mangupskoj baziliki., S. 312.

11. «Малая южная абсида сохранилась сравнительно хорошо выше человеческого роста. Ее преграда из гладких каменных плит с двумя восьмigrанными же колонками, которые наверху посредством углов (как турецкие колонны), переходят в четы-рехгранные капители которые наверху посредством углов, обделанных в виде сталактитов. Колонки совершенно свежие, капители сохранили следы красной краски. На одной из них густой красной же краской написано, повидимому, 'Ιω(άννης) ἐτελιότη(= ἐτελειώθη)». Лёпер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе, С. 149.

«Malaja juzhnaja absida sohranilas' sravnitel'no horosho vyshe chelovecheskogo rosta. Ee pregrada iz gladkih kamennyh plit s dvumja vos'migrannymi zhe kolonkami, kotorye naverhu posredstvom uglov (kak tureckie kolonny), perehodjat v chetyrehgrannye kapiteli kotorye naverhu posredstvom uglov, obdelannyh v vide stalaktitov. Kolonki sovershenno svezhie, kapiteli sohranili sledy krasnoj kraski. Na odnoj iz nih gusto krasnoj zhe kraskoj napisano, povidimomu, 'Ιω(άννης) ἐτελιότη(= ἐτελειώθη)». – Leper R. H. Arheologicheskie issledovanija na Mangupe, S. 149.

12. Мои благодарности В. П. Кирилло за участие в дискуссии относительно принадлежности блоков собственно базилике. Мои благодарности В. П. Kirilko за uchestie v diskussii odnositel'no prinadlezhnosti blokov sobstvenno bazilike.

13. См. В. Зайбт. Иаков, митрополит Готии и его печать (XIV в.) / В. Зайбт // МАИЭТ. Симферополь. : Антиквa. 2018. – Вып. XXII. – С. 299–305. В то же время кладка синтрона закрыла собой более раннюю фреску центральной абсиды.

Seibt V. Jacob, Metropolitan of Gothia and his seal (the XIVth century) / V. Seibt // MAIET. Simferopol. : Antiqua. 2018. – Issue. XXII. – P. 299–305. At the same time, the laying of the sintron closed an earlier fresco of the Central absida.

14. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа., С. 7; Якобсон А. Л. Дворец / Мангуп (отчеты раскопок 1938 г.) / А. Л. Якобсон // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М., – Л. : АН СССР, 1953. – С. 390–418 (МИА; № 34).

Malickij N. V. Zametki po jepigrafike Mangupa., S. 7; Jakobson A. L. Dvorec / Mangup (otchety raskopok 1938 g.) / A. L. Jakobson // Arheologicheskie pamjatniki Jugo-Zapadnogo Kryma (Hersones, Mangup). – M., – L. : AN SSSR, 1953. – S. 390–418 (MIA; № 34).

15. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангуп-ского городища / А. Г. Герцен. В. Е. Науменко // ТГЭ. – СПб. : ГЭ, 2008. – Т. XLII, 2008. – С. 387–419.

Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskij kompleks tret'ej chetverti XV v. iz raskopok knjazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishha / A. G. Gercen. V. E. Naumenko // TGJe. – SPb. : GJe, 2008. – Т. XLII, 2008. – С. 387–419.

16. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс., с. 414, прим. 19.

Gercen A. G., Naumenko V. E. Arheologicheskij kompleks., с. 414, prim. 19.

17. На это обратил внимание Х. Ф. Байер (История крымских готов., С. 205–206).

Na jeto obratil vnimanie H. F. Bajer (Istorija krymskih gotov., S. 205–206)

18. Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики., С. 312. Но ср. Кирилло В. П. Двухабсидные храмы Таврики., С. 208–210.

Barmina N. I. Jetyapy zhizni Mangupskoj baziliki., S. 312. No sr. Kirilko V. P. Dvuhabsidnye hramy Tavriki., S. 208–210.

19. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа., С. 25.

Malickij N. V. Zametki po jepigrafike Mangupa., S. 25

20. Из двух надписей одна точно связана со дворцом, вторая же, найденная вне Мангупа, то с Каламитой, то с цитаделью и октогоном на Мангупе. См. Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием Храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро? / А. Г. Герцен // Климентовский сборник. Материалы VI межд. конференции «Церковная археология: Херсонес – город св. Климента». Севастополь. : Телескоп. 2013. – С. 118–128.

Iz dvuh nadpisej odna tochno svjazana so dvorcom, vtoraja zhe, najdennaja вне Mangupa, to s Kalamitoj, to s citadel'ju i oktogonom na Mangupe. Sm. Gercen A. G. O pervonachal'nom mestonahozhdenii nadpisi s upominaniem Hrama svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro? / A. G. Gercen // Klimentovskij sbornik. Materialy VI mezhd. konferencii «Cerkovnaja arheologija: Hersones – gorod sv. Klimenta». Sevastopol'. : Teleskop. 2013. – S. 118–128

21. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг. Киев. : Стилос. 2005. – С. 8; Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита / Е. В. Веймарн // История и археология средневекового Крыма. М. : АН СССР, 1958. – С. 55–62;

Kirilko V. P. Krepostnoj ansambl' Funy 1423–1475 gg. Kiev. : Stilos. 2005. – S. 8; Vejmar E. V. O vremeni vzniknovenija srednevekovoj kreposti Kalamita / E. V. Vejmar // Istorija i arheologija srednevekovogo Kryma. M. : AN SSSR, 1958. – S. 55–62.

22. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Партенитская базилика / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Христианский Восток. СПб., – М. : ГЭ – Индрик. 2013. – Т. 6. – С. 487. Adaksina S. B., Myts V. L. Partenitskaja bazilika / S. B. Adaksina, V. L. Myts // Hristianskij Vostok. SPb., – M. : GJe – Indrik. 2013. – Т. 6. – С. 487.

23. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны., С. 81. Kirilko V. P. Krepostnoj ansambl' Funy., S. 81.

24. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь. : Сонат. 2001 – С. 160–161. Ajbabina E. A. Dekorativnaja kamennaja rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv. Simferopol'. : Sonat. 2001. – S. 160–161

25. Там же. Там же.

26. Степаненко В. П. Малая Азия и Крым в XIV веке / В. П. Степаненко // Откровения древнего Солхата. Материалы между-народной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» (Коктебель, 18–19 октября 2010 г.). Керчь, 2012. С. 119–124 и библиография.

Stepanenko V. P. Malaja Azija i Krym v XIV veke / V. P. Stepanenko // Otkrovenija drevnego Solhata. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sohranenie kul'turnogo i

istoricheskogo nasledija Kryma» (Koktebel', 18–19 oktjabrja 2010 g.). Kerch', 2012. S. 119–124 i bibliografija.

27. Крамаровский М. Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (Предварительное сообщение) / М. Г. Крамаровский / АДСВ – Екатеринбург.: УрГУ, 2008. – Вып. 38. – С. 278–295.

Kramarovskij M. G. Sel'dzhukskie pojasa v Krymu i na Severnom Kavkaze v XIV v. (Predvaritel'noe soobshhenie) / M. G. Kramarovskij / ADSV – Ekaterinburg. : UrGU, 2008. – Vyp. 38. – S. 278–295.

28. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // Золотоордынская цивилизация, Казань, 2016. № 9. – С. 247–258; Герцен А. Г., Науменко В. Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ империя и полис: Материалы VIII научной конференции. Севастополь. 2016. – С. 34–38; Степаненко В. П. Некоторые вопросы истории Мангупа «Феодоритского периода» // Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай (4–8 сентября 2012 г.). Симферополь, 2012. С. 21–23.

Gercen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishha v Jugo-Zapadnom Krymu / A. G. Gercen, V. E. Naumenko // Zolotoordynskaja civilizacija, Kazan', 2016. № 9. – С. 247–258; Gercen A. G., Naumenko V. E. K rannej istorii knjazhestva Feodoro: istoriko-arheologicheskij kommentarij / A. G. Gercen, V. E. Naumenko // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. imperija i polis. Materialy VIII nauchnoj konferencii. Sevastopol'. 2016. – S. 34–38; Stepanenko V. P. Nekotorye voprosy istorii Mangupa «Feodoritskogo perioda» / V. P. Stepanenko // Bahchisarajskie nauchnye chtenija pamjati E. V. Vejmarna. Bahchisaraj (4–8 sentjabrja 2012 g.). Simferopol', 2012. S. 21–23.

29. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея / А. Г. Герцен // АДСВ. – Екатеринбург.: УрГУ, 2001. – Вып., 32. – С. 257–282; Герцен А. Г. Описание Мангупа – Феодоро в поэме иеромонаха Матфея / А. Г. Герцен // МАИЭТ. Симферополь.: КОИВ НАНУ. 2003. – Вып. X. – С. 562–589.

Gercen A. G. Rasskaz o gorode Feodoro. Topograficheskie i arheologicheskie realii v pojeme ieromonaha Matfeja // ADSV. – Ekaterinburg. : UrGU, 2001. – Vyp., 32. – S. 257–282; Gercen A. G. Opisanie Mangupa – Feodoro v pojeme ieromonaha Matfeja / A. G. Gercen // МАИЭТ. Simferopol'. : KOIV NANU. 2003. – X. – S. 562–589.

30. Beyer H.-F. Die Erzählung des Matthaïos von der Stadt Theodoro // BZ, B. 96, heft 1, 2003, S. 31.

31. Ср. «Гедик Ахмед паша «семь раз ходил в поход на эту крепость (Мангуп)». – Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. Перевод, вступ. статья и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь.: Медицентр им. И. Гаспринского. 2017 – С. 82.

Sr. «Gedik Ahmed pasha «sem' raz hodil v pohod na jetu krepost' (Mangup)». – Chelebi Je. Kniga puteshestvij. Krym i sopredel'nye oblasti. Perevod, vstup. stat'ja i komm. E. V. Bahrevskogo. Simferopol'. : Mediacentr im. I. Gasprinskogo. 2017 – S. 82.

32. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск.: Мордовское книжное издательство. 1960. – С. 167–170; Федоров-Давыдов Г. А. Падение Золотой Орды. М.: МГУ. 1973. – С. 157–160.

Safargaliev M. G. Raspad Zolotoj Ordy. Saransk. : Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1960. – S. 167–170; Fedorov-Davydov G. A. Padenie Zolotoj Ordy. M. : MGU. 1973. – S. 157–160.

33. К сожалению, политическая история ордынского Крыма предельно смутна, а информация фрагментарна. До сих пор все рассуждения о ней делаются на основе эксцептов из восточных источников В. Тизенгаузена 1884 г. Последняя по времени издания работа (Р. Ю. Почекуев. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия. 2017) основана на том же объеме информации. Так что кто и когда осаждал Мангуп – неизвестно. Ясно лишь, что во время посещения его Матфеем весной-летом 1396 г. город и его укрепления лежали в руинах.

K sozhaleniju, politicheskaja istorija ordynskogo Kryma predel'no smutna, a informacija fragmentarna. Do sih por vse rassuzhdenija o nej delajutsja na osnove jeksceptov iz vostochnyh istochnikov V. Tizengauzena 1884 g. Poslednjaja po vremeni izdaniya rabota (R. Ju. Pochekuev. Tsari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy. SPb. : Evrazija. 2017) osnovana na tom zhe ob'eme informacii. Tak chto kto i kogda osazhdal Mangup – neizvestno. Jasno lish', chto vo vremja poseshhenija ego Matfeem vesnoj-letom 1396 g. gorod i ego ukrepljenja lezhali v ruinah,

34. Но Э. Челеби в свое время видел на Мангупе больше надписей, чем дошло их до наших дней. – Челеби Э. Книга путешествий., с. 84.

No Je. Chelebi v svoje vremja videl na Mangupe bol'she nadpisej, chem doshlo ih do nashih dnei. – Chelebi Je. Kniga puteshestvij., s. 84.

35. После того, как работа была сдана в печать, вышел МАИЭТ. Вып. XXII со статьей А. Ю. Виноградова «Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа» (с. 278–298). Относительно надписи Тцотц... автор пишет: «Вторичное использование плиты не дает нам возможности установить, что именно было построено (версия В. В. Латышева не подтвердилась, а предположение В. П. Степаненко о наличии здесь базилики ничем не обосновано)». С сожалением приходится констатировать, что коллега не знаком с топографией Мангупа и не читает работ, на которые ссылается [15]. В сотне метров от башни расположена большая базилика, материалы которой были использованы при реставрации башни, половина которой была уничтожена при взятии Мангупа турками. В пользу этого свидетельствует не только извлеченная из кладки надпись на вторично использованном пороге (?) базилики из проконнесского мрамора, но и находящиеся в ней блоки резных порталов базилики с сельджукской плетенкой, т. е. датированные не ранее XIV в.

Posle toho, kak rabota byla sdana v pechat', vyshel MAIET XXII so stat'ej A. YU. Vinogradova «Osnovnye problemy i voprosy izucheniya vizantijskoj ehpiigrafiki' Mangupa» (s. 278–298). Avtor pishet: «Vtorichnoe ispol'zovanie plity ne daet nam vozmozhnosti ustanovit', chto imenno bylo postroeno (versiya V. V. Latysheva ne podtverdilas', a predpolozhenie V. P. Stepanenko o nalichii zdes' baziliki nichem ne obosnovano)». S sozhaleniem prihoditsya konstatirovat', chto kollega ne znakom s topografiej Mangupa i ne chitaet rabot, na kotorye ssylaetsya [15]. V sotne mestrov ot bashni rpspolozhena bol'shaya bazilika, materialy kotoroj byli ispol'zovany pri restavracii bashni, polovina kotoroj byla unichtozhena pri vzatii Mangupa turkami. V pol'zu ehtogo svidetel'svuet ne tol'ko izvlechnaya iz kladki nadpis' na vtorichno ispol'zovannom poroge (?) baziliki iz prokonnesskogo mramora, no i bloki reznih portalov baziliki s sel'dzhukskoj pletenкой, t. e. datirovannye ne ranee XIV v.

V. P. Stepanenko. To the reconstruction of the Mangup basilica at the turn of the XIV-XV centuries.

Mangup basilica is given attention in the works of both archaeologists and historians of architecture. Unfortunately, most researchers until recently were interested only in the question of the time of building the basilica. Part of them followed AL. Jacobson dates her appearance of the VI century, part, following the concept of EV. Weimarn, - not earlier than the VIII century. At the same time, the subsequent stages of its existence until 1475 are characterized "in general and in general", often speaking of one stage of the X–XV centuries. As you know, at the end of the XIV century. Mangup was destroyed, which is traditionally associated with the march to the Crimea commanders of Timur in 1295. We have reached the inscription of the centurion (?) Tsitsits..., dated by the rule of Tokhtamysh and fragments of the inscription of 1403 from the palace, which does not belong to him. In our opinion, the materials at our disposal, including the basilica itself, do not give a clear answer to the question of the time of its reconstruction. This can be both the end of the XIV century, and the beginning of the reign of kir Alexei in the 1st quarter of the 15th century.

Keywords: South-West Crimea, Tavrika, Mangup, Principality of Theodoro, basilica, palace, Tokhtamysh, Alexey.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ГАИМК – Гос. Институт материальной культуры

ИАК – Известия императорской археологической комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, МИА- Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

BZ – Byzantinische Zeitschrift

УДК 94(100) "1939/45":94(497.6)

**ВЕЛИКИЙ МУФТИЙ ХАДЖИ АМИН ЭЛЬ-ХУСЕЙНИ
И «МУСУЛЬМАНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» В БОСНИИ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА
В ВОЕННЫХ УСИЛИЯХ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

Фролов Д. А.

*г. Хабаровск, Российская Федерация
E-mail: dmitrii-benzar@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается деятельность Великого муфтия Иерусалима Хаджи Амина эль-Хусейни в процессе привлечения боснийских мусульман к военно-политическому сотрудничеству с нацистской Германией. На основе широкого комплекса документов из Федерального военного архива ФРГ и Национального архива США показаны значение и роль этого религиозно-политического деятеля в процессе набора иностранных добровольцев в войска СС на примере боснийских мусульман. Проанализирована степень поддержки, которую оказывали лидеры нацистской Германии, религиозному воспитанию среди личного состава 13-й горной дивизии войск СС «Хандшар». Продемонстрировано место ислама в вопросе усиления национально-культурного аспекта при использовании иностранных добровольцев в военных усилиях Третьего Рейха.

Ключевые слова: ислам, национал-социализм, Великий муфтий Хаджи-Амин эль Хусейни, войска СС, Босния и Герцеговина.

4 июля 1974 г. в столице Ливана Бейруте на 79 году жизни в результате сердечного приступа скончался один из самых одиозных арабских политиков Мухаммад Саид Хаджи Амин эль Хусейни. На его похоронах присутствовали тогдашний премьер-министр Ливии Таккидин Солх и палестинский лидер Ясир Арафат, племянник эль-Хусейни. Во время Первой мировой войны эль-Хусейни отличился в качестве офицера турецкой армии и стал участником антибританского военного переворота в Багдаде, подавленного британскими властями в 1941 г. С этого времени судьба радикального арабского политика была неразрывно связана с гитлеровской Германией.

Эль-Хусейни надеялся, что победа нацистов обеспечит освобождение мусульманских народов от колониального гнета Британской империи и будет способствовать уничтожению на Ближнем Востоке ненавистного ему еврейского элемента. Но каким образом позиция эль-Хусейни сыграла на руку лидерам нацистского Рейха? Процесс расширения рамок сотрудничества Германии с иностранными добровольцами к середине 1943 г. существенно отличался от начального периода войны, претерпев значительные изменения. Если изначально в командовании Вермахта доминировала точка зрения набора граждан оккупированных и союзных стран только с позиции военного сотрудничества, то изменение военно-политической обстановки заставило немецкое командование прибегнуть к поиску новых мотивов для набора в свои военные структуры

потенциальных добровольцев. В этом отношении наибольшего успеха достигли воинские формирования нацистской партии (войска СС), возглавлявшиеся одной из наиболее одиозных фигур нацистского режима – рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. Несмотря на расистскую риторику при наборе в войска СС, уже к началу 1943 г. нацистское руководство столкнулось с истощением резервов добровольцев, соответствовавших требованиям расовой теории. Отход от прежних методов комплектации заставил лидеров СС обратить внимание на ещё не задействованные людские резервы стран Юго-Восточной Европы. А именно: образовавшегося после разгрома немцами в апреле 1941 г. Королевства Югославии Независимого государства Хорватии (далее – НГХ).

Рис. 1. Встреча хорватской делегацией эль-Хусейни в аэропорту Загреба

В первую очередь это коснулось проживавшего на территории Боснии и Герцеговины мусульманского населения, соседствовавшего с хорватами в одном государстве и имевшего свои национальные интересы в сотрудничестве с оккупантами. Ярко выраженный национально-культурный характер мусульманской части НГХ не мог не приниматься во внимание Гиммлером, видевшим в боснийцах отдельную от хорватов этническую группу и убежденным в необходимости их использования с военной точки зрения. Чтобы способствовать успешному набору боснийцев в войска СС, Гиммлер пошёл на снижение расовых требований к рекрутам и установил концепцию широкой поддержки ислама национал-социализмом.

Свою роль играли и личные убеждения рейхсфюрера СС, видевшего в исламе религию, которая прекрасно подходила солдатам, поскольку, во-первых, оказывала воспитывающий эффект, а во-вторых – «обещала им встречу с Богом, если они сражались и погибли в бою» [21, в. 67–68].

Рис. 2. Солдаты штабной егерской роты СС за изучением памфлета «Ислам и иудаизм»

Последовавшее 10 февраля 1943 г. разрешение Адольфа Гитлера на создание Хорватской добровольческой дивизии СС отразилось на принятом Гиммлером решении национально-культурного характера – восстановить для солдат-мусульман дивизии права и традиции боснийских полков старой австрийской армии [15, в. 1]. Использование ислама в процессе набора добровольцев открывало для лидеров СС не только далеко идущие военные, но и политические перспективы. Ближайший соратник Гиммлера начальник главного управления СС обергруппенфюрер СС Готтлоб Бергер писал: «Мы стремимся приблизиться ко всему магометанскому миру через хорватскую дивизию босняков, поскольку в данном случае речь идёт о 350 млн человек, которые могут сыграть решающую роль в борьбе с такой мировой империей, как Англия» [6, с. 332]. Посредством создания боснийской дивизии Гиммлер планировал не просто начать масштабный эксперимент по привлечению мусульман в ряды «элитных» войск СС, но и способствовать тесной интеграции ислама и мусульманской культуры в рамки нацистской организации. Впоследствии это позволило рейхсфюреру СС говорить о «абсолютной религиозности»

созданного соединения и акцентировать внимание на аспекте мировоззрения и духа, в рамках которого дивизия «была ориентирована на Восток» [16, в. 2].

Рис. 3. Выступление эль-Хусейни, посвящённое годовщине протеста декларации Бальфура в берлинском Центральном институте ислама. Ноябрь 1943 г.

Именно поэтому приоритетным направлением на пути укрепления показательной связи национал-социализма и ислама Гиммлер считал оказание духовной поддержки боснийской дивизии СС как соединению, чья задача, помимо оказания содействия в «умиротворении» (т. е. в борьбе с партизанами) Боснии, заключалась в политической роли, выраженной идеей «создания моста между Европой и исламским миром» [28, с. 189]. Не последнее место в этом играла и поддержка морали мусульман, которая являлась отражением боевого духа солдат и, как следствие, – боеспособности дивизии. С этой целью лидеры СС и обратили своё внимание на Мухаммада Амина Хаджи эль-Хусейни – пронацистски настроенного Великого муфтия Иерусалима. Сотрудничество военно-политического руководства Германии с эль-Хусейни было предопределено его антибританской позицией, которая полностью отвечала интересам Германии в ведении войны против Англии. В арабском мире Великий муфтий активно пропагандировал идею борьбы исламских стран с «еврейским влиянием» и с первых дней существования нацистского режима стремился заручиться поддержкой Гитлера [8, р. 27–28]. Первая встреча между радикально настроенным исламским политиком и фюрером состоялась 28 ноября 1941 г., где был поднят вопрос о совместном сотрудничестве двух народов в борьбе против мирового еврейства [11, р. 129].

Наиболее точно позицию эль-Хусейни в отношении исламской политики Германии охарактеризовал доклад посла германского министерства иностранных дел в Хорватии Зигфрида Каше: «Точка зрения мусульман ясна. В борьбе за свободу они стоят на стороне Германии, Японии и их союзников. Борьба против Великобритании, направленная на окончательный развал Британской империи, как и борьба против Советской России – многовекового врага ислама. Победа сил Оси станет и победой исламского народа» [24, с. 92].

Рис. 4. В казармах дивизии на учебно-тренировочном полигоне Нойхаммер в Силезии

Ко всему прочему Великий муфтий разделял и нацистскую концепцию «окончательного решения еврейского вопроса» [8, р. 144–145]. 2 февраля немецкими агентами в Загребе было распространено 500 экземпляров памфлета антисемитского содержания на арабском языке. Незадолго до этого, выступая в эфире берлинского радио по случаю дня рождения пророка Мухаммеда, Великий муфтий говорил: «...Евреи собираются превратить арабские страны в убежище для миллионов изгнанных из Европы евреев. Мухаммед полностью изгнал евреев из арабских стран» [8, р. 278–279].

Политическая позиция эль-Хусейни стала для СС важным инструментом в задаче широкого привлечения добровольцев-мусульман для дивизии СС и дальнейшей пропаганды связи ислама и национал-социализма. Следуя намеченным Главным управлением СС планам, был организован визит эль-Хусейни в столицу Хорватии Загреб и боснийские города Баня-Лука и Сараево, длившийся с 30 марта

по 11 апреля 1943 г. [1, s. 164]. Великий муфтий прилетел из Берлина в Загреб на Ju-52 Курта Далюге – начальника Главного управления полиции порядка, в сопровождении нескольких офицеров СС – штурмбанфюрера СС Шульте и унтерштурмфюрера СС Ремпеля. Помимо них Великого муфтия сопровождала команда тайной государственной полиции (Гестапо) в лице гауптштурмфюрера СС Херманна и его двух сотрудников. В Сараево Великого муфтия сопровождали два представителя НГХ: профессор университета доктор Ибрагим Руждич и имам Загреба Вьекослав Иванович. А также итальянские представители – генконсул посольства Италии в Загребе Витторио Гастеллани, а также начальник арабского отдела итальянского МИДа Мелани. Они специально были доставлены на самолете из Рима [3, в. 1]. По прибытии в аэропорт Загреба высокого гостя встречала правительственная делегация во главе с вице-президентом НГХ Джафером Куленовичем, министром внутренних дел Андрией Артуковичем, министром юстиции и религии Мирко Пуком, а также представителями министерства иностранных дел и ряда мусульманских организаций. В этот же вечер по инициативе поглавника НГХ Анте Павелича состоялся торжественный ужин. Хорватский лидер, будучи христианином-католиком, рассчитывал на помощь Великого муфтия в деле сохранения лояльности мусульман к его прогерманскому режиму [24, p. 151].

Рис. 5. Инспекция Великим муфтием Иерусалима подразделений боснийской дивизии СС. Ноябрь 1943 г.

2 апреля эль-Хусейни встретился с мусульманской студенческой делегацией из Загреба, в беседе с которыми выразил озабоченность судьбой ислама и мусульман в мире [9, s. 524]. О боснийцах же Великий муфтий отозвался как о «гордости ислама». Следующим пунктом визита эль-Хусейни стала Бая-Лука. В ней Великий муфтий, помимо встречи с городскими чиновниками, встретился с генерал-лейтенантом Эглсеером, командующим немецкой пехотной дивизией. В период с 5 по 9 апреля Великий муфтий находился в Сараево, где провёл переговоры с губернатором Цанки, бургомистром города, командирами 361-й и 718-й пехотных дивизий (генералы Нейтольд и Кюблер) и оберштурмфюрером СС Карлом фон Кремплером, сотрудником штаба формирования мусульманской дивизии СС, назначенным ответственным за проведение вербовки среди боснийских мусульман [3, b. 2]. За время своего пребывания в Сараево эль-Хусейни встретился с представителями немецких и итальянских оккупационных властей и религиозными деятелями [27, s. 1075]. Приёмы проводились в немецком и итальянском консульствах. Именно в этот период немецким командованием с эль-Хусейни были оговорены будущие права и обязанности солдат [1, s. 166]. Поездка Великого муфтия широко освещалась СМИ – хорватской прессой и Германским информационным бюро. Делегатами от албанских мусульман Великому муфтию в качестве подарка был преподнесён меч [1, s. 164].

Рис. 6. Молитва мусульман-эсэсовцев на полигоне Нойхаммер в честь праздника Курбан-Байрам

Многие из муфтиев жаловались гостю на недостаточную защиту мусульман. В свою очередь эль-Хусейни подчёркивал необходимость их приверженности хорватскому государству, указывая, что мусульмане Хорватии образуют единый фронт с арабами Палестины, Сирии, Египта и других стран в борьбе против

«московских поджигателей, английских головорезов и американских эксплуататоров» за свободу и право на жизнь [9, s. 516]. Обращаясь к добровольцам, исламский политик опирался на элитарный статус войск СС, подчеркивая тем самым более высокое положение солдат мусульманской дивизии перед «остальными солдатами» [25, p. 151].

В своём послании к представителям мусульманского населения эль-Хусейни заверил последних в необходимости вооружения мусульман для защиты от террора сербских партизан – четников. По его мнению, лучшим средством для достижения этой цели как раз и было вступление мусульман в новую дивизию войск СС [29, s. 320]. «Визит Великого муфтия Иерусалима оказал чрезвычайное воздействие. Вера мусульман в Германию вновь ожила», – писал группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Артур Флеспс в письме Гиммлеру [17, b. 1]. В качестве иллюстрированной пропаганды добровольцам дивизии был представлен памфлет «Ислам и еврейство», который должен был стать своеобразным «священным писанием» для солдат, не сомневавшихся в чистоте мотивов Великого муфтия. Памфлет включал в себя две фотографии Великого муфтия, произносящего речь на открытии Исламского института в Берлине 18 декабря 1942 г. совместно с министром народного просвещения и пропаганды доктором Йозефом Геббельсом. Брошюра начиналась словами: «Я или мы, мусульмане, ниже нашего достоинства одновременно употреблять слова "ислам" и "иудаизм", потому что ислам гораздо выше, чем эта религия неверных». Завершался памфлет цитатой Бухари-Муслим авторства Абу Хурайра: «День Страшного Суда придёт, когда мусульмане полностью сокрушат евреев: и тогда каждое дерево, за которым спрятался еврей, скажет: "За мной стоит еврей. Убейте его!"» [26, p. 33].

С 10 по 11 апреля на обратном пути Великий Муфтий задержался в Загребе, где провел длительные переговоры с главой НГХ Анте Павеличем, а с 12 по 14 апреля эль-Хусейни побывал в Вене, где его лично сопровождали рейхсляйтер Бальдур фон Ширах и группенфюрер СС Квернер – высший фюрер СС и полиции оберабшнитта «Дунай». Помимо этого в Вене состоялся прием мусульманских делегаций и членов арабской колонии [3, b. 2].

По возвращению из поездки эль-Хусейни был подготовлен список предложений для нужд Главного управления СС. Сформулированный на основе результатов его визита, список предназначался для анализа и принятия пожеланий Великого муфтия по формированию дивизии. Одно из наиболее важных условий её эффективности Великий муфтий связывал с необходимостью использования дивизии исключительно для защиты Боснии. [11, p. 34]. Нет сомнений в том, что главным аргументом Великого муфтия в пользу вербовочных мероприятий войск СС послужили отчёты о пострадавших в ходе нападений партизан-коммунистов и четников мусульман и притеснений их хорватскими властями. Отмечалась обремененность мусульман налогами и последствия экономических трудностей, которые в скором времени могли способствовать их оттоку с территории Боснии [3, b. 3].

Таким образом, основной задачей дивизии эль-Хусейни видел защиту Боснии и необходимость ограничения влияния в ней католической церкви. Помимо этого

Великий муфтий выразил крайнюю озабоченность фактом поддержки четников итальянцами. Последние, заключив с четниками союз в ряде регионов, вместе противостояли партизанам-коммунистам, на что эль-Хусейни предложил Германии и Италии прекратить какие-либо формы сотрудничества с ними и разоружить четнические отряды [1, s. 93].

Согласно немецким документам, для хорватов визит видного исламского политика оказался неожиданным. Хорватскими правительственными органами была сделана попытка воспрепятствовать встрече эль-Хусейни с представителями боснийских национальных кругов. Однако благодаря содействию фон Кремплера лидерам мусульман удалось провести встречу с Великим муфтием без участия хорватских представителей [18, b. 2]. Примечательно, что немецкий посол в Хорватии Каше, скептически отнесшийся к планам СС по созданию мусульманской дивизии, в качестве демарша отменил свою поездку в Боснию и отказался встречаться с эль-Хусейни, мотивировав это тем, что «личность Великого муфтия его наврядли бы заинтересовала». Прибывший с визитом к Каше эль-Хусейни им принят не был, что группенфюрером СС Артуром Флепсом было расценено как проявление послом грубости и крайне возмутительного поведения [3, b. 3].

Рис. 7. Солдаты 13-й горной дивизии войск СС «Хандшар» в Боснии. Май 1944 г.

О значении, которое придавали нацисты поездке Великого муфтия, красноречиво говорят строки из доклада рейхсфюреру СС Готтлоба Бергера: «Визит верховного муфтия во всех смыслах, особенно в политическом, проходит весьма успешно и позитивно...». Начальник Главного управления СС высоко оценивал роль Великого муфтия, указывая, что многие мусульмане сразу же записывались в дивизию только благодаря его «большому авторитету во всём мусульманском мире». Однако действительно ли визит эль-Хусейни оказал решающее воздействие на стремление мусульман поступать на службу в войска СС, как об этом заявляли ответственные за набор лица? Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать, что благоприятная риторика визита неизменно дополнялась идеологической составляющей и, как показали дальнейшие события, во многом оставалась наиболее значимой именно в рамках пропаганды.

Несмотря на столь положительную оценку роли эль-Хусейни в вербовке мусульман Боснии и Герцеговины, ожидания скорейшего наполнения боснийской дивизии СС оказались преждевременными. Общая нехватка добровольцев, скептицизм ведущих мусульманских политиков вскоре вынудили вербовочные команды СС перейти от принципа широко декларируемой добровольности к силовым методам – передаче мусульман в дивизию из частей хорватской армии (Домобрана) и началу принудительной мобилизации мусульманского населения. И в этом случае действия вербовщиков прямо противоречили деклариовавшимся лидерами СС принципам завоевания доверия среди мусульман, когда в одном из случаев вербовочная команда СС сорвала молитву в мечети г. Травник, насильно мобилизовав ряд мужчин, многие из которых уже на следующий день дезертировали из подразделения [19, б. 4]. В другом случае излишнее рвение СС в наборе рекрутов ставило под угрозу защиту мусульманских поселений, так как вербовочная кампания охватывала всех способных нести военную службу мужчин-мусульман.

Подобные меры только усугубили намечавшиеся проблемы, способствуя тем самым дальнейшему напряжению отношений с НГХ и подрыву отношений с прогермански ориентированной частью боснийских политиков. С учетом неконструктивного сотрудничества с хорватами и из-за опасения проникновения в дивизию коммунистических элементов в июне 1943 г. соединение было направлено для прохождения дальнейшей организации и подготовки из Хорватии в прифронтовой тыловой район Южной Франции на учебно-тренировочный полигон Ле-Пуи [23, б. 2]. В это время при поддержке Великого муфтия была организована подготовка мусульманских священнослужителей – имамов, обеспечивавших соблюдение солдатами религиозных обрядов и оказывающих на них воспитательное воздействие.

Однако их главным отличием от выполнявших схожие функции в мусульманских подразделениях Вермахта полевых мулл было то, что имамы принимали непосредственное участие в призывах к мусульманскому населению вступать в дивизию, а своими речами и поучениями должны были в том числе воздействовать на понимание и эмпатию немецких солдат и командиров, представлявших себя более цивилизованными и в большинстве своем презрительно

относившихся к своим подчиненным, которым дали уничижительное прозвище «муйос» (mujos) [7, s. 240].

Необходимость решения проблемных вопросов, связанных с недостатком питания, патерналистским и презрительным отношением командиров немцев к мусульманам, оставалась наиболее важной на повестке тем, актуальных для боснийской дивизии. Следующий визит Великого муфтия в дивизию состоялся в ноябре 1943 г., вскоре после подавления сентябрьского восстания в саперном батальоне во французском городке Вильфранш-дэ-Руэрг, причиной которого послужил в том числе и конфликт мусульман и немцев. Важно отметить, что не последнюю роль в успешном подавлении продлившегося менее суток бунта сыграл имам батальона гауптштурмфюрер СС Халим Малкоч, своим выступлением убедивший солдат-мусульман прекратить всяческое сопротивление [1, s. 214–215]. На этом примере демонстрируется сила убеждения, которую имели имамы на своих подчиненных и значимость которой придавали лидеры СС. После окончания войны это позволило югославской юстиции говорить о прямой вине имамов, сыгравших на религиозных чувствах «необразованных мусульманских масс» [7, s. 235].

Религия использовалась как способствовавший фанатизации солдат консолидирующий элемент, что видно из речи дивизионного имама штурмбаннфюрера СС Абдулаха Мухасиловича, произнесённой им перед солдатами дивизии в честь праздника Курбан-Байрам: «...Весь мир разделился на два лагеря.... Некоторые из них находятся под управлением евреев – это англичане, американцы и большевики, которые борются против веры, против Бога, нравственности и более справедливого порядка» [2, b. 67]. Речь Мухасиловича была практически калькой с ранее излагавшихся Великим муфтием речей антисемитского содержания. Пресловутое «еврейство» представлялось СС как один из главных врагов мусульманских эсэсовцев, тем самым актуализировалась собственная значимость в обеспечении спасения традиционно-религиозного общества Боснии и Герцеговины от «бездуховного большевизма» [22. b. 7]. По мнению имама 28-го горного полка СС гауптштурмфюрера СС Хусейна Джозо, поддержка Гиммлером посредством сбора средств благотворительной организации «Зимняя помощь» семей солдат дивизии и поддержка института имамов говорила об особых чувствах рейхсфюрера СС к мусульманам. «...Я считаю своим долгом от имени имамов нашей дивизии и во имя сотен тысяч бедняков Боснии выразить нашу благодарность Рейхсфюреру СС искренней готовностью посвятить нашу жизнь борьбе за великого фюрера Адольфа Гитлера и Новую Европу», – писал имам в своём письме командиру дивизии бригадефюреру СС и генерал-майору войск СС Карлу Зауберцвайгу [20, b. 1].

Столь важная задача, как обретение мусульманскими эсэсовцами веры в возможность построения справедливого порядка только с помощью Германии, прекрасно осознавалась Гиммлером, ранее официально запрещавшим религиозную поддержку иностранным добровольцам в войсках СС. Открытый 21 апреля 1944 г. при участии эль-Хусейни институт имамов в Губене демонстрировал дальнейшую практическую реализацию лидерами СС этого понимания [1, s. 191]. Ноябрьская поездка Эль-Хусейни в дивизию стала следствием сигнала необходимости всё

большей поддержки морали солдат-мусульман, подорванной сентябрьским мятежом, и отношениями с немецкими командирами.

Однако этот визит так и остался в большей степени лишь показательной демонстрацией связи ислама и нацизма, в ещё больше степени повлиявшей на дальнейшее дистанцирование боснийцев от НГХ и продолжение развития идей по созданию боснийской автономии под германским протекторатом. Несмотря на то, что в августе 1943 г. Адольф Гитлер четко определил необходимость дальнейшей поддержки усташского режима в Хорватии, в СС успешно продолжали спекулировать темой автономии Боснии и потворствовать панисламским и сепаратистским настроениям мусульман в дивизии. Незадолго до приезда эль-Хусейни лидеры СС сделали ещё больший реверанс в сторону мусульманской части дивизии, переименовав её в «13-ю добровольческую боснийско-герцеговинскую горную дивизию СС», что закономерно вызвало протесты со стороны представителей хорватской власти и критику немецкого министерства иностранных дел [5, б. 1].

Подобные меры СС в значительной степени осложнили возможность решения накопившихся противоречий с союзным хорватским правительством. Хорватский посол Кошак выражал особую обеспокоенность усилением тенденций сепаратизма в дивизии, предпринявшей по возвращению в Боснию крайний политизированный шаг, поставив под особый контроль небольшую территорию между Брчко, Тузлой и Биелиной [12, б. 1]. «В хорватском районе на границе с Сербией дивизия СС (боснийская) фактически взяла на себя гражданское управление и издала приказ, который не учитывал суверенитет Хорватии», – подчёркивал хорватский посол в беседе с немецким дипломатом Хенке [4, б. 2]. Особо Кошак акцентировал внимание на факт отрицания в дивизии роли поглавника НГХ Анте Павелича как главы хорватских мусульман. В казармах его портреты заменялись на фотографии Великого муфтия, а сама дивизия после возвращения в Боснию в местах дислокации немедленно приступила к упразднению хорватских органов власти, устанавливая собственные административно-правовые нормы, назначая руководителей населённых пунктов и осуждая военно-полевыми судами неподходящих штабу дивизии хорватских чиновников [13, б. 3]. Значимость влияния на дивизию Великого муфтия подчёркивал Зигфрид Каше, рассматривавший «мусульманский эксперимент» СС в Боснии как главный дестабилизирующий фактор в отношениях НГХ и Германии [14, б. 1].

Определение командованием СС 13-й горной дивизии войск СС «Хандшар» как не просто военного, но и политического соединения не увенчалось успехом. Военные достижения набравшего силу партизанского движения И. Броза (Тито) и утрата веры в победу Германии спровоцировали массовые дезертирства солдат-мусульман, покидавших свои подразделения и вступавших в отряды коммунистов. Приход на территорию Югославии осенью 1944 г. Красной армии и её дальнейшее наступление вглубь страны окончательно подорвали мораль боснийских эсэсовцев. Только во второй половине сентября 1944 г. из дивизии дезертировало 2 тыс. солдат, а 21 октября ещё 600 человек покинули дивизию в районе Загреба. Согласно

отчёту Каше частым явлением в дивизии стали случаи отказа солдат-мусульман сражаться против наступающих советских войск [14, б. 1].

Вскоре после окончания войны ролью Великого муфтия эль-Хусейни в обслуживании военных и политических интересов нацистской Германии заинтересовалась Югославская государственная комиссия по расследованию военных преступлений оккупантов и их помощников (Državna komisija za utvrđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača). В частности эль-Хусейни вменялось подстрекательство мусульманских масс к вступлению в войска СС с целью облегчения положения немецких оккупационных войск [29, s. 320].

Таким образом, Великий муфтий, наряду с имамами и инструкторами войск СС, готовивших мусульманских эсэсовцев, становился соучастником совершенных солдатами дивизии военных преступлений. Радикальность и вера в способность Третьего Рейха победить сыграла с видным исламским политиком злую шутку. Спекуляция нацистов на религиозных чувствах боснийских мусульман и активная пропаганда образа войск СС как главного защитника ислама потерпела крах. Никаких иных проблем мусульман Боснии, кроме как принятия военных мер для реализации нацистами собственных интересов, «мусульманский эксперимент» СС так и не решил, в конечном итоге превратив дивизию «Хандшар» в ненадёжное и небоеспособное соединение.

Список использованных источников и литературы

1. Bernwald Z. Muslime in der Waffen-SS. Erinnerungen an die bosnische Division Handžar (1943-1945). – Wien: Ares Verlag, 2012. – 416 s.
2. Bundesarchiv-Militaerarchiv. RS 3. Divisionen der Waffen-SS. RS 3-13/6. Divisionszeitschrift SS Handzar, Folge 1-10. Bajramfest in der Division. 105 b.
3. Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg, Deutschland. N 756. Sammlung Vopersal, zur Geschichte der Waffen-SS. Sign. 168a. Reise Grossmufti von Jerusalem. B. 1-4.
4. Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg, Deutschland. N 756. Sammlung Vopersal, zur Geschichte der Waffen-SS. Sign. 169a. Kopie aus: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Serie E. Bd. VII. B. 1-4.
5. Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg, Deutschland. N 756. Sammlung Vopersal, zur Geschichte der Waffen-SS. Sign. 169a. 13 SS. Freiw. b.h. Geb. Div. (Kroatien). B. 1.
6. Casagrande T. Die Volksdeutsche SS-Division Prinz Eugen. – Frankfurt / Main: Campus Verlag, 2003. – 368 s.
7. Ferhabbegović S. «Vor Gericht. Die Soldaten der Handschar-Division im Nachkriegsjugoslawien» // Südost-Forschungen. – 2010. – № 69/70. – S. 228-251.
8. Herf J. Nazi propaganda for Arab World. – Michigan: Yale University press, 2010. – 368 p.
9. Krizman B. Pavelić između Hitlera i Mussolinija. – Zagreb: Globus, 1980. – 618 s.
10. Lepre G. Himmler's Bosnian division. The Waffen-SS Handschar Division 1943-1945. – Atglen: Schiffer, 1997. – 378 p.
11. Mallmann K.M. Cuppers M. Nazi Palestine. The plans of the Extermination of the Jews in the Palestine. – New York: United States Holocaust Memorial Museum, 2010. – 272 p.
12. National Archives of The United States. Washington D.C. T-120. Roll 1757. 13. SS-Division. B. 1- 3.
13. National Archives of The United States. Washington D.C. T-120. Roll 1757. Richtlinien für die Sicherung des Landfriedens in Bosnien. B. 1-7.
14. National Archives of The United States. Washington D.C. T-120. Roll 1757. Agram, den 28.10.1944. Nr. 205 vom 27.10. B. 1.

15. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Himmler an Phleps 13.2.1943. B. 1.
16. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Weltanschaulich geistige Erziehung der muslimischen SS-Division. B. 1-2.
17. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Bosniaken-Division. B. 1.
18. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Zwischenbericht über Werbeaktion muslimischer Freiwilliger. B. 1-4.
19. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Bericht zur Lage. B. 1-4.
20. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 70. Husein Džozo an Karl Sauberzweig. 6.12.1943. B. 1.
21. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 94. Rede des Reichsführer-SS Reichsinnenminister Himmler auf der Tagung der RPA-Leiter am 28/ Januar 1944. B. 1-89.
22. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 94. Rede des Reichsführer-SS Heinrich Himmler von der Führern der 13. SS-Freiw. b.h. Gebirgs-Division. B. 1-11.
23. National Archives of The United States. Washington D.C. T-175. Roll 111. Aufstellung der Kroat. SS-Freiw. Div. B. 1-2.
24. Redžić E. Muslimansko Autonomastvo i 13. SS Divizija. Autonomija Bosne i Hercegovine i Hitlerov Treći Reich. – Sarajevo: Svjetlost, 1987. – 256 s.
25. Rubin B., Schwanitz W.G. Nazis, Islamism and the Making of the Modern Middle East. – New Haven & London: Yale University press, 2014. – 360 p.
26. Shay S. Islamic terror and the Balkans. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2006. – 231 p.
27. Suppan A. Hitler-Beneš-Tito. Konflikt, Krieg und Völkermord in Ostmittel- und Südosteuropa. – Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2014. – 2060 s.
28. Zaugg F. Albanische Muslime in der Waffen-SS. Von «Grossalbanien» zur division «Skanderbeg». – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. – 346 s.
29. Zečević M.Đ. Popović J.R. Dokumenti iz istorije Jugoslavije. Državna komisija za utvrđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača iz drugog svetskog rata. – T. III. – Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1999. – 717 s.

Frolov D. A. Grand mufti Haj Amin al-Husseini and «Muslim experiment» in Bosnia.

The article reviews activity of the Grand mufti of Jerusalem Haj Amin al-Husseini during the process of involving Bosnian Muslims to the military-political co-operation with Nazi Germany. With reference to a big range of documents from the Federal military archive of the Federal Republic of Germany and the USA National archive we show both importance and role of this religious-political figure in the process of recruiting foreign volunteers to Waffen-SS on the example of Bosnian Muslims. We also analyze the level of support, provided by the Nazi Germany leaders to religious education among the military personnel of the 13th Waffen Mountain Division of the SS «Handschar». We represent the role of Islam in reinforcing the national-cultural sphere during use of foreign volunteers in military efforts of the Third Reich.

Keywords: Islam, national socialism, Grand Mufti Haj Amin al-Husseini, Waffen-SS, Bosnia and Herzegovina.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Бебешко
Елена
Владимировна**

кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Грушецкая
Виктория
Александровна**

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения; старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Каменецкий
Иван Павлович**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Российская федерация).

**Куренков
Геннадий
Александрович**

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва, Российская Федерация).

**Ликсутов
Андрей
Александрович**

соискатель кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Лукшин
Алексей Федорович**

аспирант Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Российская Федерация).

**Ломакин
Дмитрий
Анатольевич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории; старший научный сотрудник Центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Мерзляков
Михаил Петрович**

учёный секретарь Раздорского этнографического музея-заповедника, аспирант Ростовского государственного экономического института (станция Мелиховская, Ростовская область, Российская Федерация).

Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения; директор Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Степаненко Валерий Павлович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
Фролов Дмитрий Алексеевич	Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, преподаватель (г. Хабаровск, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Антонов Е. Е.

Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма	4
--	---

Грушецкая В. А.

Празднование 20-летнего юбилея Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в 1945 году	16
---	----

Каменецкий И. П.

Сибирская служба боярина Ю. Я. Сулешева	40
---	----

Куренков Г. А.

Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной.....	51
--	----

Ликсутов А. А.

Влияние конфронтации СССР и США на советский идеологический дискурс во второй половине 40-х годов XX века.	60
--	----

Лукшин А. Ф.

Начало издания научно-популярных и публицистических книг о генерале П. Н. Врангеле в первой половине 1990-х гг.	68
---	----

Мерзляков М. П.

«Отряды содействия» и налоговая политика советской власти в казачьих станицах Дона в 20-е гг. XX века	75
--	----

Непомнящий А. А., Ломакин Д. А., Бебешко Е. В.

«Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации..	84
---	----

Степаненко В. П.

К реконструкции Мангупской базилики на рубеже XIV–XV вв. 106

Фролов Д. А.

Великий муфтий Хаджи Амин Эль-Хусейни
и «мусульманский эксперимент» в Боснии: к вопросу
о роли исламского фактора в военных усилиях нацистской Германии..... 118

Сведения об авторах 132